

18+

MAXTAMHET

MASSA
FAM
MASSA

Илья Мазаев

#Ихтамнет

«Издательские решения»

Мазаев И.

#Ихтамнет / И. Мазаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557978-2

Их не будет ни в парадных реляциях, ни в списках потерь. Рассказы про фантастические приключения «несуществующих» солдат. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-557978-2

© Мазаев И.
© Издательские решения

Содержание

Дебит1	6
Корней	8
Февраль 2018	10
Четвертый крест	12
Голова	18
Сундук и общество свидетелей Обжорки	27
Скиф	30
Больничка	32
Али	41
Витек	51
Дача, борщ и кровавая баня	57
Поцелуй на Счастье	66
Чакра в золотом	67
Интервью	72
Glock и Кречет	81
Встреча с прекрасными	85
Ветер	89
Сага о костре	91
О смыслах и повторениях	92

#Ихтамнет

Илья Мазаев

Корректор Мария Черноок

Дизайн обложки Ольга Третьякова

© Илья Мазаев, 2021

ISBN 978-5-0055-7978-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дебит¹

Таможня улыбалась, по-доброму, грустно, освещая пространство печалью, – такими могут быть только глаза женщины. Кругом слова – напутствующие и обнадеживающие. Их не обмануть новенькой, с иголки, спецодеждой «Газмяса». Ведь рентген демонстрировал в чреве каждого баула броню, каску, оптику, обвесы – мужские игрушки, продлевающие жизнь. Месяц за месяцем они видели реальный дебет-кредит человеко-гробов, туда – развязанные бруталы, а обратно – почти они, приправленные загаром и марсианской пылью, но в компании цинковых ящиков с упокоенными фрагментами. Бывает. Кто на кого учился. Конвейер. Меняются надписи на спецодежде, но постоянно содержание мешков. Проходим зеленую зону, стараясь не смущать обывателя агрессивными рожами. Однако затор случился, проблема с весом багажа или его содержимым. Очередь встала. Некстати подъехал еще один автобус «газовщиков». До эскалатора выросла длиннющая очередь. Бруталы сбились в группки, а гулкой галдеж привел скользкую конспирацию к общему знаменателю. Редкие ночные прохожие смотрели безразлично, лишь иногда – с любопытством. «Газмяс» делал свое коварное дело. Ремесло соратников смердело тайной. Некоторые, падкие до хайпа парни лезли из кожи вон, чтобы оскалить миру свое истинное лицо: штаны буржуйского «мультикам»² или модная «лова»³. Где-то мелькнет кубанка поверх десантного тельника, а между ними – одухотворенное лицо. Павлиний характер в противовес гладкой упитанности племса. Однако сонным гражданам по большому счету наплевать. И даже более того, скажи им прямо, что ты по доброй воле собрался на чужую войну, кого-то там рубить «на дальних подступах», плюнут в карму и рассмеются. А то и приколотят к придуманному тобой образу сказочного витязя в косоворотке и телогрейке жестокий вывод – «долбоеб».

Таможня глядит в корень твоему наигранному пафосу, то, где мы приобретаем самоуважение, что скрыто под тельняшкой и бородой. Страх, беспокойство? Увольте – пустота! Фатал, возможность бросить рулевое весло, захлебнуться в водовороте событий, раствориться в приключенческом сценарии. И похер, раб ты Божий или сын Его, коловрат на тебе или крест, веришь в Вальхаллу, рай или общую теорию относительности. В омут наудачу. В куртках «Газмяса», с баулами в 30 кг, с куражом на сердце. В состоянии жизни. Когда не бьешься в мешчанстве, как автомат, а вертишься вошью на острие жизненных обстоятельств. Полное погружение в среду. Каждая ложка – лучшая в жизни еда, кофе с кардамоном, варенный на костре из снарядных ящиков, которые нес триста метров из ущелья, – невероятное питье, а бомж в соседнем окопе – единственный человек на земле с глазами Христа, попутчик, герой. Однажды ты почувствуешь его смерть. Серость на лице, извиняющиеся глаза на уставшей душе. И выпадет пазл из твоего уклада. Хлоп. Падают кеглями случайные попутчики. Нас называют неудачниками и адреналиновыми наркоманами. Пустое. Адреналин – для офисного планктона: страйкбол, лыжи, мотоцикл. Сотруднику «Газмяса» – бабло, и жить в каждом миге, в каждом вдохе, среди одинаково сумасшедших. Вот очередь потекла, загремели по полу рюкзаки. То, что должно было случиться, конечно, произошло – кого-то зацепил прохожий.

– Мужики, а вы куда?

– В Дубай, братан. Нефть качать.

– Блин, повезло! – протягивает завистливо крохотный мужичок. Засучил ножками, запорхал руками, видимо, решив, что вот-вот приоткроется дверь в светлое будущее. Забрз-

¹ Дебит является интегральной характеристикой источника (буровой скважины, трубы, колодца и т. п.), определяющей его способность генерировать продукт.

² Мультикам – маскировочная расцветка.

³ LOWA – марка обуви.

жило рахат-лукумом и грудастыми краснодарскими дивами под мясо и горячительное. Дядька решается:

– А к вам можно?

Скиф добр и разговорчив,

– Конечно, брат. Текучка будь здоров.

– Да ну! – Глаза мужичонки загорелись.

– Я тебе говорю, – Скиф моргает честными глазами, – телефон пиши.

Мужик хлопает себя по карманам, в дрожащих от нетерпения руках возникает мятый блокнот, кто-то услужливо протягивает карандаш.

– Спасибо. – Ветер будущего опалил мозг просителя атомным светом, земля катила из-под ног, а в душе бились стрекозиные крылья. Скиф глумливо улыбнулся очереди и продиктовал цифры. Не замечая ничего вокруг, мужик сложил блокнот вдвое, рассыпаясь в благодарности, удалился. Скиф театрально выдержал паузу, прежде чем произнести:

– Начштаба будет рад.

Коридор взорвался смехом, открытым, развязанным.

Но вот засуетились старшие, затор рассосался, и рюкзаки пошли через рамку таможни. Подальше от посторонних глаз, мыслей и выводов. Не дай бог новости посмотрят и свяжут видимое, разумное с очевидным. Очередь подтолкнула меня к таможенной зоне.

– Следующий!

Пять длинных шагов.

– Доброй ночи. – Протягиваю паспорт в окошечко, бейсболку – долой, на лицо – широкую людоедскую улыбку с прорехой между клыками. В ответ – колючий взгляд таможенницы. Паспорт подвергается быстрому, но цепкому изучению. Длинные пальцы с лаконичным маникюром затарахтели по компьютерной клавиатуре. Я скучаю, по привычке жду подвоха. Неожиданно официальная маска падает, женщина улыбается.

Тревожусь.

– Все в порядке? – Принимаю паспорт из ее рук.

– Я вас месяц назад встречала, – объясняет она, неуловимым движением ресниц показывает на экран, – ОТТУДА. Вы здесь проходили.

Честно, не знаю, что ответить, кручу между пальцами паспорт. Конспирация плюс тугодумие связали язык. Но не хочется в ответ на столь мягкую откровенность прослыть невежей.

– Хм, – туплю я.

– Все хорошо у вас будет.

На ум пришло нейтральное:

– Спасибо.

– Удачи, вам, ребята. – Она подтолкнула меня кивком и наставительно добавила: – Возвращайтесь!

Я отворачиваюсь от нее, послушно шагаю прочь. Над кабиной загорается зеленый огонек.

В спину слышится:

– Следующий.

Корней

Группа месила грязь. Была суббота, мечталось сбросить казенную одежду, упасть в гостиничном номере после горячего душа. И водки, в конце концов. И конечно же – баб. Но больше водки. Достало. День стремительно сжимался, как кольцо сфинктера. Пропадало солнце, замазывая вечер серым. От бесчисленных километров дрожат ноги, мелькают перед глазами мокрые березы, согнутые спины, кариматы, рюкзаки. Потяжелевшее «весло»⁴ цепляется за все. Мы все будто ослы, груженные ВВ, кабель-трассами и инженерной тряхомудиной. Сейчас тошнанный запах морга вспоминается тепло – копайся в тазу с ливером и не потей. Ривьера. Оказалось, что вчера было хорошо. Сейчас Корней идет передо мной и шутит про морг. Обсуждаются прелести трупного разложения. Инструктор Михалыч топает вне строя, правее. Косится, но молчит. Его выход будет вечером, когда он, намотав на ус, вставит группнику Шуру. А тот, в свою очередь, бесновато повращает глазами, махнув рукой:

– Да и нах!

Антип позади, угрюм и сосредоточен. Бурчит под нос по-стариковски. Молод, по-жизнски мудр. Дед Антип – ему бы ермолку и топор за кушаком. Бык в голове вскинул руку и, присев на колено с ожиданием смотрит на Михалыча. На Шуру. Михалыч, не теряя хода, ритмично, как ледокол, раздвинул корпусом заросли орешника. Кусты затрещали сухими выстрелами. Он выбрался на край раздолбанной дороги, где начинался полигон. Повел взглядом влево, вправо. Минуя группника, обратился к Марвелу:

– Паша, все помнишь? Две ОЗМ⁵. Одна поднимает другую.

Марвел слотнул:

– Плюс.

– Математик, нах. Так точно. Но нифига, не помнишь. Долбо-е-бы. – Михалыч произвел в воздухе замысловатый жест покалеченной клешней. – Шура, все хреново.

– Да пох, – огрызнулся Шурик.

– Марвел, про МУВ⁶ хотя бы не забыл, какие кольца дергать? Не мамкины сиськи, запомнить недолго. Показать еще раз?

Марвел явно взвесил все аргументы и, поняв, что час между выходным и чавкающей грязью явно лишний, отрицательно покачал головой. Однако одутловатые щеки побледнели. Михалыч принялся рулить:

– К снаряду, голуби! Солнце низко, бляди близко. Компренде⁷?

– Плюс.

– Полное компренде, – захохотал Корней, старлей-разведчик, душа компании и балагур, способный завязать продуктивный контакт что с собакой, что с генералом. Он легко хохмил, естественно, как пустить шептуна. Зато по делу. Михалыч наклонил голову, изучая Корнея, потом переключился на Марвела. Снова на Марвела. Потом твердо заявил старлею:

– Ты пойдешь.

Марвел покраснел:

– С чего?

– Учи магчасть, Паша, – и опять показал кисть с полупальцами. Марвел поник, спрятав почерневшее лицо. Корней, напротив, загорелся куражным бесовским светом.

⁴ Весло (СВД) – народное прозвище винтовки Драгунова.

⁵ ОЗМ-72 – страшно крутая мина.

⁶ МУВ-3 – модернизированный упрощенный взрыватель.

⁷ Понятно (исп.).

Шурик начал бросать распоряжения, заставляя рассыпаться отряд на подгруппы. Расползались по распадку, занимая позиции. Доложились, замерли. Как только скрылось солнце, когда глаза начали различать только бесцветные силуэты, Корней со своей тройкой рванули через дорогу и оседлали обочину над канавой. Начали работать – четко и слаженно, без единого лишнего движения, ловко и без усилий. Усадили увесистые «банки». Наконец тройка вернулась в два прыжка. Корней остался. Зашарил руками вокруг себя, потом махнул: показалось. Вдруг оглянулся, показалось, что даже сейчас, в полночной тьме, загорелись белки глаз и утонули в голубой поволоке. Задорно. Он кивнул и склонился над миной. Лишь торчат лохматые космы и острые напряженные плечи. Секунды, вслед – минута...

Банг!.. Лопнул со звоном черно-оранжевый пузырь. Надежда подкидывала строчкой «все хорошо, все хорошо, все хорошо», но опыт знал: пиздец. Это слово грохотало с каждым тактом обезумевшего сердца. Белое лицо Марвела и багровое рыло Михалыча. Шурик сжимает челюсти – сейчас треснут. Три силуэта стрелой вздымаются над обочиной, чтобы ринуться под опадающий пыльный гриб. И трубный рев Шурика:

– Стоять! Стоять, блядь! Вторая на задержке! Лежать!

Упали. Михалыч включил часы, через пять минут кивнул:

– Внимание.

Жахнуло. Глухо, сквозь вату. Михалыч встал и, не оглядываясь, приказал стальным голо-
сом:

– Марвел, Прибор – пошли.

– Я иду, – известил Антип.

– И Антип, – согласился Михалыч. – За мной. Остальные на месте. В эфир – ни звука!

Они стояли полукругом над обезглавленным телом. Спина бугром, грязный силуэт боевой рубахи, рука вывернута – комок плоти, упакованный в форму. Кровь черно-бурая, перемешанная с пылью и тротилом. Головы нет. Антип шагнул налево и коснулся мыском ботинка чего-то похожего на валун.

– Здесь. – Антип присел на корточки, перевернул голову лицом к себе. – Улыбается Корней.

Михалыч лишь продолжил изучать окружающее пространство. Рука-культия в кармане, в другой фонарик.

– Пиздец. – Шура, запрокинув лицо, втянул в сморщенные легкие весь атмосферный столб. На выдохе горько подчеркнул: – А ведь не уехали еще.

– Не уехали, – согласился Михалыч. Культияпка вылезла из кармана и похлопала Марвела по плечу. – Да, Паша. Да-а.

Протяжное «а-а» заструилась над поникшими головами бесконечным многоточием. Михалыч умел ловко расставлять многозначительные акценты.

Февраль 2018

Черный силуэт – дрожащее пятно в низком чернильном небе. Мерцают лопасти. Длинная струя огненного пунктира обильно поливает землю. Через три-четыре секунды до них докатывается рык оружия. Р-р-р-р-р. Рывок из-под земной пелены камушков и мусора к брошенному пикапу союзников. Чернеют ломы стволов ЗУ⁸. Пустые ложементы. Распахнутые двери. Михалыч, несмотря на возраст и шарообразную фигуру, успевает первым. Падает седалищем на кресло наводчика.

– Сейчас, пацаны, сейчас. – Пробует маховики наводки. Прибор проверил бэка.
– Полная.

Лязгает крышка короба. Шура уже в соседнем кресле, вцепился в вертикальную наводку. Небо снова опрокинуло ленту огня. В контуженной башке лопается колокол, но прицел гонится за дрожащей темнотой. Снова огненный шквал, лава отражается от земли и рассыпается по небу расплавленными каплями металла. Потрескавшиеся губы упрямо двигаются.

– Сейчас, сейчас. – Ладонь упрямо гладит ручку горизонтальной наводки. Право. Право. – Прибор, выше. Не тупи, бля!

Стволы прыгнули вверх, перекрестие едва нагнало проклятое марево, и стопа воткнулась в пол. Р-р-р... Р-р-р... Р-р-р... Гильзы засыпали кузов. Малиновая очередь, разрезав небо дугой, нашарила колыхавшуюся тень и рассыпалась брызгами.

– Бля! – заорали они в унисон. – Что за...

– Чугунный мост! – Прибор сорвал голос. Рокот начал расти, пелена пропеллера развернулась в сторону пикапа, и «Апач» заложил вираж.

– С-сука. – Прибор, ломая локти и колени, меняет короба. Руки сбиты, если бы не перчатки, хана пальцам. Мат, грохот тяжелой ленты. Крышка лязгает, как гильотина.

– Живее, нах. Не тормози!

– Готов.

Михалыч, не дожидаясь второго номера, крутит маховик. Сухой шелест винта, кислый пот, стиснутые до боли зубы. Прибор зычно вопит в ухо.

– Ближе, ближе!

Михалыч глух. Нога жмет педаль до судороги, отдача проваливает пикап на рессорах. Раз, второй, третий. Он бьет и бьет по педали с обреченным упорством. Клацают, крошатся зубы. Слепые глаза. Раскальваются гранитные камни в голове. И вдруг смертельная тень спрыгивает из паутины прицела, роняешь сердце глубоко под горящую землю, рука все еще крутит горизонтальную наводку, разгоняя бесполезную гонку стволов: не успеваешь, теряешь – осознаешь, что проиграл, но упертое тело давит педаль и крутит ручку. Очередь за очередью в холостое небо. Из горла вырывается тоскливый вопль загнанного зверя.

– А-а-а!

Гильзы в последний раз застучали по гофрированному железу. Звон – звон – звон. Крик лопастей. Чернота, битая на осколки. Бег, бег. Огненный воздух в разорванных легких. Рука Прибора на его лямке РПС. Рывок – Михалыч вяло шевелит ногами.

– Шура, блядь, что...

Перекошенное лицо Прибора, злой рот, дикие глаза навькат. Вопит что-то через вату. Не понять.

– Шевелись, старый. ...нах... ..зда.

Михалыч послушно припадает с ноги на ногу, ломаются колени.

⁸ ЗУ (она же зушка) – 23-мм зенитная установка (ЗУ) 2А13, предназначенная для борьбы с низколетящими воздушными целями.

– Что? Что?

Шура рвет его что есть сил за собой, ноги отрываются от земли. Михалыч, чтобы не упасть, валится вперед, перебирая непослушными ногами.

– Всем ...зда! – Стробоскопом мелькает ночь, вслед через секунды длинное-предлинное р-р-р-р-р-р. Далеко. Очень далеко. Глухой топот чужого винта. Они спотыкаются о кочку и валятся слаженно через упругий камыш в стоячую завонявшуюся воду. – Все...

Четвертый крест

Роджер оседлал стул, в руке – стеклянная кружка. Потягивая горяченный кофе, он тягуче размышлял:

– У меня три «мужика» есть. Два в Чечне. Десять лет. Прапором. Один тут, – он потряс левой кистью, обезображенной шрамами. Переломанные лучевые кости делали ее похожей на куриную лапку. – Заслуженно!

Коля шумно втянул воздух, охлаждая обожженный язык, и логично подвел черту:

– И четвертого возьму. Здесь! – Он допил остатки, запрокинув голову и двигая кадыком. Сбросил несуществующие капли на песок. Потянулся. – Так что, братцы, не обессудьте – работать будем много. Рисковать часто.

Братцы стояли вокруг, третий взвод, сборная солянка. Чумазые, раздетые по пояс, разного возраста и племени. Разразившаяся давеча пыльная буря разнесла палатки и вместо подготовки к завтрашнему выходу заставила поработать кайлом да лопатой. У многих – сдвинутые на лоб тактические очки, лица припорошены рыжей марсианской пылью. Руки и плечи в татуировках. У кого руническая вязь, где скандинавские руны, кресты и прочее, прочее. Как шутил Комбат, проще будет жмуров опознавать и пазлы из рук-ног складывать. И тут Роджер поставил жирную точку:

– Я научу вас, как надо умирать.

Лица вытянулись. У первоходов – побелели. Маленький Кот громко выдохнул:

– Пиздец!

Мат разбился о молчание и был подхвачен скользким ветром. Между взводником и людьми повисла неловкая пауза. Быстро темнело. Роджер всматривался в темные силуэты, будто вырезанные из бархатной бумаги. Он закинул руки за голову, скрестив пальцы. Откинулся на спинку стула. Ножки опасно провалились, и трон пошатнулся. Баран Марат, прикупленный к двадцать третьему февраля, жалобно заблеял из загона.

– Готовность в три, – приказал Роджер.

– Братва, давайте жрать, – вклинился Мазут.

* * *

Четыре утра. Взвод растянулся в длинную рваную цепь. Усталые тени, обвешанные лентами к АГС⁹ и ДШК¹⁰. Станины, коробка, огромные рейдовые рюкзаки. Контрастно несоответствие: современные «плитники», каски, буржуйская обувь, боевые пендосские штаны, рубахи. А в руках дедушка Дегтярев, «мосинки», автоматы от Северной Кореи, которые злой язык окрестил «Samsung с вайфаем». Справа, километрах в двух, солидно жарит «зушка», надрывно колотит автоматная стрельба. Наступает «четверка» и разведка. Третьему взводу задача стояла скорее вспомогательная – занять высоту на фланге, закрепить, в случае необходимости поддержать штурм. Шли без сопротивления. Первое напряжение сменилось апатией грузеных ослов. Подошвы мерно взбивали пыль. Роджер налегке носился вдоль колонны, нервничал, подстегивал взвод матом. Народ, стиснув зубы, терпел да матерился в нос.

Ухнул танк, движение не прекратилось, лишь втянуты головы в плечи. Кое-кто из первоходов присел на ватных коленях, да тут же и подскочил под насмешливыми взглядами соратников. Интенсивность боя справа нарастала. Тем не менее после двухчасового перехода взвод бла-

⁹ АГС-17 – автоматический гранатомет.

¹⁰ ДШК (он же «дошка») – советский станковый крупнокалиберный пулемет под патрон 12,7×108 мм. Разработан на основе конструкции крупнокалиберного станкового пулемета.

гополучно добрался до высоты. Бегло осмотрели оставленные духами позиции. Кругом тряпки, одеяла, цинки из-под патронов, гильзы от «дошки». Самодельная станина от крупняка покосилась, ниже по склону, с вражеской стороны, торчит оперение кассетной бомбы. Пара лужиц свернувшейся почерневшей крови под перепаханным бруствером. И все. Никого.

– Крепимся! – скомандовал Роджер. Саперы не спеша обследовали насыпь, окопы закидали толовыми шашками. То тут, то там крепко, звонко шарахнуло. Деловито вытянули остатки «гирлянд». Оголившуюся по центру «сковороду» трогать не стали – от греха подальше. Народ неторопливо рассредоточился по позициям, избегая духовского шмотья. Минуя хозяйские окопчики. Рюкзаки покидали кто где. Расчет АГС обкладывал станину мешками с песком. Роджер улегся на пузо, изучая долину, изрезанную пересохшими ручьями. По фронту в каких-то двух километрах заслоняет горизонт горный массив. Хребет прочерчивает белая полоска насыпного отвала. Укрепления тянутся по всей его длине, с редкими разрывами. Правее высоты, занятой взводом, резкий спад, обрыв. Обрезанная лезвием склона деревня, из-за которой был весь сыр-бор, стыдливо выглядывает кубиками убогих домишек. Ни грамма зелени – песок, камень, перекаленная глина. Ни людей, ни машин. Ветер доносит сквозь завесу канонады лоскуты рычания танкового движка. Пятьдесятпятка¹¹. Духи их использовали повсеместно, насыщая адским апгрейдом из железа и бетона.

Прошло часа два. Здесь ничего не происходило. У соседей, напротив, события били ключом. Боевой канал разрывался. Шли постоянные доклады о злополучном танке и «зушке». Отряды залегли. Птурщики попытались броню сжечь, благо та нагло гарцевала между домиками, но из пятнадцати полученных с союзных складов ракет тринадцать не сошли. Спасибо братскому народу. Наступление завязло. Армия на помощь не спешила. Эфир наполнился досадой. Тогда родился гениальный план. Ведь цель оправдывает средства. Красная дорожка в ноги и серебряная звезда на грудь. Роджер созрел. Бинобль отодвинулся от глаз, Роджер сдвинул каску на затылок и торжественно изрек:

– «Четверке» надо помочь.

О добровольцах не спросили: Сага, Кот и Бром с ПТУРом¹², Мазут с «дегтярем» и пятерка стрелков. Собрались, проклиная командирские амбиции. Наскоро заточили по сухпаю на двоих и, взвалив поклажу, двинулись навстречу бою. Солнце надежно вцепилось в зенит. Начало заметно припекать. На двадцатой минуте перехода мрачное бормотание затихло, только громыхал голос Мазута.

– Дракон – тот же петух, только в чехуе! – донеслось с головы колонны. – А твой позывной как, боец?

Седой мужик сухо после паузы процедил:

– Дракон.

Мазут опешил, да и отмахнулся:

– Не знал! Извини.

По отряду волной пронесся хохот, но тут же задохнулся. Почти час преодолевали неглубокий извилистый каньон, поминутно ожидая атаки бородатых. То, что они были, доказывали то тут, то там валяющиеся одеяла. Заваленная палатка. Метнувшегося на мародерку бойца Мазут тормознул:

– Куда, нах. Разлетишься к ебням.

Боец неуверенно оглянулся, прошел еще несколько шагов, прежде чем вернуться. Роджер обложил его матом. И опять про то, как надо умирать. Вскоре встал вопрос, по какому маршруту выдвигаться – рвануть через гребень, потом с километр по нему и скатиться по простреливаемому склону к позициям «четверки». Или же продолжить месить песок вдоль пере-

¹¹ Т-55 – древний советский танк.

¹² ПТУР – противотанковая управляемая ракета (здесь – «Фагот»).

сохшего ручья. Второй вариант безопаснее, но длиннее на пару километров. Хотя безопасность на войне – сомнительна априори. Духи обожали зарывать «гирлянды» именно на подобных песчаных тропах. А на отходе делали это с изысканным удовольствием. Роджер долго жевал спичку, прежде чем объявить, вытянув по-ленински руку:

– Туда идем.

Кривая, изуродованная осколками «баллона»¹³ кисть указывала на покатый склон. Закряхтели, выматерились, шатаясь, потянулись ввысь. На гребне цепь разорвалась. Война в лицах давно забыта, злые глаза смотрят из-под касок.

– Старшой, привал! – раздалось со стороны птурщиков. Хотя ракеты давно передаются всему строю, дядьки с пусковой выглядят не лучшим образом. Роджер покосился на плато. Пустыня, изрезанная сетью оврагов, пологие холмы, далекие фиолетовые горы. Километра четыре. Он поколебался. Коротко выдал, закусив губу:

– Десять минут привал. Мазут, давай наверх. Внимательно всем.

Мишка Мазут, откаламбуривав над первым попавшимся бойцом, стрелой взлетел на высоту и, разложив сошки, устроился там. Стрелки лениво растянулись по флангам. Задымили сигаретами. Разговоры не клеились. Молча передавали воду. Шелестит упаковка батончиков, пакетики сахара. Несмотря на пекло, стало холодно. Ветер пронизывал мокрую от пота одежду. Роджер всматривается в долину, играя скулами. Наконец он встал, скрипя суставами.

– Пошли, – скомандовал он и, не дожидаясь никого, направился к высоте, занятой Мишкой. Народ, будто потревоженная ветром трава, лениво поднимался, не сговариваясь сбивался в группы.

* * *

Танковый снаряд врезался в птурщиков. Банг! Звонко ударило по ушам. Розовое облако опало, открыв разбросанные руки-ноги. Покореженный корпус пусковой. Ботинок с вытянутым на всю длину шнурком. Лопнувшая каска с фрагментами мозгов. Ватную тишину порвал шипящий возглас:

– Бинго, нах...

И тут же громогласный рык Мазута:

– Выхо-о-о-о-од!

Через три секунды снаряд впился метра на четыре левее, закидав каменной крошкой фрагменты тел. Мазут вооружился серым охотничьим биноклем. Он, приподнявшись на локтях, рассматривал селение. Раздался рык танкового движка. Над крышами смачно задымило. Черное носастое пятно рывком выбралось из-за глинобитного угла.

– Вспышка! Щемись!

Три секунды, и ниже по склону встряхнуло взрывом. Завизжали осколки. Люди вжались в острые камни, боясь пошевелиться. Кто-то, напротив, медленно, вязко отползает. Танк теперь видели все. Он с ходу кинул еще снаряд и, плюнув выхлопом, запрыгнул за дом. Но это не значило, что все закончилось. Редко, с интервалом в секунду-две, посыпались пули из «дошки». Эмдэзехи¹⁴ громко и беспорядочно хлопали среди лежащих бойцов.

– Уходить надо. Роджер, команду!

– Лежать, бля!

– Перевалят!

Из кровавого месива раздался вой:

– Пацаны, я триста! Пацаны!

¹³ Самодельный духовский снаряд из газового баллона.

¹⁴ МДЗ – пуля зажигательная мгновенного действия (здесь калибр 12.7).

Кто-то зашевелился рядом с «кузнечиком». Кровавый комок, черно-белая культя, залитая красным голова с обнажившимися коренными зубами. Носа нет – лицо с красным провалом посередине, присыпано серой пылью.

– Роджер, есть триста.

– Роджер!..

Звонко визжат рикошеты. Кто-то пытается ползти к окровавленной куче тряпья, но замирает на полпути. Дракон. Он оглядывается. В круглых глазах – вина и страх. Совсем рядом вспыхнула МДЗ. Дракон уронил голову в землю.

– С-сука!

– Живой?

– С-сука! Цел.

Страшно кричит раненый. Резко, захлебываясь. Команда Мазута.

– Вспышка!

– Дракон, назад! Назад, бля!

Шарахнуло.

– Дракон, епта?

– Роджер?!

Дракон начал сдавать. Кот подскочил к нему на полусогнутых и буквально втянул мужика в неглубокую яму.

– Герой, нах, – выругался Дракон. Пригладил волосы тыльной стороной ладони, грязь расплзлась по лицу неровной маской. Грузный Кенвуд прятался за рейдовым рюкзаком. Рядом – гражданский рюкзак с «телом» АГС. Червонец правее. Самостоятельно наматывает бинт на правый бицепс. В ногах – станина от автоматического гранатомета и две «улитки».

– Послал, блядь, бог командиров, – выругался он, злобно покосившись куда-то в вершину.

– Крестоносец хренов, – согласился Кенвуд.

Роджер молчал, в округлившись глазах играла растерянность. Пыль от взрывов еще не улеглась, кое-кто пытается добраться до раненого, что издали представляет из себя бесформенную окровавленную кучу тряпья, припорошенную черной пороховой гарью. Выразительно белеет обломок кости. Но тут же откатываются назад, густо сыпятся пули от «дошки». Вопли, мат, уплывающий кровавый смрад. Снова заревел танк. Пиздец... Кто-то увесисто ударил в плечо. Роджер потерянно оглянулся. Мазут. Рядом, присев на колени, протягивает рацию. Глаза дикие, рот искривлен гневом.

– ...блядь!

– Что? – Роджер заморгал.

– Командуй, блядь! – прошипел Мазут. Роджер растерянно осмотрел потрепанный отряд, взгляд на мгновение задержался на останках расчета ПТУРС и поспешил убежать. Уперся в угол спичечного коробка глиняного домишки, откуда коптила вражеская броня. Непослушные пальцы нашли рацию, шелкнула тангента.

– Марат – Роджеру! Марат, Марат – Роджеру.

– Вспышка!

Холм содрогнулся, завизжали осколки, посыпались камни, застучали по каске. Раненый, собрав последние силы, заголосил:

– Пацаны!!!

Кто-то рядом от бессилья закричал зубами.

– Блядь!

– Марат – Роджеру, – сухо заладил взводный. Мазут не выдержал:

– Твою же мать!

Он в три прыжка скатился с высоты и хлопнул Дракона по плечу.

– Зверь, погнали.

Дракон на полусогнутых кинулся следом, придерживая незаконченную повязку. Они подхватили раненого за лямки РПС и, провалившись на колени, потащили. Было видно, как следом за обезображенным телом тянется на сухожилии оторванная нога. Роджер стеклянно уставился на них, щелкнула тангента:

– Марат – Роджеру. Марат, Марат – Роджеру.

Мазут работал, как трактор. В одной руке «дегтярь», другая тянет лямку. Дракон надрыгается, колени сбиты в кровь. Рот жадно хватает воздух.

– Давай, давай! – кричат с горы. Кто-то готов на низкий старт, в помощь, борясь со страхом, кто-то голосит, не отрываясь от земли. – Быстрее, пацаны, быстрее!

До гребня – считанные метры, Кенвуд и Кот решились, сорвались, побежали низко, почти на четвереньках. Перехватили ношу. Они все перевалились через гребень, скинули раненого и, обессиленные, упали. Секундой позже грянул взрыв, перемешивая окончательно останки расчета. Фрагменты тел, камни, пластик, провода.

* * *

Раненого обкололи «коктейлем», затянули жгуты, накрыли плащ-палаткой.

– Марат – Роджеру...

– На связи!

Взводного прорвало:

– Командир, мы под огнем. Танк. Есть двести, триста. Здесь пиздец!

– Спокойно, – обрезал комбат, – Саша, спокойно. Сколько двести?

Роджер закусил губу.

– Трое. Триста – один. Тяжелый. – Он посмотрел на суету вокруг раненого. – Если срочно не эвакуировать, отойдет.

Голос ловил истеричные нотки. Он безучастно проводил глазами бойца, который перебежками добирался до высоты, оставленной Мазутом.

– Мазут, почему фланг открыл? – неожиданно нашелся он. Пулеметчик обрезал раненому обвисшую кожу и сухожилия.

– Килька, да ты охуел, – возмутился он, не прекращая орудовать ножом.

– В контейнер пойдешь! – закипел Роджер.

– Пошел ты, землячок.

Рация ожила:

– Роджер, двигать можете?

– Нет, не можем. Танк, бл...

– Арту наведешь?

– Да легко. Танк на восточной окраине деревни.

– Хорош гадать. Координаты давай, нах!

Роджер перевернулся на спину, извлек карту. Сверился с ней, выглядывая из-за валуна.

– Марат!

– На связи. Готов работать?

– Лови координаты. Квадрат ..., по «улитке» шесть.

– Принял. Наблюдай.

– Наблюдаю.

Прошло минут семь, когда комбат обрадовал:

– С праздником, родной. Не дотянется арта.

– Пиздец! – запаниковал Роджер.

– Спокойно. Попробуем вояк подтянуть. Должны помочь. Как больной?

Роджер оглянулся, понаблюдав за суетой и доложил:

– Живой.

– Принял тебя. Сможете спустить?

– Плох он.

– Принял тебя. Наблюдай. Никуда не суйтесь. Внимательно!

Прошло полтора часа. Марат вышел на связь.

– Роджер, смотри сюда. Ничего не будет. Людей оттягиваешь...

– Как я их нахуй оттяну?!

– Без истерик, родной. Потихоньку. Спускаете трехсотого. Будет вертушка. Если придется, ждете темноты. Как принял меня?

Роджер заиграл желваками.

Раненого в шесть рыл спустили. Пришла вертушка. Непонятный ни замыслом, ни завершением поход закончился ничем. Через сутки приехали ССОшники, танк спалили «корнетом» с семи кэмэ. Противник сразу отступил, а «четверка» с разведкой заняли их позиции. Крест «мужества» остался в клубе, а место Роджера занял более колоритный персонаж. Шунт. Но это уже другая история.

Голова

Генерал был настоящим. Надменное обрюзгшее лицо, плотный начальственный живот как концентрация федеральной мощи и дружбы между армией, народом и холодильником. Он с порога оценил Кирилла, смешав с первородной грязью и одновременно снисходительно извлекая из говна. Затем палец генерала очертил высоту на карте.

– Займете эту высоту. Ничего сложного. – Слова были обращены Комбату, человеку легендарному, вхожому по воле случая на самый верх. Генерала это раздражало.

– Там духи кругом, – заявил Кирилл, слова упали, как слюна на раскаленную сковороду, заплясали шариками по огненному генеральскому самолюбию. За три продолжительных секунды и выпученные глаза начальник спустил пар, что позволило ему относительно спокойно заявить:

– Если там духи, я застрелюсь, блиадь!

Комбат и Кирилл переглянулись, Комбат весело, Кирилл – растерянно. Эфир заблестал эполетами и офицерской честью, густо замешанной на императорских балах.

– Союзники доложили, нет никого. Закрепитесь. Плевое дело.

Кирилл вздохнул, шумно отхлебнув протянутый Комбатом кофе.

– «Орлан» летал? Ножками ходили? – спросил он через глоток. Переглянулся с Комбатом, затем пересекся взглядом с генеральскими холодными глазами. Жестко, до стального лязга. – Точно застрелитесь, если что?

Генерал побагровел, кто-то из ординарцев фыркнул – напыщенно, по-холуйски, чуть не шаркая несуществующими шпорами. Охрана, однако, чуть заметно оскалилась.

– Ты меня за слово не лови, сопляк, – прошипел генерал, – свое дело сделай. Если ссышь, так и скажи. Твой командир, я думаю, замену найдет.

Кирилл пропустил тираду мимо ушей. Кружку поставил прямо на карту, отпечатывая смачный коричневый круг.

– Что с соседями? Поддержка? – спросил он Комбата.

– «Четверка» слева пойдет. Выходите вместе, на точке расходитесь по направлениям. Армейская арта в помощь.

– Добро, – кивнул Кирилл. Следующий час оговаривали детали.

* * *

Как только солнце упало за горы, отряд пришел в движение. Растянувшись в километровую колонну, навьюченная, перегруженная, ползла разнородная человеческая масса. Ночь заскрипела песком, забормотала сотнями голосов вкупе с арабской тарабарщиной. Обрывистое гавканье радеек пронеслось по всей длине строя. Идут метры через часы, Медведь видит перед собой только силуэт спины. Вязкая тьма окружила, алчно слизав сообщников по ремеслу, пропуская сквозь лишь тихий звон и проклятия, переплетая в тонкий звуковой ковер. Человек впереди и человек сзади. Метр за метром, шаг за шагом, минуты – в часы. Колючий песок на лице, промокшая от пота флисовая шапка. Ткач с пулеметом на плече знай себе глотает метры. Погрохатывает в коробе лента в такт растянутым шагам. Метр за метром. Тяжело качает сердце. Два шага вдох, два шага – выдох. Рука ловит протянутую Ткачом бутылку воды. Кивок. Жадный глоток. Второй. Третий. Завинтить крышку. Молча вернуть в мародерку, прищелкнув фастексом.

– Благодарю.

Мельком замечает поднятую руку: «Внимание!». Продублировал, сел на колено. Аккуратно, стараясь не завалиться под тяжестью рюкзака. Выбрал сектор, попробовал рассмотреть

его в прицел. Тщетно. В окуляре – силуэт хребта на фоне звездного неба. Черная бархатная шевелящаяся яма.

– Что видно? – обернулся Ткач.

– Нихера, – ответил Медведь, нарочито картавя, – нихера.

Поймал отмашку: подъем. Кряхтя, поднялся, опираясь на «весло», в коленях резко уколело. Пошли. Шаг за шагом, метр за метром. Иногда колонна натывается на протяженные разломы, в темноте не разглядеть – метр до дна или пять. Звездный свет облизывает покатые края обрыва и тонет в чернильной тьме. Осторожно, проклиная местность и командование, колонна перебирается на ту сторону. Прыжок, и сердце обрывается, но нет – руки товарища вцепляются в лямки рюкзака, чтобы перетащить на другой берег. Кивок благодарности, остановка, чтобы повторить этот трюк с идущим вслед. И снова – шаг за шагом. Бутылки идут по рукам, вода уходит в пот. Громкое сопение и скрежет зубовой. Шипит рация. В сотый раз взмах рук. Сели-встали. Теперь падаешь не на колено – на жопу, блаженно облокотившись на рюкзак, раскинув ноги. Оружие смотрит в темноту, без толку, но так надо. Дачник просто завалился на бок, жадно глотает воду из фляги. Перерыв в три глотка. Подъем! Медведь поднялся, помог Дачнику.

– Пошли?

– Пошли.

Отпустили Ткача на пять метров, он еле виден – скорее угадывается по направлению, по звуку. Тронулись. Пот уже не течет. Лицо – пыльная маска с прочерченными дорожками. Мандраж давно отступил перед усталостью. Охота упасть вниз лицом и раскинуться звездой. Сели! Упал на бок, обернулся на Дачника. Светятся белки глаз. Показывает большой палец: нормально. Встали!

– Блядь!

Час за часом, шаг за шагом. Черноту разбавило серым, резко очерчивая грани вершин. Падают песчинками минуты, прессуются в часы, волокут солнце на небосвод. Жажда уступила место тупой апатии. Шаг за шагом – вдох, шаг за шагом – выдох. Медленно, вязко, буксуя в камнях, перетертых миллионами лет. Шаг за шагом. Сели! Успеваешь глотнуть сухого воздуха. Встали!

– Твою же мать!

Стрелки часов ползут к тройке. До хребта рукой подать. Час-другой. Союзники плетутся следом. Сначала как учили, спустя часы – сбились в мушиную кучу, роящуюся и галдящую. Как дети в школьном походе, будто в сказку попали. Удивительная способность игнорировать очевидное, неудивительно, что ПМН словили именно они. Банг!.. Звонко жажнуло, значительно правее ордера. Медведь оказался на земле, замер, вращая глазами. Мина. У союзников началось веселье. Громко заклокотали, загалдели, замолотили в ночь трассерами. Цирк. Затем счастливики нашли еще одну мину. Польшнуло. Оглушило до звона в ушах. Новый всплеск возбуждения. Несчастный арабский капитан попытался навести порядок, но был послан. Известно куда. Он вовремя сообразил, в чем дело, поэтому не сделал ни шагу, а только размахивал рацией, используя антенну как указку. Однако когда он включил фонарь, жалость к чудо-офицеру пропала. Дачник обложил засранца таким матом, что всплеск негатива мог сжечь квадратного коня в стеклянном кубе. Фонарь погас. Угас и пыл союзных человек.

– Мины, мины, – загалдели они по-русски.

– Так ведь война, – хихикнул Дачник.

По русскому строю пронеслось: «Осмотреться!» А толку – пятьдесят бомжей прошло, естественно, пусто. Пока Медведь изучал местность вокруг себя, арабский гвалт начал утихать.

– Ушли, бляди, – сплюнул Дачник. В темноте растворялась спина незадачливого садака-капитана.

– Войнажежь! – прошипел Ткач и очень похоже, по-губерниевски, протянул: – Опасно-о-о-о.

Подрыв и связанные с ним мероприятия позволили перевести дух. Медведь с удовольствием вытянулся, взгляд шерстил сектор, уши слушали эфир, а ум думал мысли. Все это происходило раздельно, игнорируя липкий далекий страх. Из ступора вывел оклик.

– Чи-чи!

Медведь лениво оторвался от своего сектора. Овал, припадая на четвереньки, подобрался на расстояние вытянутой руки.

– Мархаба, – поздоровался Медведь.

– Как ты?

– Живой.

– Видел, садыки ушли?

– В первый раз, что ли? – отмахнулся Медведь. – Лучше сейчас.

– Пидоры слабозадые.

Медведь разумно промолчал, говорить не хотелось, хватало своих мыслей, без Овала. Того несло и потряхивало от возбуждения. Он суетливо водил стволом, трогал магазины, перебегал пальцами по гранатным подсумкам.

– Бля, хочу кого-нибудь убить, – неожиданно заявил он. – И бошку бородатую отрезать. – Зачем-то попробовал, как вынимается магазин из штурмового подсумка. Магазин вернулся обратно под фиксатор. Бешеные глаза Овала заглянули в лицо Медведя. – Ведь мрази.

– Да пофиг. – Медведь пожал плечами.

– Твари черножопые, – продолжал заводиться Овал. Его ручки добрались до ножа. Это был массивный тесак. Овал продемонстрировал черненный клинок, делая вид, будто обрезает чью-то шею под грязной бородой.

– Ага, – сухо подтвердил Медведь, – по горлу и на холодец.

Овал не понял сарказма и хохотнул. Затем грузно поднялся.

– Погнал.

– Давай, – бросил Медведь. Он проводил Овала глазами, ожидая, когда согнутая до самой земли фигура скроется в темноте, чтобы заметить вслед: – Эх, молодежь...

Дачник угрюмо согласился. Вдруг Ткач скомандовал:

– Подъем.

С проклятиями встали. Двинулись со скрипом в коленях. Два шага – вдох, два шага – выдох.

* * *

Повезло. На мины больше никто не попал. Монотонно обходили ловушки, пудовые ноги переступали через проволоку стреляных ПТУРов. Подъем затянулся. Предыдущие пятнадцать километров теперь представлялись легкой утренней зарядкой. Солнце вот-вот взойдет, а рота только втягивалась в каменный лабиринт, который становился круче и круче. Дно древней реки оголено до гладкого отполированного базальта. На серой поверхности пятна выносливой микроскопической живности. Редкие кусты торчат колючими помпонами. Скоро светило заставит выбраться на волю полчища жуков-говножорок. Они ринутся по своим вонючим делам – верные спутники боевых бомжей. Ноги забились: жрем аспирин – помогает. Белым канатом опоясывает хребет бруствер, он первым принимает на себя лучи рассвета. Под ним фигурки «голова», машут – «подтягивайтесь». Свинцовые стопы волочатся на цель. Ткач оживился, с интересом поглядывает на пустой укреп, явно фантазирует насчет устройства удобного бун-

гало, где будет мангал из цинка и таганок для мате¹⁵. По спине мандраж, как перед финишной лентой. Медведь поднял винтовку, ствол заскользил по хребту, нигде не задерживаясь. Пусто: ни нычек, ни палаток, ни вездесущих одеял. Похоже, прав был генерал. Капитан раздал команды, строй рассыпался на группы, разбирая участки. Медведь, Ткач и Дачник побрели на свой. Дачник вполголоса переругивался, черно завидуя соседям. Было скучно и по-мирному обыденно, будто идешь шерстить соседский огород. Но им «повезло» больше всех...

* * *

– Охтыжептвоюмать!

Аду¹⁶. Дух. Бармалей. Бородатая кукла, завернутая в одеяло. Стоит вполборота, из-под серой свалывшейся шерсти торчит всклокоченная борода. Медведь застыл, увязая в остановившемся времени: СВД стволом вниз, столитровый рюкзак режет лямками плечи, флисовая шапка сбита на затылок, открывая блестящий от пота лоб. Не лицо, а пыльная маска. Глаза вдруг становятся огромными – сейчас покинут череп и заскачут по колючему склону сквозь валуны и растяжки. Сердце упало. Толкнув пятки, разогнало кровь. И вдруг взлетело бомбой под самый купол. Мир загорелся фейерверком. Тронулось. Понеслось галопом: серое пятно на срезе ствола, толчок приклада в бок – второй, третий. Рюкзак долой. Сам – вперед, некрасиво, на коленях. Краем глаза видит корчащийся в агонии комок: одеяло, нога в кроссовке на босу ногу роет землю. Дальше – заваливается другой дух, как был, ссущий на коленях, мордой в собственную мочу. Одновременно ритмичные хлопки выстрелов АКМ и вопль на сотни метров вокруг:

– Духи!

Дачник, сложившись пополам, коротко жалит по одному ему видимым целям.

– Ткач, жарь, блядь!

Медведь привстал: граната в руке. Кругляш в траншею. Вторую – туда же, но правее. Третья – на взвод.

– Держу, блядь, пошли!

Ткач на месте. Шарит пулеметом по узкому сектору. Вопли, галдеж. Рация переполнена рваными командами. Мгновение – и зарокотало по всей вершине. Медведь закинул гранату и одновременно с хлопком перевалился за изрытый бугор.

Били сонных, расплзающихся, азартно – по-охотничьи. Редкие очаги сопротивления захлебнулись в шквале огня. И наконец бабаи не выдержали. Волна оборванных полураздетых людей посыпалась через бруствер. Рота, опьяневшая от крови, дружно залегла на стрелковом рубеже и как в тире начала выщелкивать обезумевших бородачей. Деловито меняются магазины.

– Смена! – Овал сползает с бруствера, жадно, будто до бабы, добирается до рюкзака, коробки с патронами на землю, зубы рвут скотч, а дрожащие от нетерпения пальцы рассыпают патроны в панаму. Магазины споро забиваются. Овал успеваешь вертеть головой. Но брешь в строю тут же занята новым «охотником».

– Пустой!

Быстрая замена.

– Пустой!

Гвалт, треск очередей, щелчки магазинов, радостные вопли.

Одновременно чистят лагерь. Гранаты подбрасывают палатки, пули горохом осыпают убитые не одиножды тела. И так: вторая, третья волна зачистки. Нет какого-то плана. Все про-

¹⁵ Мате – травяной чай.

¹⁶ Аду (араб.) – враг. Садык (араб.) – друг.

исходит само собой по обыденному сценарию. Грязные обгадившиеся тела, брызги крови, удивительно алые, еще не успевшие почернеть. Истоптанные ботинками лужи. В конце лабиринта, за каменной невысокой стенкой, шесть серых коконов лежат рядком, подогнув колени. Эти даже не успели проснуться. Один висит на ограде, «комок» задран до лопаток, резко-белое тело изрыто осколками в районе крестца – граната. Растопыренные изломанные пальцы так и не дотянулись до автомата.

Капитан стоял в центре этого хаоса, основательный, живой.

– Скиф, бери Крота. Лагерь проверить. Не рискуйте. Мародерку отставить. Вик!

– Я!

– Ставь АГС. – Он кивком показал куда. – Феликс!

– Здесь.

– Пулеметы на фланги.

– Принял.

– Охоту прекратить. Зарывайтесь. Всех свободных вниз. Подтаскивайте добро.

– Как скажешь.

– Черный, тащи чернильницу, – велел Капитан радисту.

– Здесь я.

– Головка, блядь, от... – Капитан принял тангенту. Одними глазами спросил: готово?

– Сухум, – подтвердил Черный. – Через Рысь. До базы не дотягиваемся.

– Рысь – Капитану.

Минуту Капитан отсутствующим взглядом наблюдал суету на редуте, пропускал спокойно радостные крики, увидев Сливу с матрасом на голове, поморщился.

– Капитан – Рысь один.

– Передай на Сухум, мы на месте, духов до взвода. Ведем бой. Потерь не имею.

– Принял тебя, Капитан.

Капитан выхватил пробегающего мимо бойца.

– Снайпер где?

Боец некоторое время смотрел на Капитана пустыми глазами, пока не узнал.

– А хер его знает. – Он честно пожал плечами и убежал. Капитан взвесил в руках тангенту, а затем заорал так, что над горами сквозь стрельбу и вопли разнеслось звонкое эхо:

– Медве-едь! Медведь, нах!

* * *

Медведь колхоз презирал, поэтому с бруствера стрелять брезговал. Любительщина. Присмотрев сгорбленную пополам опору ЛЭП, они с Дачником оставили бесшабашные порядки бомжей¹⁷, чтобы, углубившись в каменные дебри на правом фланге, выбрать более сытное место. Медведь сразу, как только началось бегство, сообразил, что бабаи, кто поумнее, ныряют за каменный отвал. Устье пересохшего ручья чернело чирками трупиков, но везунчики благополучно достигали укрытия. А что там – одному богу известно.

Под опорой Медведь осмотрелся. Взгляду открылось ущелье, духи жмутся друг к другу, лежат вповалку, дышат, клянут Аллаха за подставу. Или благодарят. Один активно и повелительно машет руками, умудряясь одновременно что-то надиктовывать в радио. Медведь оценил: шестьсот метров – не больше. Спокойно прицелился в центр тесной группы, выстрел хлестнул неожиданно. Как только галка прицела упала обратно, повторил. Толчок в плечо, второй, третий, четвертый... Замена магазина. Выстрел, выстрел, выстрел. Куча людей встрепе-

¹⁷ Боевые бомжи – самоназвание штурмовых подразделений «музыкантов», потому что живут где придется, едят, что можно есть.

нулась, словно рой мух, но в овраге остались лежать тела. Выстрел. Выстрел... Смена магазина. Аду рассыпаются, самые отважные начинают огрызаться. Но свистит очень высоко, в метре над головой. В окуляре – яркие точки вспышек. Визжит близкий рикошет. Дачник поливает над ухом из автомата словно из лейки. Движение. Галка вправо. Выстрел. Выстрел... Не промазал ни разу. Глумливо, жестоко, безнаказанно. Успокоился, только когда в овраге наступила мертвая тишина. Ни движения. Разбросанные, перепутанные тела. Мертвые камни, расплавленный воздух над раскаленными камнями. Ни души. Выдох, глубокий, как вздох облегчения. Медведь отпрянул от прицела, немигающий взгляд побежал по камням, вывернутым рукам, спинам, коленям. Грязные, замешанные с пылью «комки». Дрожит воздух, застывая маревом мрачную картину, а на душе легко – кончилось. Покидал азарт, освобождая место усталости и опустошению. Второй слой¹⁸ мокрый насквозь, хоть выжимай. Прокрался колкий неуютный холод.

– Медведь!

Он нашел на ощупь оброненный магазин, сунул его под нагрудник «честрига».

– Медведь – Капитану.

Радио, вспомнил он. Надо же. И вдруг осознал, что стрельба прекратилась кругом. Даже более того, на вершине бесстыдно ржали.

– Медведь – Капитану.

Медведь вздохнул, пальцы нашарили рацию, и после небольшой борьбы с клапаном под-сумка он отозвался:

– На связи Медведь для Капитана.

Только отпустив тангенту, с улыбкой подмигнул напарнику. Дачник сдвинул белую кепку-восьмиклинку на затылок, вытер потный лоб, серые глаза тепло осматривали заваленный трупами склон.

– Хорошо поработали.

Рация опять заговорила:

– Капитан на связи. Ты, бля, где?

– Работал. Много. Возвращаемся.

– Пойдем? – Дачник поднялся с колена.

– А то! – согласился Медведь.

Вдруг на боевом канале заголосили чужие голоса:

– Царек – Отарию, салфетки возьмите.

– Принял, Царек.

– Чикен братъ?

– Не вопрос.

– Два.

– Принял тебя. Вечером на «поле».

Медведь с Дачником переглянулись и в один голос отразили свое отношение:

– Блядь!

* * *

Наверху не ржали. Работали. Освобождали щели. Обживались. Трупы стащили в восточный угол, где складывали рядком. Над ними – мрачные тени, слоняются среди хлама. Кругом простреленные одеяла, хрустят под подошвами гильзы. А глаза нет-нет, а взглянут в даль. Она не радовала. Предгорье разрежала пыльная полоса, совпадающая с ниткой дороги, которая виляла по следам тысячелетней эрозии и кончалась в подножии.

¹⁸ Флисовое термобелье, греющий слой. «Вафля».

– Да, – сказал Медведь, – нас мало, и тельняшек на нас нет.

– Жопа, – согласился Дачник. Он был благодушен, его больше беспокоила перспектива потерять рюкзак с теплыми вещами и тушенкой, чем тухлое будущее предстоящего контр-удара. – Надо сожрать что-нибудь.

Капитан кипел. Кажется, тангента расплавится и потечет сквозь пальцы. Связист осмотрительно держится поодаль, обнимая радиный рюкзак, пустой взгляд тычется из-под панамы. Феликс возвышается особняком – мощный торс упакован в британскую «пустынку», – качается на богатых «ловиках» с пятки на носок. Он отрешен, на Капитана демонстративно не глядит, больше доверяя своим острым эльфийским ушам.

– «Вы все придумываете», – прошипел Капитан, явно передразнивая кого-то, – «там нет никого». – Он набрал полную грудь воздуха и громогласно рыкнул: – Конечно, нет. Потому что мы всех убили. Блядь!

Феликс, слышавший оригинал диалога, остался нем. Человек-скала лишь поиграл желваками, разглядывая пыльный шлейф на дороге. Капитан долго изучал пустоту, невидящие стеклянные глаза прожгли Феликса, Медведя, Дачника. Медведь проглотил комок, ожидая нагоняя. Но обошлось. Капитан неожиданно воспрянул. Увидев что-то известное одному ему, ротный вдруг родил:

– Феликс, нах!

– Я. – Громила перестал качаться.

– Феликс. Дорогой. Рубите. Головы. – Капитан отпустил тангенту и потер ладони. В его глазах загорелся бешеный огонь. – Мне нужна башка. Самая красивая.

Феликс бровью не повел.

– Нафига?

Капитан страшно засмеялся.

– Мне нужен его мозг.

Связист грустно вздохнул и пожал плечами: «Похоже, ку-ку».

* * *

Овал крутился бесом.

– Сюда его, сюда.

Выбор был невелик: в основном попадались азиаты с крашенными в рыжее шевелюрами. Куцые восточные бородки обрамляли суровые лица. Получалось, самые пронырливые – арабы – стартовали через бруствер и теперь украшали склон. Но соваться туда желающих не было. Наконец нашелся колоритный персонаж. Это был часовой, который проспал рывок отряда, – первый трофей Медведя. Вот он, завернутый в одеяло. Тело изогнуто, костлявая угловатая задница задрана, колени под себя. Лицо вытянуто на длинной шее и покоится на богатой бороде, будто на аппарели. Кровь, слюни и прочая дрянь на спутанных курчавых волосах. Первая жертва, но виновник успеха. Под бравые крики собралась толпа «головорезов». Овал брэнчал яйцами и громкими заявлениями. В руках brutальный тесак. Градус решительности нарастал.

А Медведь просто копал, рубил скалу, корчевал камни. Оказалось, все плохо. Генерал уже поверил, что бой был, но, по обычаю, прикрытием добровольцев не озаботился. В общем, армейская артиллерия не дотягивалась. А радужная перспектива приближающегося пиздореза¹⁹ вселяла отличный рабочий энтузиазм. Рядом пыхтит Дачник. Ткач разложил пулемет на брезенте и натирает поршень, высунув язык. Ткач мрачен. Он имел неосторожность заглянуть в отличную трубу от старины Цейса. Теперь божится, что насчитал восемь десятков

¹⁹ Пиздорез – жаргонное название страшной боевой мясорубки.

машин. Пикапы уходили под правый фланг и пропадали под масштабным каменным выступом, похожим на челюсти дракона. Сейчас Ткач хоронил свой оптимизм.

– Эх, арту бы, – затащил Дачник.

– Нахер! – проворчал Ткач. – Вертушек карусель на полчаса – и зрада!

Медведь молча продолжал совершенствовать окоп. Он выложил его дно простреленным турецким спальником, в каменных нишах расположилось с десяток «эфок»²⁰. Наконец, оглядев удовлетворенно дело своих рук, он облокотился на осыпавшуюся стенку.

– Не будет вертушек, – сказал он равнодушно, сняв шапку, вытер ей пот и отжал. Они втроем посмотрели на падающие капли. Медведь откашлялся и добавил, переводя дыхание: – Духов здесь нет. И нас здесь нет. Так, – он повертел в воздухе саперной лопаткой, – мясо с низким сроком годности.

– А вот мясники уже задолбали, – проворчал Ткач, кивнув в сторону инициативной группы.

* * *

Он раздвинул их плечами и застал Овала над мертвецом – голова на месте. Овал уставился на Медведя растерянно, продолжая удерживать бабая за воротник куртки. В глазах Овала царил такая борьба, что раздражение Медведя невольно схлопнулось. Медведь взвесил в левой руке саперную лопатку.

– Давай я, – предложил он.

Из бездны Овала всплыло облегчение.

– Ну... – Боец отступил.

– Ножом неудобно, – брякнул зачем-то Медведь, перекидывая лопатку в правую руку.

Он уверенно навис над бородачом и в три удара отсек голову.

– Уф-ф, – сказали все.

– Эх, молодежь, – усмехнулся он.

* * *

Кирилл шел легко, пружинисто печатая шаг. Глаза веселые, с бесом. Того и гляди расплещется слово на неокрепшие мозги: тут им и конец – смешная кома и гладкие извилины. В руках ротного коробка из-под сухпая – вся в подозрительно бурых пятнах. Над Кириллом мухи да любопытные взгляды. Автомат предусмотрительно оставлен в чреве «Патриота», в компании перемотанного бурыми бинтами Феликса, он неспокоен – гадость задумывалась при нем.

Генеральская охрана встретила равнодушно, несмотря на страшно витиеватое приветствие. Тощий прапорщик, похожий на обрусевшего бедуина, лишь чиркнул глазами по пустой кобуре и заглянул сквозь очи до самого черепного дна, затем пригласающе поднял полог, закрывающий дверной проем, знаково – без лести, из вежливости. Уже здесь, в простреленном большим стрелковым калибром здании, через провалившиеся блоки сочился нестройный хор тактических споров и сотканная из магического «ептвююмать» аура штабного гения. Кирилл харкнул через плечо и, засветив зубы, вошел. Темно. Душно. Тугой, терпкий от генеральского парфюма воздух слоился копотью и чифирем. Кирилл некоторое время тупил, привыкая к сумраку. Наконец рассмотрел присутствующих. Вот он, генерал: чистый, успешный, вылизанный. В пальцах – карандаш. Комбат присел на краешек стола. В дальнем паучьем закутке армейский радист – совсем щегол – благоухает умом и питерской пропиской.

– Гутен морген, комараден! – рявкнул Капитан.

²⁰ Ф1 – граната оборонительная.

– Докладывай, Кирилл, – ровно ответил Комбат. На лице его легкое замешательство отыграло в сторону любопытства – заметил коробку, там явно ждало неладное, а неладное Комбат любил. Кожа на кощейском лысом черепе натянулась, комбат скалился и всем видом изучал реакцию навязанного руководства. Генерал выпрямился:

– В чем дело?

Вопрос был явно обращен Комбату. Тот оскалился.

– Он к вам, – парировал Комбат и переместился на пластиковый стул. – Излагай, Кирилл.

Стул под Комбатом жалобно затрещал. Сухие длинные пальцы скрестились на животе, как паучья свадьба. Капитан поставил коробку прямо на карту и, приоткрыв, засунул в нее руку.

– Генерал, ТЫ ведь офицер, – сказал он, не отрывая взгляда от коробки.

Генерал опешил:

– Ах, ты, блядь, щенок!

Он вскочил, холеное лицо покрылось пятнами. Комбат отвернулся, лишая его повода искать поддержки.

– Григоряк! – надорвался генерал. Капитан почувствовал за спиной движение воздуха.

– Здесь, – лениво доложил прaporщик. Капитан не обратил на него внимания.

– Ты давал слово офицера. – Кирилл говорил громко и отчетливо, заколачивая в воздух слова. Прапор бездействовал, а генерал что-то кричал, брызгая слюнями и московской спесью. Кирилл поднял глаза. Тишина. Они смотрели друг на друга. Между ними были вертушки, размотавшие «четверку», приняв ее за духов. Горящий БТР Рыбы, Леша Синица, заводящий трос под шквальным огнем, обугленный «Урал» и двенадцать часов монотонного боя под сопровождение «там никого нет, вы все придумываете»... Из коробки возникла голова. Кирилл цепко держал ее за шевелюру. Он поднял подарок на уровень глаз, будто надеялся, что араб откроет глаза и заколдует генерала в каменную бабу.

– Стреляйся!

Генерал сглотнул воздух, собирая тираду. Капитан бросил башку на стол, глухой стук заставил всех вздрогнуть.

– Будь мужиком.

Генерал молчал. Комбат каменным лицом показал на выход. Капитан медленно, будто погруженный в патоку, развернулся на пятках. Секундная стрелка звонко отдавалась в голове цик-цик-цик. Капитан шагнул к выходу, смиряясь с любым исходом. Ватные ноги, чужие плечи, чугунная голова, где кипит незамерзающий металл.

– Иди, – надавил Комбат. Прапорщик отступил, приглашая наружу. Короткий взгляд, едва заметный кивок.

Кирилл шагнул в загустевший воздух, под чужое глубокое небо. Высоко машет лопастями двадцатьчетверка. Он проводил ее глазами. Сунул руки в карманы и потопал к узику с чувством, что жизнь прошла не зря.

– Волшебники, бля. – Прапор завистливо смотрел ему в спину. У мяса с низким сроком годности особые привилегии.

Сундук и общество свидетелей Обжорки

В группе сложилась здравая традиция собирать остатки продуктов в огромный китайский баул. Копейка рубль бережет. Голодающие цыгане нарожали продовольствия. Кулечки стали больше, появилась крупа, макароны, сахар, чай, коробки с сирийскими шоколадками, консервы. Баул богател. Пришло время малышу подрасти. Куколка однажды превратится в бабочку, а боевые бомжи трансформировали полосатую тару в прекрасный фанерный ящик, монстра, монументального, как саркофаг Тутанхамона.

И мир сомкнулся вокруг него. Закрутилась жизнь, закипела. Время потекло между периодами пожирания. Вокруг святыни появлялись разные руины, мраморные виллы, превращенные в гравий, мазанки бедняков, оливковые рощи, укрепрайоны. И конечно же – помойки. О помойках стоит рассказать отдельно. В завоеванных деревеньках мы обнаруживали чистоту, на полках – мытая посуда, ухоженные дворы. Но после садыков кругом царил разгром – союзники вели себя откровенно, как завоеватели. Вслед за штурмующими порядками поистине с кавалерийским куражом врывались мародеры, бесконечная вереница грузовиков. Чистили все под ноль, вплоть до оконных рам и проводов. Если вовремя не шмальнуть, можно было остаться без исподнего. Поэтому наш «Урал» напоминал бродячий цирк: печь буржуйская, матрасы, боеприпасы, разобранные палатки. И он – сундук. Жизнь подчинялась простому расписанию: брали укрепрайон, затем искали минимально разрушенный дом, который, ко всему прочему, будет проще оборонять, водворяли на самое почетное место нашего кумира и обкладывали его бомжовским бытом с печкой, керосинкой, матрасами вдоль стен. На цементных стенах – арабская тарабарщина, следы пуль и осколков, а кое-где – мозгов. Почерневшая кровь в том или ином углу (засыпали мусором, да и забыли). Прострелянные, в бурых пятнах одеяла – на окна. Считаем, обжились. Разобрались с соседями, кто где. Все свободные от «глаз» на мародерку – дрова, посуда, сувениры. Мирняка давно нет, до турецкой границы чуть более пяти километров. Так что все там. Ближайший вражеский окоп в девятистах метрах, на противоположном хребте, под ним виднеется вершина покосившегося минарета. Еще деревня, но чужая. Скоро обязательно возьмем. На серпантине дороги три черных остова. Садыки здорово стреляют из ПТУРа. Ракет не считают, щедро кидаются ими даже в группы из двух-трех человек. Не жалко – Большой Брат подвезет. А сейчас добыча проходит под хохот и шипение мин. Банг! Хвать вязанку и побежал. Следом кто-то катит инвалидное кресло, заваленное оловянной посудой, мотыгами и черт еще знает чем. Боевой бомж силен в тараканьей приспособленности к обстоятельствам. Полк под литерой «ихтамнет».

Газовый примус стал настоящим подарком судьбы, жизнь треснула улыбкой. Куда уж слаще! Но нет, снайпера добыли крохотный диван и таскали его за собой с основательностью бобров. Диваном делились. Но в нашем ящике паслись. Мы не возражали, во-первых, святые люди, во-вторых, мужчины с упорством религиозных неофитов несли жертвы нашему кумиру. Как «беспилотники», «кроты» и прочие пассажиры, что роились с нами. Однако зло не дремлет, дерьмо случается, а начальство обожает, там, где уютно. Ротный решил, что к подвигу готов, оставив побережье Средиземного моря, он прицепился к нам. Весна, самое время клещу кормиться. Пока присматривались друг к другу, все шло ровно. Человек неплохой, но его концепция подвига перечеркнула все хорошее, что дали ему мама, Рязань и тюрьма. Задвинув феню, он услышал эхо курсантской юности. Давил груз недовоеванности, мешал спать. Свербило в военном билете, мнилось об орденах и пулеметных точках, которые он не успел закрыть. Если травили байки за фронт, Донбасс, горящие танки – он молчал. А когда стихало, вставлял привычное «когда я сидел». Что-то нес, выхватывая только перегляд и сдержанные насмешки. Брошенная как-то на полигоне фраза «Я не пожалею ни вас, ни себя» расставила между нами акценты: он на своей волне, а мы – как придется.

Он занял бунгало поблизости и жил кое-чем, делал кое-что, а командовал кое-как. Группа работала каждый день. Уходили затемно, возвращались когда как. Уставшие, молчаливые. Свободные быстро шуршали ужин, который поглощали под вялые разговоры. Живее, если удавалось пошалить. Но все больше занимались рутинной: наблюдение, обнаружение, арт-корректировка. Командовал Чук, ветеран Афгана, кавалер Красной Звезды, майор-пенсиянер. Спокойный, надежный, уравновешенный. Начальство воспринимал, как неизбежность, по мере сил игнорировал с даосским восторгом. Комроты, Старый, крутил по утрам нунчаки и медитировал. Потом заставлял нас углубить и усугубить, засадить. Этим ограничивалось его руководство. Старый ждал момента. Но любую его карту бил авторитет майора. Однако с неизбежностью дефолта нырял за наш алтарь.

– Лис, есть что пожрать?

Комроты, не дожидаясь ответа – как должное, – запускал по локоть руку в ящик, консерва вынималась уверенно, будто он знал внутренности наискосок. Длинный самодельный свинорез со скрежетом впивается в жесть. Банка плачет визгливо, осеняя пространство ароматом тушенки. Мерцают в блеске фонаря черные буквы «не для продажи». Лис с болью теревит панаму.

– Приятного, блядь, аппетита. – Ждет поддержки от Чука, но майор лишь ухмыляется в усы. Что сделать – субординация.

– Спасибо, – как ни в чем не бывало говорит комроты.

– Если ты туда что-то положил... – наконец выдавливают Лис тщательно подобранные слова. Ощущается, какой забавный сленг цепляется за окончание произнесенной фразы. Изысканный клокочущий мат остается за зубами. Старый проглатывает кусок говядины, не подавившись, глазом не моргнув, отщучивается:

– Не жадничай, Лис. Я верну.

– Куда ты денешься. – Лис отвернулся и что-то бубнит под нос. Он разговаривал с собой всю ночь.

Это вошло в норму. Особенно нервировало утро. Выход в пять, подъем в четыре, Старый воришка возникал в три тридцать. Жег наш примус (добытый, кстати, путем невероятного риска в густо заминированной деревне), шелестят пакеты, скоблит стенки банки верная командирская ложка. Никто уже не спит. Молчат. Негодуют. Слушают усердное чавканье и прихлебывание. Кофе. С кардамоном. С-сука. Лис холодно кинул в пустоту, в объем комнаты, в прорехи в стенах, мохнатым звездам:

– Доброе утро, блядь!

Однажды Лис созрел, наш главный жрец, защитник свидетелей хабыза²¹ и говяжьей тушенки, паладин шаурмы, адепт чикена²² с жареной картошкой. Лис все больше молчал, оглаживая фанерные бока нашего монстра. Решение, как все гениальное, пришло неожиданно. С двумя снайперами, Лисом и шуруповертом. Бесноватые защитники культа Обжорки под хихиканья и похабные словеса переместили взводное добро в баулы, которые отволокли вглубь комнаты с глухими закопченными стенами. А затем, издав загробные стенания, Лис принялся завинчивать свою прелесть. Чук лишь зыркнул поверх очков.

– Смело, – похвалил он, опять склонился над картой. Затопили печь, раскидали на куске картона, кто когда на «глаза», и разбрелись по местам. Спать. Завтра тяжелый день.

В три уже никто не спал. Даже Чук, старый солдат, молодецки блестел глазами из спального мешка. А с ним пятнадцать пар глаз. Интрига расцветала, расплескав навозный аромат долгожданной мести. Вот, вот, вот... Старый нарисовался. Осветил угол фонариком и, сломавшись пополам, чиркнул спичкой. Примус загудел. Потом заплескалась вода. Большой трофей-

²¹ Хабыз – лаваш, хлеб.

²² Чикен – курица.

ный кофейник из чеканной бронзы водружен на огонь. Все перестали дышать. Сейчас. Старый ощупал ящик, потянул крышку. Никак. Завязалась борьба с коллективным несознательным. Острый зад как бы командира являл задумчивость и недоумение. Затем – растерянность вкупе с детской щенячьей обидой.

– Что, Старый, не получается?

Прежде чем спросить, Лис глумливо и гротескно причмокнул. Комроты от неожиданности вздрогнул. Обернулся. В руке кружка. Сухое небритое лицо белеет африканской маской шамана-людоеда. Лис эффектно поднял руку над головой, продемонстрировал шуруповерт, моторчик жужукнул, как барабан револьвера.

– Ключ у меня. Дать?

Короткое слово, переполненное через край морями желчи. Воздух, казалось, треснет. Чук опытной рукой перехватил инициативу:

– Подъем, парни. На сборы полчаса. – Будто только заметил старшего: – О, привет, Александр. Уже встаем. По плану?

Все загудели, как пчелиный рой, зашуршали снаряжением, раздались щелчки фастексов. Лис обошел Старого, возвышающегося над группой безмолвной каланчой, и приподнял крышку кофейника. В лицо повалил густой пар.

– О, – удивился он, – клево, кипяточек.

Скиф

Как так случилось, уже не имело значения. Похоже, кто-то из «головы» наступил на спящего духа. Будь он проклят. Звонкое «Алла акбар» разорвало ночь. Весь склон покрылся шевелящимися холмиками, камни ожили. Из глубокой тени вылезли мохнатые рожи, загалдели, как чайки. И одновременно грохнуло. Ударило как горохом по головной «пятерке», дух с дикими глазами колотил веером из калаша, держа его в одной руке. Люди посыпались. Справа зарычал пулемет, разрывная длиннющая очередь затанцевала по склону. Почти одновременно взлетели комочки гранат. Вокруг затрещали разрывы. Откуда-то издали сквозь вату крикнули:

– Отход, отход!

Скиф дал очередь в сторону спящего – до зайчиков в глазах – нефтяного факела и что есть духу ломанулся в противоположную сторону. Не разбирая дороги и не жалея ног. Долго бежать не пришлось. Метров через пятьдесят в бок ударило, он споткнулся и покатился вниз. В голове мелькнуло: камень? Но злой демон хихикнул: отвоевался. Скиф кувыркнулся раз, другой. И замер на дне неглубокой впадины.

Ночь. Оранжевое небо. Ревет самолетной турбиной пламя. На его фоне выстрелы кажутся щелчками. Даже человеческие вопли звучат громче. Наше злое «блядь» и возбужденная визгливая тарабарщина. Сознание плыло. Он чувствовал глубокое жжение в правом боку и ноге. Ощущал, как липкое тепло разбегается к спине, жопе – до бедра. Попал. Вот попал. С трудом вытащил из кармана ИПП²³. И вдруг с ужасом осознал, что самому ему до спины не достать. Любое движение отзывалось адской болью.

– Пацаны, я триста! – закричал он и тут же захлебнулся кашлем. – Пацаны!

За холмом шел бой, он слышал грохот пулеметов и беспорядочную автоматную трескотню. Что страшнее всего, бой смещался, отдалялся от его ямы.

– Шеф! Рапид! Волга! – позвал он без всякой надежды. Но вдруг внутри что-то лопнуло, голос надломился. – Пацаны!

Вопль еще не погас, но внутри он понял. Все... Вдруг раздалось голоса. Лающий арабский ор. Оружие! Он пошарил руками. Автомата не было. Насколько возможно вывернул голову, проверил за спиной. Нет. Черт, черт, черт. Страх сжал сердце, отогнал полуобморочную муть. Руки сами заплясали у гранатного подсумка, нащупали рифленый бок «эфки». Непослушные пальцы разогнули усики. Указательный палец потянул за кольцо и замер за мгновение до того, чтобы порвать его в клочья. Шаги приближались. Все, теперь точно все. В голове – киношные кадры про отрезанные головы, бестолковые фразы про что-то героическое, но нет – молотом колотится дыхание, и хочется просить «мама, мама», несмотря на полную тридцатку. Ни злости, ни жалости, какая там Вальхалла! Лишь конкретный безответный вопрос: почему? Ну почему?!

Скиф навалился на гранату. Чертенок с дрожащим заячьим хвостом убеждал: постой, обойдется. Постой... Скиф почти себя убедил. Не заметят, обойдут. В кино в таком случае появляется кавалерия или Росомаха на худой конец. Не кино, не кино... Обойдут! Скиф сжал зубы до скрипа. Вдруг сознание поплыло. Только не выключиться. Тогда плен, монтажная пена в жопе и пила на шее. Сейчас! Скиф потянул за кольцо. Сделал несколько глубоких вдохов... Покатился камешек. Скиф поднял голову. Подслеповатые глаза увидели в пятнадцати метрах косматую голову, полоски спортивного костюма, всклокоченную бороду на всю морду. Неожиданно для самого себя Скиф коротко взмахнул затекшей рукой. Отстрел чеки на миг осветил изумление. И надрывно, до рези в горле, он закричал:

– Мархаба, православные!

²³ ИПП – индивидуальный перевязочный пакет.

Хлопнуло. Рука сама выхватила вторую гранату. Рывок чеки. Второй кругляш упал почти под себя, метрах в десяти. Дыхание перехватило. Скиф сжался. Ткнулся мордой в землю, рассадив скулу об острый камень. Гулко хлопнуло, до звона в ушах. Почувствовал, как с плевком рот покидают осколки зубов. К черту! Свалившись на левый бок и работая локтем, он пополз. Правая рука искала третью гранату. Липкие от крови пальцы не слушались. Вот наконец забитый пылью фастекс щелкнул. Скиф покосился за спину. В кроваво-черной мути мелькнуло пригнувшееся тело. Оно чиркнуло по звездам и слилось с чернильным склоном. Второе, третье... Справа, слева нарастающая трескотня, русский мат захлебнулся в хищном реве «зушки».

– Братцы! Помогите, братцы! Я здесь! Барс! Сека! Братцы!

Он продолжал ползти. Слышал, как под арабскую тарабарщину сыпятся по склону камни. Обходят. Скиф завыл загнанно сквозь стиснутые зубы. Пропал, пропал.

– Пацаны! – что было сил закричал он, сознание поплыло, и Скиф ясно осознал, что вот теперь все – конец. Он закинул третью гранату куда попало, впустую. Лишь бы жажнуло. Будто отодвигая принятие тяжелого решения – сдохнуть не по приказу.

– Вот тебе, Ленок, ипотека и дом до неба, – прошептал он. – Наемники не умирают...

Всегда знал, что каждый умирает сам по себе, но никогда не понимал, насколько одиноко. Ни планов, ни задач. Квесты кончились. Не переиграть. Перед черной стеной с мешком событий за спиной. Разных – дрянных и не очень. Иногда очень светлых. Однажды стало стремно, что отказал дочери, порывшись в кошельке. Понял, что не сможет больше, чего бы этого ни стоило. Не отказал. А вот и счет. Пафосно, наверное. Но жалко сейчас не себя. Пустое. Скиф сжал гранату. Пули густо брызнули вокруг. Тупо толкнуло в плечо. Он испугался, что граната выкатится из ладони. Суегливо выдернул чеку. Вот бы произнести что-нибудь типа «Это вам за пацанов», но оскалился и протянул тоскливо:

– Эх, бля... – и отпустил скобу.

Больничка

Волга мрачно залюбовался длинной постройкой, над плоской крышей ангара закатывалось солнце. Вырвалось вдруг:

– Достало. На войну хочу.

Чихнул надсадно старый дизель, задохнулся и заревел, перескакивая через такт. Накалится в лампочках желтый свет. Сквозь стену пробивалось ритмичное завывание, с трудом обзываемое песней. Опять.

– Братан, когда обратно?

Волга обернулся, расставаясь со стеной. Смешно. Стоит и лыбится Кирпич. Разведчик обнимал картонную коробку, придерживая коленом днище. Блестящие тушенки просились наружу. Волга обреченно отмахнулся:

– Никогда.

Кивок показал на простреленную стенку овчарни.

– Что с ними цацкаться? – удивился Кирпич. – В расход – всего-то делов!

Волга мяч не принял:

– Кого? Четыреста душ. Козопасы одни. Без слез не взглянешь.

– И что?

– Ты будешь? – разозлился Волга.

– Мне нафига, – рассмеялся Кирпич, – ты теперь за Цербера.

Он перехватил ящик и потопал к уазу, смешно сражаясь с вылупляющейся тушенкой.

Волга горько сплюнул, прежде чем толкнуть плечом хлипкую дощатую дверь.

Под сводами рокотал менторский бас:

– В лесу родилась елочка...

Нестройный хор послушно повторил, загон грохнул:

– В лесу она росла... И много-много радостей детишкам принесла...

Иностранный хор сломался. Сначала заржал «руководитель» театра, затем забулькало, заклокотало, засвистело – захохотало по всему объему. Волга подошел к Квадрату.

– Получается?

Глаза Квадрата лукаво загорелись.

– Смотри! – Он достал сигареты и, подняв их над головой, объявил: – Пачка на хату, если командер будет доволен.

– Корошо. Давай-давай.

Квадрат шепнул на ухо Волге: «Всю ночь тренировались», – а затем скомандовал:

– Раз, два, три!

– Слава Одину! – донеслось вразнобой, ломая язык. – Обама – чмо! – Слова ровно отбивались из тощих шеек. – Спецназ – сила, Америка – шармута!

Квадрат заржал и закинул пачку в клетку:

– Держите, голуби слабозадые.

Волга усмехнулся.

– Тебе медведями командовать.

– Да ну их. – Квадрат вытер ладони о карманы. – Смешные, словно дети.

«Цирк» работал вторую неделю, после молниеносного наступления, неожиданного для янки и бармалеев. Организованного сопротивления они оказать не успели, драпали, побросав скотину и уродливых жен. Но те, кто в загоне, сражались. Стойко. Не веря в милосердие белого человека. Клип про кувалду, прорвавшийся в сетях, и орочье оформление нефтепергонного завода, что рядом с «цитаделью», сделали свое гнилое дело. Но такое количество пленных искренне поразило Комбата. Отряд не армия – своих бы прокормить. Настойчивое

предложение поделить трофей с группировкой осталось без внимания. До некоторых пор. Однажды Родина прислала трех прекрасных упырей, форма с иголки, пронзительный взгляд из балаклавы, вежливый отработанный слог, когда невинная цепочка слов складывается в тугий информативный и неожиданный для жертвы диалог. А старший, Петрович, цинично хохмил. Хор распался. «Маски» работали бойко. Конвейер. Аду заводили в комнату, после нешумной продолжительной беседы раздавалось: уводи! И реже, стеклянным треском – НАШ! Наш, блядь... Этих сбивали в кучу – и под замок. «Массовку» пожирал «Мухабарат»²⁴, угрюмые бородатые здоровяки в каноловой черной форме.

Когда Волга закрыл последнего, Петрович весело обратился к немигающим озлобленным взглядам, что точили его через решетку.

– В правовом государстве живем, – говорил он, натягивая слова на смыслы. – Культура, законность, плюрализм.

– Будто блюете, товарищ, – раздалось из клетки.

Волга хмыкнул. Петрович развеселился:

– Волга, ты не веришь в победу света над заветами тьмы?

– Замысловато.

– Работа такая – замазывать розовый в коричневый. Очевидное превращаю в подозрительное. Веришь? – даже не помню, кто я.

– Петрович, – подсказал Волга.

– Все мы немного Петрович, – согласился офицер.

– Тьфу!

– Не ругайся, Волга.

– Лучше на фронт отпустите, – пробурчал Волга. – А этих заберите.

– Где теперь фронт, Волжанчик? – удивился Петрович. – Каждому по наблюдателю ООН и поцелую в жопу. Даже не соображаю, в какой последовательности. А мне сорок.

– В произвольной, – посоветовал Волга. А Петрович призадумался и наконец спросил:

– Скажи, родной, вы нафига сюда их притащили?

Казалось, глаза его побелели, мутные оконные стекла, и бог знает кто наблюдал за Волгой из-за них.

– Так много никто валить не решился. Смотрели друг на дружку. – Волга горько сплюнул. – Забирайте их, а?

Петрович артистично захохотал.

– Это как Родина решит.

– Ро-ди-на. – Волга растянул слово презрительно-нежно, будто не определившись, как сносится быт с патриотизмом.

– Не бзди, мерсенарий²⁵, скоро их в окопе увидишь.

– В смысле?

– Всегда пугал вопрос о смыслах, коллега. – Петрович поправил «стечкин». – Все о нем говорят, но никто не пытается задумываться, не интересна глубина, грани не режутся. Скука смертная. Вялый стояк в тухлое мясо. – Офицер приподнял маску, закурил. Разметал ладонью густые клубы дыма. – Все просто, братец. Их отпиздят, убедят в критической ошибке и заставят вступить под правильные знамена. С подъемными и пансионом. Они постреляют и разбегутся.

– Блядство какое! – огорчился Волга.

– Надо было яростней бомбить, – поглумился Петрович. – Метко стрелять.

– Я что – гестапо? – закипел Волга.

²⁴ Мухабарат – арабская спецслужба.

²⁵ Наемник.

– Никто не гестапо. Поэтому так и живем. Все папу-маму любят, детишек обожают, хотят ночами спать. – Вдруг Петрович задал вопрос, будто вразрез: – Как так с кувалдой получилось?

Волга проглотил комок.

– Козопасов ломать мужества не надо, – сухо ответил он.

– Но, не поверишь, помогло. Видео зашло, как говорится, на ура. Сулейман людей снял с хребта. Увел за факелы. На предъявы заявил: приходите – поясню. Уж если Сулейман... Сразу бы вырезали заразу, включая кошек и собак, – войны бы не было.

– Херня! Бараны разбегутся, а волки злее будут.

– Зато немного и недолго, – примирительно ответил Петрович. Потом офицер достал конфету, неспешно перебирая пальцами, развернул. – Будешь?

– Да. – Волга взял новую конфету и удивился. – «Пчелка»? «Рошен»?

Петрович хитро прищурился.

– Героям слава? – спросил Волга.

– Да ну, куда там! – ответил Петрович, разворачивая новую конфету. И похвалил: – Внимательный.

Затем после небольшой паузы Петрович протянул руку.

– Бывай, старичок.

Из клетки крикнули с усмешкой:

– Штык, а штык! Дай закурить.

Петрович продолжал сжимать кисть Волги, прозрачный взгляд искрил, пронизывая Волгу. Он не выдержал, опустил глаза.

– Штык, зайды! Человеку плохо, блядь! – В камере заржали.

Петрович отпустил хватку.

– Херню несу, – сказал вдруг он хитро, – но ты поговори.

– Зачем? – удивился Волга.

– Поговори. Знакомство с древней самобытной культурой. Ты знал, что они математику изобрели? – Заметив глупое зависание Волги, офицер расхохотался. – Нет, не эти. Арабы.

– Тьфу, – чертыхнулся Волга.

– И спирт.

– Вообще жечь, никогда бы не подумал.

– Вот-вот. А потом спроси, знают ли они про это. Ну, давай. И, – он погрозил пальцем, – аккуратнее! Бывай.

Петрович гладко вышел.

– Штык, дай курить, бля! Человеку плохо.

Волга двинул прикладом по решетке. Железо гулко отозвалось.

– А кому здесь легко?

* * *

Череди допросов, встречно, порознь, быстрые, резкие истеричные вопли и неспешные «качели». Гости с Родины знали свое дело. Конвой сбился с ног. Стадо делилось по камерам, по национальностям, по полевым командирам. Потом все это херилось на корню. Грохот бидона с баландой, заунывный шепот в темных тараканьих углах. А ноги вслед за отупевшей головой мечтали снова мерить километры гор – дальше и дальше от тошнилочки. В перебранку очередей, под свист танковых движков.

Однажды Петрович показал на коренастого духа:

– Земляк твой.

– Да ну, – не поверил Волга.

– Из Казани.

- Да ну, – повторил Волга, как попугай.
- Мутный тип.

Волга тайком взглянул на духа. Крепкий, в нем угадывалась хозяйская порода, без устойчивого крестьянского флера его соседей. Голова, когда-то бритая налысо, пошла порослью, обходящей многочисленные борозды шрамов. Рыжая борода. Лицо почти русское, если бы не легкая раскосость. Плечо замотано грязной, побуревшей арафаткой. Начальный цвет не рассмотреть.

- Командир?

– Нет, – возразил Петрович. – Никто не подтвердил. Но держится особнячком. Идеальный. По пуговицам вижу – образованный. Наш бабай, аж гордость берет. Холеный радикал с высшим образованием. Наверняка носил поджопник и шеврон про «сиськи и оружие». У тебя был, Волга?

- И «горка», – добавил Волга.

- Что? – запнулся Петрович, но мгновенно догнав, согласился: – И «горка».

...Ночь. Потная. Душная. Бормочущая. За стеной бьется в агонии движок, вот-вот зачехнет – чего не происходит, похоже, с прошлого века. Умели – делали. Скрип, скрип, скрип. Это не ботинок – правое колено. Волга морщится на каждый шаг. Глухая стена – разворот. Скрип, скрип, скрип. Лампочка под жестяным абажуром горит неровно, вторя тактам дизеля. Скрип, скрип, скрип. Остановился, прогнулся в спине.

- Достало...

Поправил автомат, чтобы не гнуло позвоночник.

– Русский, – позвали настолько чисто, что Волга невольно вздрогнул. Фильм ужасов. Он повернулся всем телом, ствол как бы случайно посмотрел в проем загона.

- Что за...

– Спокойно, – посоветовали из-за решетки. Тусклый свет выхватил кулак, обхватывающий прут ограждения.

– Чего тебе? – Волга едва заметно посмотрел влево-вправо. Стены. Клетки. Протяженный коридор. Конечно, никого. Автомат опустился. Пленник вплотную приблизился к решетке, под светом, будто в проявителе, всплыло запомнившееся лицо: скуластый обод, рыжая борода, взгляд с оценивающим прищуром.

- Человек умер.

- Ну и?

Волга покатал между извилинами мысли, пока они собирались в кучу, в упор разглядывал «земляка».

- Удалили, что ли? – задал он бессмысленный вопрос, скорее чтобы выиграть время.

- Не гони, русский.

- Слышь, баклан, я сейчас к вам тридцать товарищей пушу, посмотрим, кто гонит.

«Земляк» пропустил угрозу с усмешкой.

– Не пустишь, – и просмаковал каждую букву, – б-а-к-л-а-н. Тебе на совесть теперь чека дышит. Через карман ксива красная горит. Не перепутаешь ни с кем. Объяснили же, дубак – законность, гуманизм и выслуга лет. Они тут жопу рвать будут, чтобы их ПАПУ в гаагский суд не замели.

– Какой, нахрен, суд? – Волга поискал глазами помятое ведро. Не спеша перевернул его и сел, прислонившись к стене. Автомат зажал между колен. «Земляк» махнул рукой.

- Часовому запрещается спать, сидеть, прислоняться к чему-либо, – напомнил он.

- Служил?

Дух засмеялся глухо, будто всматриваясь куда-то глубоко в себя.

– Служил. – «Земляк» обернулся в камеру, что-то коротко скомандовал. Шуршание прекратилось. – Ведь всегда кто-то смотрит, русский. Мои смотрят, твои смотрят, петух твой

с горячим сердцем смотрит. ОН смотрит. – Дух показал пальцем в потолок. – Движ этот никогда не прекратится. Только споткнулся – и уже без головы. Но это больше твой случай.

– Поясни.

– Что тут пояснять? Ты наемник, русский – тварь хуже проститутки...

– Оба-на! – Волга хлопнул себя по колену. – Неожиданно.

– Завалишь моих братьев, выведут тебя за угол и шлепнут.

– Так уж и шлепнут.

– Всех вас сольют, Волга...

Вдруг ожила рация:

– Двести двенадцать – два один один, где доклад?

Волга, не спуская глаз с загона, ответил:

– На связи. Нормально. Дохлак у духов.

– Заebaшили?

– Совесть замучила.

– Хай спят. Утром заберем. Не сожрут?

Волга выразительно уставился на пленного:

– Да вроде не должны.

Через час его сменили. Утром на завтраке Волга спросил Квадрата про «земляка». Квадрат сделал круглые глаза и переспросил, роняя изо рта макароны:

– А это кто?

* * *

Скоро арабы кончились. Последнего «местного» увезли под загорелые руки. Оставшиеся выходцы из СНГ потихоньку осмелели. Чаще слышались матерные уколы. Натянутый, но смех. Заходил веселый человек Петрович, поддерживал «земляков» перед допросом. Волей-неволей Волга присматривался к нагрудному карману камуфляжа. Нет, не светило. Однажды все притихло. Петрович зашел и торжественно объявил:

– Господа злодеи, поздравлю. Участь ваша решена. Домой...

Волга лишь проглотил комок.

– Блядь! – От него не ускользнул острый торжествующий взгляд «земляка». Будто охолонуло. Петрович, заметив замешательство охраны, развел руками.

– Ну, пацаны, не расстреливать же их, в самом деле.

Когда утихли возмущенные крики, Волга схватил Петровича за рукав.

– Командир, что за херня?

Офицер освободился, естественно, без обид.

– Какой я тебе командир, братан?

– Пришлите ваших, пусть эту гопоту сторожат. Им за это льготы и пенсии...

– Ты про математику спрашивал? – вставил вразрез Петрович. – Или про гигиену? Представь, гигиену тоже они придумали. До них в Европе жопы не подмывали. Такой вот коленкор...

– Какая, нахрен, жопа! Какой «домой»! Гоните меня отсюда, дайте две гранаты, ставьте в головной...

Петрович просто внимательно рассматривал беснующегося Волгу, потом просто вздохнул и, пожав руку, ушел.

* * *

Волга сидел на ведре, ошарашенно глядя в пустоту. Спина за второй час изучила каждую выпуклость поверхности стены. Автомат на коленях. Большой палец гоняет туда-сюда флажок предохранителя.

– Волга?

– Что, земля?

Дух возник из темноты, словно злой демон, казалось, решетка не удержит. Флажок замер на автоматическом огне.

– Я же говорил, – сказал пленный. – Все смотрят на всех.

Предохранитель закрылся. Волга пошевелился, разминая затекшую спину.

– Кончается бой, и все становится таким сложным, – продолжил дух.

– Иди спать, – предложил Волга без особой настойчивости.

– Вы пешки, русский. Раздали – съели.

– А ты?

– Я моджахед, борец за веру.

– Ох ты ж! – притворно загорелся Волга. – А я пешка?

– Ты наемник, даже не солдат своей страны. Сражаешься за деньги. Защищаешь Асада. А он черт. Президент твой тоже черт. Вы отбираете для него нефть, этот даже Асада наебет. С корешами своими. Телки твоих олигархов хуи сосут за бриллианты, которые ты для них заработал. А ты гроши свои жалкие просрешь на дом и на жратву. Крохи, брат. Они смеются над тобой. Вы стадо баранье. И Комбат ваш – козлина, скармливает вас за сено зеленое...

– А ты? – бесстрастно спросил Волга.

– Я моджахед, – напомнил дух, – борец за веру. Я за Аллаха сражаюсь.

– И тебе денег не платят?

– Мне деньги дает Аллах...

– Хитро. – Волга вдруг развеселился. – Значит, Путин – Аллах?

Дух фыркнул. А Волга объяснил:

– Ведь он мне тоже деньги дает. Дух, ты Бога считаешь тупым?

– С чего это?

– Хочешь поговорить об этом? – спросил Волга с пронизательностью Зигмунда Фрейда.

Дух гордо задрал нос, отчего лохматая борода вышла за пределы клетки. – Зачем упрощать Бога до уровня дедушки на тучке? Смотри. Может, буржуи, используя меня, армию, авиацию и флот, зарабатывают для себя, а на самом деле они тоже инструмент в игре? Просто кувалда побольше. Фигуры из засохшего говна. И все мы строим разумное, доброе, вечное – кто как умеет. Ты бошки резал. Меня по бизнесу прогнули. Олигархов сюда заманили, они вынуждены мои услуги оплатить. А я тебя в клетку закрыл. Потому что ты бошки резал. Как тебе такой расклад? Стройно, красиво, феерия духа, победа добра над злом. У Бога изысканное чувство юмора.

Дух посмотрел на него широко раскрытыми глазами, прежде чем усмехнуться в бороду.

– Тебе, кафир²⁶, муллой быть.

– Лучше раввином, – парировал Волга. – А я, морда автоматная, тебя стерегу. Иди спать.

– Меня Марат зовут, – вдруг представился дух.

– Бывает.

* * *

Днем зашел офицер в маске и объявил:

²⁶ Неверный.

– Внимание, злодеи. С вами будет проведена профилактическая работа для выдачи вас странам, гражданами которых вы являетесь. Выходите для беседы, заполняете анкеты, все просто. Кому необходима медпомощь, окажем. Вопросы!

– Поссать выведи, начальник. – Ухо резал сильный акцент. – И курить.

– Курить вредно. Для здоровья. – Офицер как ни в чем не бывало качался с пятки на носок. Руки сцепил за спиной, глаза пристально что-то высматривают, прыгают от камеры к камере. – Доктор кому-то нужен?

– У меня хуй на конвой стоит. Что делать?

В загонах засмеялись. Офицер весело поддержал:

– Поможем. Есть трофейная коза с раздолбленным диплом. Гюльчатаяй. Ебите на здоровье.

Вскоре процесс пошел, представительные мужчины в тактических шмотках от 5.11 и в масках начали обработку контингента. Работали целый день без перерыва. Вечером, когда все утихло, Волга с удовольствием растянулся в углу овина. Тянуло в сон. Волга плеснул на лицо воды из фляги.

– Хорошо.

– Русский, – позвали его, – Волга!

Он сел. Марат. Земеля.

– Чего тебе?

– Есть закурить?

– Знаешь, что нет.

Марат прильнул к решетке.

– Смотри, русский. – Он показал сытое лоснящееся лицо, причесанную бороду. Рука согнута, виден чистый свежий бинт. Китель накинута на плечи. – Я поеду домой.

– Повезло. – Волга пожал плечами, однако скрыть досады не сумел. Чем вызвал предсказуемое злорадство.

– Вы слабые, русские. Жалеете своих врагов.

– Ну, не скажи. Всякое бывает. Ты ведь знаешь.

– Жестокое психи не в счет, животные не в счет.

– Ой ли! – развеселился Волга. – Ты бы отрезал пленным головы и нассал в горло.

Марат не обратил внимания на колкость.

– Вы подрываетесь, потому что нас боитесь, раздуваете собственную трусость как подвиг.

Но подвиг – это смерть за веру, с чистым сердцем, осознанно. Тебе не понять, кафир.

Волга напомнил:

– Женя Радионов в Чечне.

– А-а. – Марат пренебрежительно махнул рукой.

– Что «а-а»?

– Он один.

– Да вы, бакланы, про других-то не расскажете.

Вязкая пауза на некоторое время разделила их. Вдруг дух сказал:

– Я домой поеду, русский. Там девки белые сосут за шоколадку.

– На зону встрянешь. Может, опетушат.

Марат лишь оскалился.

– Ничего ты не знаешь, русский.

– Ебать, игра престолов!

– Я выйду, скоро выйду – вы слабые и продажные. И ты, русский, будешь видеть кругом бородатую морду, там везде я. Ты заметил, мы в тренде – модно косить под дагестанского борца. Борода, майка ММА. Мы воины. А вы – овцы для ебли, вас даже жрать запахло. Белое рыхлое стадо. – Он показал рукой в глубину камеры. – Братья мои тоже вернутся. Не сюда –

к вам. Плитку класть, дома строить, детей ваших спорту учить. И нож точить на каждую белую шею. – Он перевел дух, прежде чем выдать следующую порцию: – Ты думаешь, что победил меня. Но ты проиграл. Задолго до того, как оказался здесь. Думаешь, тебя победить меня прислали? – Он пристально посмотрел в глаза, будто реально намеревался услышать ответ. – Ха! Тебя выгнали сюда, чтобы ты мне в Рашке не мешал. Ни мне, ни хозяевам своим. На убой, Волга. Вот какой у Аллаха план, а не твой бред.

– Все-таки дедушка на тучке, – вставил Волга, но реплика осталась незамеченной.

– Богу нет до тебя дела. Тебя наняли отнять чужое, а заодно и в гумус превратить, чтобы не мешал потом.

Волга встал размять кости, повернулся влево, вправо.

– Это ты так думаешь, – возразил он.

– Это я так знаю. У тебя машина какая? «Киа Рио»? «Лада»?

– Ну.

– А у меня «Крайслер», пять метров длиной. Дом есть? С мамой живешь?

Волга промолчал.

– У меня триста квадратов из красного кирпича, – похвастался Марат. – Ну и кто из нас баран? Это ты гастарбайтер, Волга! – вдруг объявил он. – Гастер от войны. Под сказку про империю и битву на дальних берегах. А зачем здесь-то? Мы уже у вас. Наши ножи уже на вашей шее, придет время – сами сунетесь на кровь. – Марат глухо, сквозь кашель засмеялся. Волга промолчал. Дух еще долго говорил, измываясь над жалостью белого человека, обещал халифат от Брюсселя до Владивостока. Волга не слушал, он смотрел на десятки злых угольков, что взирали на него из загона. Пальцы выбивали по цевью нервную дробь. Когда оратор выдохся, Волга устало заключил:

– Посмотрим...

* * *

Петрович весело объявил:

– Граждане неосужденные, с вещами на выход! Первые пятнадцать человек улетают домой. В объятия родного правосудия. Все – через больничку, чтобы без вшей и Эболы. Граждане Эрэфии, Родина помнит о вас. – Он захохотал чистым раскатистым смехом доброго человека. – Волга!

– Здесь.

– Выводи.

Зазвучали по списку заковыристые фамилии. Косматые бородачи потянулись к КамАЗу, шурша нехитрым барахлом. В руках пакеты-майки, школьные мешки для сменной обуви с картинками вселенной «Марвел». Ожилились, заиграли шуточки, заблестели глубоко утопленные глаза.

– Грузимся, грузимся, – подбадривал офицер. – Волга, не тупите, помогайте. Как этот одноногий в кузов залезет? Вещи, вещи не забываем! Еще одно замечание, граждане бандиты. В дороге кормить не будут. Пожрете на больнице. Тут недалеко...

Марат оскалил клыки:

– Как скажешь начальник. – И, поймав пасмурный взгляд Волги, добавил шепотом: – Вы слабые, русские. Вас не спасут ни танки, ни самолеты. Мы их отберем. – Он показал себе на сердце. Но Волга закинул его пакет в кузов и ответил со сталью в голосе:

– Счастливо долететь.

– Береги себя, Волга.

Водитель закрыл кузов и опустил полог тента. Волга одними глазами подтвердил: «Едем», – и направился к эскортному «УАЗу-Патриоту». В небо из кузова смотрит ствол

«Утеса». Празднично блестит патронная лента, МДЗшные пули плятятся на духов собачьими залупками. Стрелок лениво затягивается сигаретой, каска висит на сгибе локтя, раскачиваясь, как лукошко для грибов. Волга дождался, когда офицер в маске займет штурманское место, и скомандовал в рацию: «Поехали». Колонна тронулась. Ехали чуть больше часа. КамАЗ остановился. Петрович скомандовал:

– Шабáшь! – и конвой начал вытаскивать бедолаг из кузова. Жизнерадостный офицер не затыкался: – Вещи не забываем. Труссы-носки. Ах да – вы же трусов не носите...

Моджахеды сбились в кучу, недоуменно рассматривая пустыню.

– Почему остановились? Больница где? Поссать, что ли?

Офицер хохотнул:

– Герои не ссутся, а справляют нужду. Не, ссать не будем, лечить будем. Больница здесь, приемный покой. Волга, – подозвал он, став неожиданно подчеркнуто серьезным. – Работай, дорогой, не томи.

Бармалеи загнанно переглядывались, вцепившись в пакеты и мешки. Вдруг потянул ветер, подхватывая рой мух и трупный смрад. Протяженная канава вдоль старого редута изрыгнула накопившуюся гниль. Она, обволакивая людей, поволокла их к яме. Под удары прикладов.

– А-а-а, – выдохнула обезумевшая толпа. – Не надо-о-о.

Кто-то кричал, хватался за руки, ноги. В ответ – тычки стволами, штыками, плетью отрывистого мата. Лишь трое сохраняли над собой контроль, шли на собственных ногах. В конце концов вся цепочка собралась над бездной.

– Добро пожаловать, муфлоны. – В голосе Петровича ни тени прежней веселости. Группа аду смешалась, сбилась бесформенной кучей: стоящие, ползающие, гордые, умоляющие. Злое шипение проклятий на родном языке, причитания на трудно различимом русском. Все...

– Встать!

Петрович снисходительно успокоил:

– Оставь, пускай. Ну, что же, как говорится, работайте, братья.

Группа развернулась цепью, в центре УАЗ с «Утесом». Оператор, навядясь, косился на офицера. Первые осмысленные слова прозвучали из уст Марата:

– Что за понт, командир? Говори, что надо. Зачем этот цирк? – Было видно, как он пытается совладать с голосом. Выдавала лишь легкая дрожь в окончаниях, будто не хватало воздуха. – Все сказали, что могли. Что тебе надо? Связи?

Глаза в прорезях балаклавы охолодели:

– Не кипишуй, мясо. Какие у тебя связи?

Марат вдруг увидел что-то такое, отчего поплыл.

– Я готов сотрудничать. – Лицо белое, пытающееся все еще сохранять остатки невозмутимости, колени бьются с большой частотой. – Ячейки, подполье в Рашке...

– В России, – прервал его Волга и с кривой усмешкой поставил точку. – Кончай.

«Утес» и десять автоматов ударили одновременно.

Али

Бледное светило прижмурилось сквозь облака. Напротив, за ущельем, подвывал мулла. Ветер ломал молитву в рваный пунктир: звуков, начал, окончаний. Рядом, под тенью бронированного «джиэмси»²⁷, садыки колдовали с чайником, рюмками и трубочками – зрело мате. Не стреляли. Сотни глаз – вражеских и своих – одновременно шурились на одинаковое солнце, люди выползли из-под серых одеял и сладко причмокивали сладким кофе с кардамоном под запах оливковой щепы. Через час аду накинута тройка мин, они хлопнут в садах опустевшей деревни. Садыки азартно запустят «дошку», запляшут вспышки МДЗ по хребту, что разрезает дорогу на Аль-Шариф. Затяжная перепалка поднимает настроение. Повоевали...

Али жаждал сна. Немудрено – тепловизор «Пульсар», фантазия и пулемет сражались всю ночь. Али жег длинными очередями по роящимся точкам. Бдительность переполошила всех, включая «Каракум». Подоспела арта, садыки залили ущелье трассерами. Но. Здравый смысл прилетел в виде БПЛА, «птица», провисев час над «помойкой», противника не обнаружила. Замолкли минометы, утомонились союзники, но Али продолжал бой: грохочет пулемет, прыгает на сошках, калится, брызгая искрами. Звенят о бетон фрагменты ленты. Вспышки стробоскопа вырывают мертвые углы и стеклянные глаза стрелка. Спас Чук.

– Алик! – Ноль внимания. Пулеметчик повернул ствол и просверлил темноту длиннющей очередью.

– Пустой! – известил он.

– Стоп стрельба!

Али вздернул брови:

– Они прут, Чук! Они прут!

– Где тепляк?

Али всунул в подставленную ладонь «Пульсар», а сам, отпрянув от пролома, вжался в дальний угол. В угольной темноте светились округлившиеся глаза.

– Они прут, тридцать метров!

Чук молча приложился к наглазнику. Качнул влево-вправо и вдруг захохотал.

– Ебать, Алик, это мыши.

* * *

Лис вскрывал Обжорку, продуктовый ящик. Шуруповерт туго обрабатывал севшей батареей. Заметив Али, он выпрямился и, потянувшись, укусил:

– Повеселил, Алишка. Пируэт с подливой.

– Не свисти, Лис. – Али поставил «Печенег»²⁸ под ноги, присел на корточки, открыл крышку ствольной коробки, снимая ленту с подачи. – Курить есть?

– Алишка, чисти дуло. – Лис вонзил жало инструмента в следующий шуруп.

– Достал, Лис, – огрызнулся Али. Неожиданно оживился: – О, Тень!

– О, Алишка! – хохотнул Тень. Правой рукой он поливал мутную воду из баклажки на левую ладонь, свернутую лодочкой, и умывался увлеченно, как кот.

– Огонь есть?

– Море огня, братан. – Тень показал пустой бутылкой на пулемет, намекая на ночной бой.

– Тень, хотя бы ты... – взмолился Али.

²⁷ Большой пикап от GMC.

²⁸ «Печенег» – российский ротный единый пулемет, разработанный на основе пулемета Калашникова модернизированного.

– Гы, – ответил Тень, после короткого взмаха пластиковая бутылка сорвалась и, сверкнув ломаными гранями, исчезла за бруствером. – Даванул повидлы.

– Яблочного, – уточнил Лис.

– С костями, – подключился Тень.

– Братик, дупу не порвал? – поглумился Лис.

– Да пошли вы.

Лис открыл ящик. На свет появился ополовиненный пакет гречки. Али наконец взорвался:

– Лис, ты заебал. Что вы ржете? Я откуда знал? Смотрю в тепляк, а там движение, лезут толпами из-за кустов и все ко мне. Я, блин, тепляк второй раз в жизни видел...

– Первый продал? – встрял Тень. – Ты же прапором был?

– Ы-ы. – Али рассвирепел до потери речи.

– Алиша, да забей. – Лис подошел к нему и примирительно похлопал его по плечу. – В натуре, смешно ведь получилось. Сегодня ты наложил, а завтра...

– Ты, – покатился со смеху Тень.

– Тень, заебал! – Алик рывком схватил пулемет и, грохоча коробом, скрылся в жилых руинах. Из темного проема сквозь прострелянный полог неслось злобное кавказское бормотание.

* * *

День шла позиционная перепалка. Блуждающая «зушка» духов накинёт пару очередей, и под треск зенитных снарядов садыки оживляют танк. Брошен мате, крики офицера, на погонах которого блестят орлы в натуральную величину, выгоняют усталую машину. Шарашит выстрел, и – мгновенный откат. Через час все повторялось. «Зушку» искали, но аду большие выдумщики – ни разу не повторялись. Танковые снаряды усугубляли разруху на той стороне. Пустое. Война идет, боевые капают, кипит мате. Свист осколков, щелчки шрапнели входят в привычку.

Старый замер на пороге, привыкая к темноте. Потрескивают дрова, отбрасывая через щель заслонки оранжевые блики. Мелькают коконы спальников, пятки, ботинки, задранные подбородки, ботинки, рюкзаки.

– Подъем, парни.

В дальнем углу зашевелился Чук:

– Что случилось?

Старый выдержал паузу, все тщательно взвешивая. Потом коротко огорошил:

– Садыки открыли фланг.

– В смысле? – Проснулись даже те, кто притворялся. Забурчали, закашляли.

– Что, бля, за фигня!

– Слабозадые.

– Когда?

– Час назад, – машинально отозвался Старый, но, будто спохватившись, уточнил: – Комбат маякнул, час назад. А ушли, похоже, еще днем.

– Какого болта?! – пришло закономерное удивление.

– На базе. Зарплату получают. И награды. От брата президента.

– Что за кипиш? – Тень снял наушники. Раздался крик Летова: «Все идет по плану».

– Кинули нас, Андрюха, – задохнулся от возмущения Али. Старый пресек галдеж:

– Значит, так, Чук...

– Да.

– Все в готовности. Снарягу под себя. И еще... – Старый побежал глазами по углам, будто в самом деле мог кого-то рассмотреть. – Одного пулеметчика и снайпера. Назначь.

– Тень!

– Снова я.

– Алик!

– С чего это я! – взвился Алик. – Только сменился. Пусть Физрук...

– Физрук на НП.

– Почему всегда я. Алик туда, Алик сюда.

Тень похлопал его по плечу:

– Без паники, коллега. Может, нас на кухню. Орехи колоть.

Старый подчеркнул:

– Тень, Алишка – к бою. Двойной бэка. Кинете в кузов ящик ЛПС. Старший Охотник...

– Куда их? – Чук потер заспанные глаза. Старый замер, прежде чем полог упал. Последние слова они слышали сквозь одеяло-дверь.

– На подвиг. Геройски фланг закрывать.

* * *

Пока ехали, Алишка травился желчью:

– Задолбали садыки... И почему постоянно мы, Тень... Ни пожрать, ни выспаться. Как затычки – разведка, разведка, разведка.

– Да какая разведка, братан.

– У нас задачи другие...

– Да какие там задачи...

«Беспилотники», нежданно ставшие пехотой, посмеивались. Шарообразный Моныч талантливо вписался в монолог:

– Мы, Алишка, железная пробка в жопе наступления.

– Ага, – подтвердил Оскар. – Есть маза прославиться.

– И зажмуриться, – донесся из глубины кузова суровый бас.

– Хорош пиздеть, накаркаете, – отрезал Али.

– Это да. Наш подвиг главный, а удар самый – генеральный.

– Точно, враг в лоб не пойдет. Всегда жарит в тыл и во фланг. Я читал.

– И уж точно ИГИЛ²⁹ в курсе, что здесь никого нет. А сюрприз! Алишка с пулеметом.

– И мы маленько.

– Ага, оказался в нужное время в нужном месте.

– Простой, казалось бы, человек, а вот оно как...

– Охотник, спасибо, что согласился.

– Не за что, – пробурчал командир сводного «заградотряда».

Некоторое время ехали молча, ЗИЛ замедлил ход, кто-то выдохнул «уф» и, после рывковых зигзагов машина остановилась. Борт с лязгом упал.

– На выход.

Парни посыпались из кузова. Вперемешку с рюкзаками, коробками, ящиками.

* * *

В крайнем доме нашли двух завернутых в одеяла садыков. Исключительно по храпу. Один отреагировал прямым вопросом:

²⁹ ИГИЛ – запрещённая в России террористическая организация

– Руси? – и накрылся с головой до положительного ответа. Их автоматы стояли рядом. Тень усмехнулся.

– Руси, руси. Мархаба, правоверный.

– Залетчики, – догадался Охотник. – Ни зарплаты, ни наград.

– Охуели! Караул, нах. – Али зашипел по-змеиному. – А если бы духи?!

Охотник спокойно резюмировал:

– Хорошая тихая смерть. Зачем жить без денег и медальки?

– Суицид, – сказал Тень.

– Однозначно.

– По-моему, просто разгильдяйство, – возмутился Али.

– Иншала, Алишка. – Тень проверил, как расшатывается кирпич.

– Бляди слабозадые, – опять закипел Али. – Почему мы должныдохнуть за них?!

Тень не ответил. Исследуя дом, он остановился в комнате с обрушенной внешней стеной.

– Здесь? – Он осторожно выглянул наружу, оценивая сектора.

– Кусты близко, – возразил Али.

– Выход на крышу. – Тень пнул что-то, латунная чашка зазвенела в сторону «часовых». –

И не засрано.

* * *

Тень прорубил межкомнатную перегородку, она рухнула за несколько ударов. Но он не остановился на достигнутом. За час получился широкий коридор для «тактического бегства». С выходом в сад. На грохот подошел «союзник», закутавшийся, как спал, по самую маковку. Он начал ругаться, двигая всклокоченной бородой. Делегат был терпеливо выслушан, прежде чем Тень спросил:

– Садык, слышь, у вас ДШК есть?

– «Дошка»? – Садык отрицательно замотал головой. – Гыр-мыр, гыр-дыр-мыр.

– Да я понимаю, что вас двое...

– Мыр-дыр-гыр...

– Мы тебя выручать пришли. Понимаешь? – Тень протянул: – Вы-ру-чать.

– Чтобы аду тебя в жопу не отъебали, – включился Али.

– Гыр-мыр, мыр-мыр, гыр. Аду! – поддержал садык. Он вдруг освободил плечо и, ловко вскинув невидимый прежде автомат, грохнул веером в темноту. Трассера празднично вскрикнули и заскакали по камням. Али взбесился:

– Ты что творишь, бабуин!

– Забей, братан, – успокоил его Тень. – Он обозначился. Верит, что так никто не ползет.

И можно спать.

Будто в подтверждение, по линии обороны жидко замолотило, застреляло, засвистело в обе стороны и, сверкнув последней точкой большого калибра, сонно угомонилось. Али благого разумно шагнул от оконного проема и нащупал задницей диван. В комнату громко ввалился Охотник.

– Что у вас? – спросил он.

– В жопе газ, – отзеркалил Тень. Охотник сослепу обнаружил союзника.

– Ала³⁰.

– Ала, – сказал садык и ретировался. Охотник между тем оценил приготовления, прицелился с разных углов. Заглянул к союзникам и, вернувшись, подобрал патронный ящик. Сел. Скрипнуло дерево. Прозвучала явная заготовка.

³⁰ Ала (араб.) – привет.

- Обсудим?
Тень сразу понял:
– Хорошо бы.
– Что тут обсуждать? – возмутился Али. – Если попрут здесь, нам всем звездеч.
Охотник едва заметно качнул головой.
– Не возражаю.
Тень криво усмехнулся:
– Я против. – Было непонятно, серьезно он говорит или, как всегда, хохмит. – Алиша, ты же пулеметчик: море огня, тельняшка, ленточки в зубы – морпех, епта.
– Какие, нафиг, ленточки? – закипел Али.
– Черные, с якорями, – объяснил Тень. – В ауле памятник поставят. Чуханов с твоей парты выгонят, девчонок посадят, отличниц.
– У ваших девок сиськи есть? – поинтересовался Охотник.
– Бля, Охотник!
– Алиша, представь – девки, а ты смотришь на сиськи с гранитной доски...
– Твоим именем улицу назовут...
– Или шашлычку.
Али молча раздувал ноздри. Тень толкнул его в плечо:
– Братан, я что подумал – у вас закапывают или сжигают?..
«Совет в Филях» все-таки состоялся. Рядились и так и эдак. В конце концов под тактикой был подведен жирный знаменатель.
– Отстреляемся и – отходим, – резюмировал Охотник.
– Все ломанемся – покрошат в спину. – Тень потер подбородок. – Садыков оставим?
– Не вариант, – возразил Али.
– Красава, – похвалил Охотник. – Джигит.
Он размял потухшую сигарету меж пальцев, вместе с табачной крошкой посыпались ровные, взвешенные фразы:
– Значит так, держимся как скалы. Потом отход двумя группами. Первая в прикрытии. Вторая закрепляется на террасах. Давит, пока отходит первая. Тень!
– Да.
– Ты старший во второй группе.
– Понял.
– Я в первой. Алиша...
– Что?
– Ты со мной.
Алиша часто заморгал.
– С хуя ли?
Охотник чуть не задохнулся от гнева.
– Да потому штаты пулеметчик блядь!
Али зло посмотрел на Охотника, на Тень.
– Братишка, – Тень сверкнул широкой улыбкой и произнес, упреждая укор: – Снайпер штучный товар, мне умирать нельзя...
– Не каркай!
Охотник поддержал игру:
– Алиша, ты кавказец, воин. А нам, рузски, никак – только бухать и драпать.
Тень все это время не переставал таскать блоки, камни, остатки мебели. Али обнял себя за плечи.
– Холодно...
– Поработай.

– Не умничай.
– Ночь длинная. – Тень бросил на лежку прожженный матрас. Окинув взглядом напряженную спину пулеметчика, не удержался: – С рассветом двинут.
Алик наклонился за бетонным блоком, потащил его в свой угол.
– «Тагилы» знают, что садыки слились.
Алик молча укладывал стенку, Тень размышлял дальше:
– Стопудово к нам. Не зря садыки ушли. На роту не рискнут – зубы обломают. А мы... братан, мы рождены для подвига.
Алик вспыхнул, засуетился. Близилась полночь.

* * *

Охотник курил в кулак. Длинная затяжка. Вторая. Прищуренные глаза, чумазое, заросшее плотной щетиной лицо. Тень рядом. Он выбрался за пределы стены и, опустив поджопник, седлает камень. Охотник делает серию коротких вдохов, сигарета кончена до самого фильтра. Огненным чирком бычок падает в кусты. Прозвучал вопрос:

– Сколько уже?
– Четырнадцать машин, – сказал Тень, не опуская «ночника». – Стоп. Уже пятнадцать.
– Жопа, братан. – Мнение Охотника звучит нейтрально. Без эмоций.
– Наверное, свадьба, – предложил Тень оптимистичную версию.
– Кого на ней будут ебать, не догадываешься?
– Ебаться не хочу, торт хочу.
– Будет тебе торт...
– Охотник, Охотник, еще один! – крикнул Али из своей баррикады. На черном плато мигнул огонек и пополз влево.

– Точно. – Охотник склонился над схемой ориентиров, подсвечивая ее синим фонарем. Монотонно доложил в рацию: – Старый – Охотнику.

– На связи.
– Ориентир сорок шесть. Восток – триста. Цель одиночная. Автомобиль.
– Принял. Наблюдайте.
– Наблюдаю.

Время вязко тянулось за машиной. Огонек мигнул, пропал, прежде чем появиться снова, гораздо левее. Далеко за спиной слаженно хлопнуло, три выстрела слились в один. В небе зашуршало, и секунд через тридцать брызнули разрывы. Через пять секунд глухо пророкотало.

– Старый – Охотнику. По разрыву – север триста, восток сто.
– Принял.

Следующие мины упали туда, где машина была пять минут назад.

– Бинго, – засмеялся Тень. – Не убили, но напугали до усрачки.
– Старый – Охотнику. По разрыву...

Огонек упрямо катится, вот-вот скроется под горой. Вдруг мина накрыла его, и, еще не веря в случившееся, линия обороны молчала, но заторможенно, под рокот разрыва, засветила-заулюлюкала.

– Старый, есть попадание. Три мины беглым огонь. Давай. Давай.

Два взрыва ударили по месту, третий ушел далеко вправо, что, однако, не омрачило ликования. Впервые за ночь кто-то умер. Из-за чернильной бархатной горы, мигнув, покатила бриллиантовая булавоочная головка.

– Когда вы кончитесь, – насупился Охотник. – Твари. Али!
– А?

– Скажи своим, чтобы уезжали. Арта устала. – Щелкнула тангента, зашипел эфир: – Старый – Охотнику.

– На связи Старый.

– Ориентир сорок шесть. Восток сто. Авто.

– Охотник, – позвал Али.

– Ну? – Охотник оторвался от окуляра.

– Уже человек сто приехало.

– Забей, братишка. Нам уже ни холодно, ни жарко. Хоть миллион – один хер.

– Что-то дофига, – засомневался Али и поежился. – Где долбаная авиация?

Тень вклинился в разговор:

– Дорого за каждой машиной гоняться. Бомба стоит, как мы с тобой. Экономия, братан.

Продержимся как-нибудь.

– Чего ты там «продержимся»?

– Ты же пулеметчик, Черноморский флот!

– Я ебал! – Алик зло сплюнул под ноги.

– Старый – Охотнику, ориентир сорок два... Али, не галди... Восток триста пятьдесят.

Три мины – огонь... – Охотник вытер пот флисовой шапкой. Покосился в сторону пулеметной ячейки. Али ощутил внимание и соврал:

– Замерз, бля. Что за страна, – сказал Али, стуча зубами.

– Старый – Охотнику. Промах. По разрыву – восток сто пятьдесят. Дистанция норма...

– Нателку забыл, – пробормотал Али.

– Свитер дать? – посочувствовал Тень. – Одеядло?

– Тухлятиной несет.

Они втроем молча провожали горящие фары. Охотник не выдержал и крикнул в рацию:

– Дайте огня, блядь!

Цель невредимо скрылась под горой. Охотник выругался, чтобы тут же известить:

– Ориентир сорок шесть. Цель номер восемнадцать...

Тень задумчиво, уже без намека на сарказм, предложил:

– Алиша, а давай-ка мы тебе патрончиков позаряжаем.

– Старый – Охотнику, цель восемнадцать. Дайте пристрелочный наконец, блядь!

Тень доложил:

– О, еще один.

Охотник дежурно осветил журнал наблюдений синим фонарем, губы что-то зашептали в унисон записываемой информации. Цель номер восемнадцать мигнула и скрылась в каньоне. В конечном пункте своего движения.

* * *

Небо над бархатными черными горбами расколосось фиолетовой трещиной.

– О, братан, скоро начнем. – Тень показал из-под одеяла кончик носа. Снайпер сидел, прислонившись к узловатому оливковому стволу.

– Алишка. Алишка!

Краем глаза он увидел – в ячейке пусто. Окоп был обложен камнями, за спиной – стена, поверх – острые осколки обрушенного перекрытия висят на перекрученных узлах арматуры. Алик выполз из дыры в стене на четвереньках и ужом нырнул в свое укрытие. Закряхтел, натягивая на себя обивку дивана.

– Тень, спишь? – спросил он.

– Чего тебе?

– Опять что-то с животом.

- Просрался, что ли?
- Али подтвердил слабым голосом:
- Не могу уже. Отравился, наверное, – предположил он.
- Да не.
- И замерз. Ноги не чувствую.
- Посри еще, – предложил Тень, – согреешься.
- Пауза повисла ненадолго.
- Скоро поползут.
- Может, обойдется?
- Не факт. Пулеметчика завалить – первое дело.
- С-сука.
- Не ругайся, братан.

Они замолчали. Тень смотрел в шевелящуюся тьму, не сосредотачиваясь ни на чем. Вязкая студеная тишина окружала со всех сторон. Не трогало будущее, отстало прошлое, настойчивая апатия забила простуженное горло. Даже дышать не хотелось. Он прикрыл глаза. И тут же сомлел. Автоматически перевалившись на другой бок, подоткнул одеяло. Облачка пара садились на грязный ворс и, растекаясь под нижней губой, хватались инеем. Сознание поплыло, но до определенной поры... Снова зашуршала бетонная галька. Тень приоткрыл глаза. Али. Опять гадит.

- Как вы? – Командир технарей присел на корточки у него за спиной.
- Замерз. Охотник, скорей бы сдохнуть, – откликнулся Тень.
- Садыки ушли, – объявил Охотник. – Все.

Живот свело могильным холодом.

– Пофиг, – соврал Тень. На зеленом поле ПНВ³¹ ни одного огня, но беспокоит фоновое мятное свечение в каньоне. Деревня. – Кучкуются бабаи. Готовятся кафиоров убивать. Помолитесь – и нате вам.

– Куда только? – Охотник вздохнул. – Может, это некультурно, но хотелось бы, чтобы огребли не мы.

– Не. – Тень заметил движение в соседнем окопе и повысил голос: – Точно к нам. Потому что кто-то очень много срет.

Охотник отвернулся, чтобы спрятать улыбку.

* * *

Кровавый рассвет. Серая мгла растворила в себе руины, камни, деревья. Восход оторвал иссиня-черное небо от глубокой пустоты. Тень перебирал слова псалма девяностого. Язык шевелился, едва задевая воздух, выдавая эфиру лишь Богу доступные слова. Псалом течет ручьем, заглаживая и утончая страхи. Глаза оглаживают край ущелья. Тело вибрирует, но дух уже перестал метаться, придавленный молитвой. Холод касается спины, не разберешь – мандраж или мороз. В рации на ротном канале – рутинная толкотня. Но ощущается напряжение.

- Охотник – Старому.
- На связи Охотник.
- От вояк. В деревне три сотни бородатых. Восемь машин выдвинулось в вашу сторону.

Внимательно.

- Принял.
- Удачи, парни.
- Само собой. И вам не хворать.

³¹ Прибор ночного видения.

Холод как рукой сняло. Тень сбросил одеяло и, согнувшись в три погибели, перебрался на лежку. Приладил винтовку, приложился к прицелу. Порядок.

– Алиша! Алик!

– Что? А?

– Понеслась, братан.

Потекло время, отнимая песчинками, оставшуюся жизнь.

– Понеслась...

* * *

Пулей, перевалившись с крыла на крыло, мелькнул «Грач»³², скрылся на мгновение под срезом ущелья и, блеснув блистером кабины, ушел свечой ввысь. Вслед вырос огромный черный гриб, горы вздрогнули. И по лабиринтам ущелий, гор, улиц прокатилось эхо взрыва. Тень обернулся к Охотнику.

– Дым есть?

Охотник отрицательно покачал головой, он что-то искал глазами в небе.

– Али, оранжевый есть?

– Нет, братан.

– Дрянь какая! – Тень поискал уходящий штурмовик, но, кроме рева турбин за облаками, – ничего. Охотник кинул:

– Согласен.

– Старшой, вызывай огонь на себя, – предложил Тень. – Придумай что-нибудь пафосное. Все равно по нам вмажут. В результате. Может, наградят. Посмертно. Скверно бесславно сгнать.

– Тень, заткнись, – взмолился Али.

– Внимание! – оповестил Охотник.

Из-под облаков с нарастающим ревом рухнул следующий штурмовик и положил бомбу в ущелье, казалось, в двух шагах. Еще мгновение, и гора осыпется. Охотник зло выругался:

– Virtuozы хуевы. – Но позже, рассмотрев результаты бомбометания, пробурчал: – Красавцы.

Тень говорить не мог, когда падал в окоп, он разбил зубы о выступающий камень. Как только ледяная рука отпустила сердце, он приподнялся на локтях и, глядя на расплывающиеся дымные грибы, шамкающим голосом предположил:

– Не, пацаны, войны не будет.

Он сел, посмотрел на Охотника, который мотал одуревшей головой. Поискал Али.

– Братан, живой?

Лежка была пуста. Грустит на краю окопа «Печенег» – охромел на одну ногу, завалившись на сошках. Покрывало лежит на полпути к пролому. И ни следа. Он крикнул в глубину сада:

– Али-ик!

Эхо упало, заметалось, да и заткнулось. Справа шуршат упаковкой пайка Моныч и Оскар, геройские операторы БПЛА. А в небе, рассыпая гул, уходит «спарка».

* * *

Они сбились вокруг костра, гипнотизируя чайник. Тень, Оскар, Моныч, Грибоедов и Бек, Сека и Бармалей. Одинаково чумазые, закопченные. Подчеркнуто безразлично наблюдая, как

³² Штурмовик СУ-25.

пришли «Уралы» на царящую рядом суету. Тень мучил варган. Братья-славяне монтировали «Утес», разворачивали минометную батарею. Они подходили, что-то спрашивали, хлопали по плечам. Возник Охотник с охапкой дров. Он бросил дрова под ноги и оповестил:

– Алишку я до вечера отпустил, за нателкой.

– Угу.

Кофе закипел. Солнечные лучи пробили холод, заставляя забыть, что час назад они готовы были сгинуть, чтобы на миг согреться. Тень выудил из варгана протяжную заунывную ноту.

– Будем здоровы.

Охотник перешагнул через каменную кладку баррикады.

– Вечером вернется, с минометчиками.

Он вдруг осекся, заметив в пулеметном гнезде «Печенег», разгрузку, РД – на клапане жирно чернела надпись «Али». Он почесал затылок.

– А как?..

Тень дал новую ноту, жалостливее предыдущей. Они в унисон посмотрели на отъезжающий борт. Показалось, за мгновение до того, как упал полог тента, они рассмотрели знакомое бородатое лицо, без каски и налегке. Миг – пыль смыла картинку.

– А МАЗ попал, куда положено ему, – фальшиво пропел Тень, – но он пришел, трясется весь, а там опять далекий рейс, я зла не помню, я опять его возьму.

Друзья не поддержали, по кругу пошла горячая кружка, они бережно хлебали огненное пойло, аккуратно передавая ее следующему. Алик не прибыл ни вечером, ни утром, ни через неделю. Кто-то встречал его в госпитале с признаками болезни спины, коленей, сердца и много чего еще.

Витек

Бой отпустил. В воздухе дрожит пыль, перемешанная с облаками адреналинового смрада, потной кислоты. Дышат окалиной пулеметные стволы. Тела духов разбросаны тут же, на позициях. Половинка смертника грязной говняной кучей выдыхает серу в пяти метрах от перевернувшегося «Утеса». Он глядит в небо рогатками станка. Бек качается из стороны в сторону, придерживая свою голову. На любой вопрос о делах и предложение помощи режет короткое:

– Нахуй!

Рядом плывут безумные опустошенные тени-призраки. И в то же время присутствует живая бессмысленная суета. Серафим молчал, по ту сторону рации вещал Комбат. Серафим готов был подписаться под каждым словом вождя, ибо, глядя на перевернутые в семистах метрах пикапы, белые кляксы воронок вперемешку с точками убитых духов, он и сам давно подчеркнул для себя: проебали. И живы они благодаря ангелу, что поцеловал их в темя, да обреченному фатализму аду, которых Сулейман послал отбить позицию и вышку ретранслятора. Если бы духи шли не на убой, то кто знает...

– ...понял меня? – прохрипел динамик.

– Понял, – козырнул мысленно Серафим.

– Смотреть в оба. Скалы ройте, закрепляйтесь, но чтобы обратно – ни ногой. Трехсотых отправил?

– Да.

– Сколько душья положили?

– Одиннадцать, пятерых на позициях, два смертника.

– Хорошо. – Комбат помедлил, прежде чем прервать: – Ладно, не унывай. Завтра буду. Конец связи.

– Принял.

Серафим покосился на парней, которые стаскивали трупы и перекидывали их через бруствер, прежде чем столкнуть их по склону, чтобы не смердели. Бес пятился спиной вперед, волоча за ноги нашпигованное пулями тело. Расколотая словно орех башка колотится по земле, окропляет камни дрянной кроваво-грязной кашей. Скиф подхватил его за руки, и они вдвоем перевалили труп на ту сторону.

– Эй, – прикрикнул Бес, – не уходи. Кентов своих подожди.

На кусок выгоревшей парусины с помощью обломка алюминиевой антенны они закатили остатки шахида. Бек уже перестал раскачиваться и застыл по-буддистски, запустив пальцы во взъерошенные волосы, густо присыпанные пеплом и пылью. Как, впрочем, и все тут: русские, аду, оружие, пустыня. Серафим тяжело поднялся, одновременно жестом отпуская связиста. Распрямился, хрустнув позвоночником, и рывкнул:

– Бек!

– Нахуй, – повторился Бек.

– Встал, бля, и перевернул свою рогатку! – спокойно парировал Серафим. Но затем повысил тон, едва не срываясь в ор: – Или убывай, нахрен, вниз, к трехсотым. Симулянт. Чикен, «Химки», чемодан, домой, медаль.

Бек не спеша принял вертикальное положение.

– А что я?

– В рифму ответить?

– Не надо.

– Вот и я так думаю. Готовь свою дурдалу.

– Разберемся.

Серафим искал что-то глазами.

– Второй номер где?

Бек угрюмо обозначил:

– Триста.

Серафим закусил губу, взгляд пробежался вдоль позиций.

– Витя, бля!

Слива остановился на полудвижении.

– Да?

– К Беку на второй номер. Смогёшь? Ты ведь божишься, что под Донецком на всем играл.

– Ну.

– Бек, принимай, – скомандовал Серафим и прежде, чем уйти, погрозил пальцем: – И чтобы в этот раз никого не проебали!

Серафим оценил, все ли при деле, и, кряхтя, забрался с биноклем на бруствер. Равнина изрезана эрозией, далее холмы – свидетели Ноева ковчега. Отсюда покатые, несерьезные. Однако карта не давала себя обмануть, высоты не менее восьмисот метров, а в прорехи между ними можно было легко спрятать полк. Далеко-далеко сгоревшая коробочка пятьдесят-пятьдесятки. Давняя потеря садыков, минимум трехлетней давности. Рыжий остов, как все здесь. Он повел бинокль змейкой вправо-влево. Вот «средневековые» постройки, здесь современная водонапорная башня, рядом кошара, пересохшие оливковые деревья. И, что удивительно, недалеко загон для скота из плоских камней. Страшно подумать, сколько потребовалось времени и труда, чтобы сложить его. Незримо внимание вернулось настолько близко, что он рассмотрел огромные спины парней, что складывают трупы бармалеев в глубокий овражек, являющийся продолжением протяженного провала, почти ущелья, длящегося до самого плато.

Как они брезгливо оттирают руки песком. Пускают по кругу сигарету, в две-три затяжки жадно втягивают дым. За спиной посыпался грунт, Серафим оглянулся.

– Витек?

Витя Слива забирался серьезно экипированный: полная разгрузка, в руке калаш. На голове белая овечья папаха, высокая, уплощенная к вершине. В ней Витя походил на комичного Филиппка. К слову, Витя казачеством очень гордился, стремился это продемонстрировать любым доступным образом – к месту или нет. Серафим обошелся без комментариев, в Конторе по определению нормальных людей нет. Серафим повторил:

– Витек?

Слива упер руку в бок и задрал подбородок, вольготно напиваясь пересушенным воздухом.

– Эх, вольно как! – сказал он с чувством. – На коня бы!

– На коня? – недоуменно переспросил Серафим.

– Эх, в деревне, бывало, на сивку прыгнешь, руки раскроешь и скачешь на горизонт. Ветер ажно из седла вырывает. Трава по сапогам шуршит. И петь охота... И я пою... Аж хуй торчит. Да-а.

– Ты с песнями-то поосторожней, – усмехнулся Серафим.

– Я петь люблю. Песни писал. Бабам нравится. – Витек пропел заунывное казачье музло, коротенькое, в три строки. Стандартный набор про коней, шашку и смертушку лютую.

– Класс! – восхитился Серафим без тени иронии, но через короткую паузу с легким сарказмом подметил: – Коня бы тебе.

Витек вздохнул:

– Она тут сдохнет.

– Эт точно, – по-суховски согласился Серафим. Помолчали. Ребята вернулись от оврага.

Серафим спросил Витька: – Кто когда на «глазах», раскидали?

– Угу.

– Кто после нулей?
– Я, до четырех. – И, упреждая дальнейшие расспросы: – Все равно не спится.
– Что так?
– Думать люблю.
– Да ну? – удивился Серафим.
– О бабах своих.
– Это нормально, братан. О бабах – хрен заснешь. Здесь – особенно.
– У меня молодуха, Катька, – продолжил откровения Витек. – Мелкая. Но двоих мне
родила...

Они поделили сигарету. Вдруг Витек вспомнил:

– Помню, Ленка у меня была, огромная...
– Да ну? – Серафим скептически оценил невысокого крепкого собеседника.
– Ага. Так я на забор полез, чтобы целоваться.
– Нифига себе.
– Целоваться я люблю. Насосешься, и петь охота, и на коня, по полю скакать – и петь.
– Только про хер ничего не говори, – засмеялся Серафим. – Бабник.
– Да-а, – протянул мечтательно Витек, – я баб люблю.

Он показал на могильник.

– Нормально так мы их покрошили.
– Повезло, – признался Серафим. Вдруг Витек задал неожиданный вопрос:
– Так и будут лежать? Звери растащат.
– Не хоронить же, братан, – ответил Серафим.
– Не по-христиански как-то, – вздохнул Витек.
– Забей, братан. Дай бог самим прожить.

Витек просто пожал плечами, с тоской рассматривая горизонт из-под своей козырной шапки. Серафим решил, что хватит.

– Давай, Слива. Бывай. Внимательно.

– Все под богом ходим, – заключил Витя и потерял интерес к начальству, раскуривая трофейную сигарету.

* * *

И вот ночь прошла. Живые позавидуют мертвым...

– Серафим, ебанный рот! Перхоти пиздячей незаконные дети! Свидетели планки Пикатини. Сто метров, сто метров, блиад! – Комбат навис над Серафимом древней изогнутой каланчой. – Сто метров до рубежа. Духи красавцы. Спиздить трупы своих товарищей! Это охуенно, братан! Спецы. Так выебать героев третьей мировой. Они не только тебя поимели, Серафим. Они воткнули твоей маме, маме твоей мамы и той обезьяне, от которой произошел твой несчастный род. Поимели того хмыря, который пропустил тебя в военное училище, твоего первого старшину, что недовальцевал твою обезьянью дупу. Они даже президента твоего поимели, хотя тебя здесь нет... Серафим, ну как?! Сто метров! – Комбат вдруг остановился, изумленный своей новой догадкой. – Серафим, а был ли контакт? Или это театр Мариинский с балетом и буфетом...

– Вон машины подбитые, – обиженно парировал Серафим. Комбат вылупился на него, как на говорящий камень.

– Машины?

– Машины.

– Машины! – лопнул Комбат. – Тут, блядь, везде машины. Жмуры кругом, только на твоих позициях, Серафим – ни одного. Два часа боя, пять трехсотых, двадцать «огурцов»

артподдержки, кипеж до самых Химок – и ни одного бородатого. Которые. Спизжены. Блядь. Волею Аллаха милосердного. Прости меня, Один и святые угодники. Как?! Как?! Серафи-им, нахер с пляжа. Сдашь дела своему заместителю...

– Он триста, – объявил Серафим, угрюмо уставившись на горизонт.

– ...В такелажку пойдешь, ящики носить. – Комбат выдохнул, оглядывая поредевшее войско. Медленно взял себя в руки. Поток дерьма предстояло перевести в конструктивное русло. – Кто был на «глазах»?

– Все были, даже я. Людей повыбивало, вы же знаете... Здесь все, трое на посту.

Комбат вытер ладони о полы немецкого кителя в пестром флектарне³³.

– Ничего не видели, тихо было. Даже в тепляк. Не спал никто. Мы не кретины.

– Вот именно, – подметил Скиф. Комбат и так уже остыл, его глаза пробежали по парням, за сведенными бровями копошатся нехорошие мысли. В конце концов он сухо приказал:

– Разбирайся, родной.

Он пожал руку и начал спускаться к джипу. Они молча смотрели вслед пикапу. Как только пыльный столб скрылся за холмом, Серафим поинтересовался в пустоту:

– Ну что, пехота, мысли есть?

– Да блядью буду – не было никого! – сказал Скиф.

– Еще на корточки присядь, – предложил Серафим.

– Да дело говорю. Все тревожные были. Идиотов спать тут нет.

– Я не говорю, что кто-то проспал. Какие мысли, предположения?

– Да не грузись, Саня, – сказал Скиф.

Серафим схватился за голову.

– Что же вы со мной делаете...

Бес предложил:

– Спецура, наверное, турецкая.

– Или пендосы, – растянута вставил Крот. Все сосредоточили на нем внимание. Серафим замороченно почесал затылок.

– Спецура? – он словно пережевывал буквы. Потом отмахнулся: – Была бы спецура, нас бы вырезали по-тихому.

– Не скажи, – возразил Бек. Серафим напомнил:

– Трупы, братан. Они спиздили пять дырявых тел и херову гору фрагментов.

– Бля-а, – согласился Бек. Начавшийся галдеж в основном сводился к тому, что пендосы без туалетной бумаги не воют, турок дрючили всегда, а руссы построили пирамиды задолго до того, как укропы выкопали Черное море, и, естественно, выше нас только яйца и кто, если не мы. Серафим гонял внимание с человека на человека, пока у кого-то вразрез не возникло предположение:

– Может, у них шмотки специальные, костюмы от тепловизоров?

Все затихли, переваривая новшество. Кто-то молчал, изучая окрестности, кто-то рассматривал носки ботинок.

– Тогда нам пиздец.

– Ниндзи, бля.

Серафим не выдержал:

– Не порите чушь. Какие, нахрен, костюмы?! Короче, слушаем сюда. Ночью не спать, бьемся на двойки. Все в прямой видимости. Сектора, ориентиры разбираем согласно купленных билетов. Кот!

– Я.

– От меня ни на шаг. Связь с артой.

³³ Немецкая маскировочная расцветка.

– Понял.
– Бек! – Серафим обернулся. – Как с башкой?
– Есть еще.
– Тепляк у тебя.
– Волга? – Серафим выдернул из толпы пулеметчика с правого фланга.
– Тут, – откликнулся он.
– Второй тепляк тебе.
– Угу.
– Крот!
– Ну? – буркнул в ответ приписанный к группе «инженер».
– Погнали, придумаем, где сюрпризов наставить.
– Пошли, – ответил Крот. Серафим накинул разгрузку на левое плечо, какая-то мысль давно не давала покоя, он топтался на месте, копясь в мешанине подозрений. Вдруг его осенило.
– Бек!
– А?
Серафим внимательно посчитал людей, сверяясь с крохотным сверчком в своей голове.
– Бек, братишка, а Витя где?
Немая сцена.

* * *

Заминировали левый фланг. После забрались с Кротом на бруствер, сосредоточившись на овраге.
– Здесь они смогут незаметно подойти.
– Да не, метров пятьсот, – возразил Крот.
– Они спиздили пять тел на сотне метров. Поверь мне, подтянут дурдалу и распетушат наше воинство на раз. Так что ОЗМку посади туда.
– Хорошо.
Серафим медленно повел биноклем вдоль разлома.
– И туда, – показал он пальцем, вдруг отнял бинокль от глаз, словно не веря в оптику, но тут же вернул обратно. – Что за фигня!
Крот вытянул шею, как черепаха.
– Где?
– Ориентир... – Серафим сверился с блокнотом. – Ориентир пять, право пятьдесят пять...
Он не успел закончить, как Крот разгадал загадку.
– Крест. – Крот будто бы не удивился. – Это крест.
– Какой, нахер, крест? – не поверил Серафим, но снова прильнул к биноклю. Так и есть, две палки, перевязанные проволокой; покосившаяся конструкция, сантиметров семьдесят в высоту, венчала небольшой курган. – Однако.
– Вчера его точно не было, – «обрадовал» Крот. Серафим поискал глазами кого попало. Попало на Бека. Они с Витьком крепили станину «Утеса».
– Слива! – позвал Серафим. Витя нехотя отпустил набитый камнями мешок. Голый торс излучал мощь матерого тракториста, борца и потомственного казака.
– Что?
– Хватай Сакса, пробейте, что за хрень там подросла. Бек!
– А?
– На прикрытии. Разворачивай дурдалу.

– Не вопрос.

Витя подозрительно замешкался. Натягивая на ходу тельник, он начал забираться к командиру и заговорил прямо сквозь полосатую ткань:

– Серафим, понимаешь, я же говорил, что надо по-людски обойтись...

– Витя, не трахай мой ум, ноги в руки и – пополз. Без кипежа и героизма...

– Серафим, да зачем? Послушай...

Он опешил.

– Ты что, бля, в цирковом училище? Рывком за бруствер в три прихлопа! – Серафим навалился на Витьку паровым катком – челюсть вперед, руки в бока. – Домой поедешь через контейнер, без гроша.

Витя по своей деревенской простоте даже не переменялся в лице.

– Да ты погоди, командир. Я что тебе говорю, а ты меня не слушаешь. Не надо там ничего смотреть. Все нормально... По-людски... По-божески...

Серафим боковым зрением уловил, как Бек вдруг ломается пополам и задыхается от смеха, интенсивно хлопая себя по коленям.

– Витя, сейчас ты без высоких казачьих материй, – аккуратно произнес Серафим, – объяснишь мне, что ты знаешь такого, чего не знаю я.

Витя оправил тельник и гордо водрузил папаху на голову. Серафим молча ждал.

– Ну? – не выдержал он. Бек прыснул снова.

– Братан, он... Братан, он...

– Витя, я слушаю, – сказал Серафим.

– Я же говорил тебе, не по-людски солдат сваливать, как скот...

– Он их, братан... – задохнулся Бек.

– Как животных, как падаль бросать, – продолжал между тем Витя.

– Каких солдат? – Догадка сверкнула во тьме, но Серафим поспешил ее погасить, пока она не стала правдой.

– «Тагилы»³⁴, Серафим, ведь тоже люди. Качают за свое, – подтвердил догадку Витя. Серафим закатил глаза.

– О боже, дай мне сил.

– Я их ночью похоронил, – признался Витя, но прежде, чем он опустил повинную голову, в прозрачных васильковых глазах проворковала такая блаженная тишина – хоть на икону, – что Серафим бессильно опустил руки.

– Он им... – Бес закинул лицо к небу и бессильно выкрикнул: – А-а-а!

– Витя, ты бабуин. Йо-обаное любо. Но человек хороший, – устало промолвил Серафим. Бес наконец смог говорить, сбивчиво заикаясь, он вывел красочно:

– Витя... правоверным муджахидам... борцам за веру... воинам Аллаха... на могилу... крест воткнул...

Серафим вздохнул и похлопал опешившего Витьку по плечу.

– Зачетно, братишка.

³⁴ Тагилы – народное название членов ИГИЛ, запрещённой в РФ террористической организации.

Дача, борщ и кровавая баня

Чип и Дейл зависли над кучей картона, синего упаковочного пластика и макарон вперемешку с соусом – все, что осталось от двух коробок. И всюду – соль, разовые вилки. В центре – две кляксы. Другие воронки восьмидесяток³⁵ в радиусе метров тридцать – крохотные, с пару ладоней ямки – окантованы брызгами земли; из асфальта торчит хвостовик мины в ореоле глубоких сечек; прорежены кроны узловатых груш, на земле – ветки с листвой и недозревшими фруктами. Глубокая колея кричит, с каким азартом взводник давил газ, она прорезала грядки и бежала за разбитый садовый домик из силикатного кирпича – Фрол успел сбросить две коробки пайков и цинк ВОГов³⁶.

– Кучно, – ахнул Дейл.

– Угу. – Чип опустился на колени и приступил к ревизии.

– Братик, адаптовит³⁷ есть? – спросил Дейл. Чип мрачнел с каждой секундой. Дейл отошел. Метров через десять присвистнул: – Да ну на...

– Свежая, – крикнул он, копаясь в кратере сто двадцатой мины. Взвесил на ладони длинный блестящий осколок. – Острый. Может, ну его, пошли домой? Я кушать расхотел.

– Иди помогай, – буркнул Чип.

– Я на «глазах», – возразил брат, поправляя автоматный ремень.

– Колдырь, бля. – Чип с чувством отбросил развороченную коробку, всю в мелких отверстиях. На следующей обрадовался было, но тут же скис – прошита насквозь. Он спросил: – Ты утку с дробью ел?

– Не.

– Придется. – Он откинул паек. В мародерку пошли пакетики сахара, галеты. Трофеи покрупнее складывались на брезент.

– Адаптовит есть?

– Паста шоколадная. – Чип бросил упаковку близнецу.

– Сенкью, бразер. – Дейл поднял ее с земли.

– На здоровье. – Чип, потянувшись, встал. Потом скорбно оценил добычу и, стрельнув глазами по крыше ТЭЦ, где таился укроп-корректировщик, позвал Дейла:

– Хватай добро, пиздюк. Валим отсюда.

* * *

Они упали подкрытие дома. Свидомые дежурно простреливали Ленинские дачи из КПВТ³⁸, вскрывая чердаки; соседский сарай, куда Дейл прежде сносил старые покрышки, загорелся. Чад вздымался выше изуродованной ЛЭП.

– Будто броня горит. – Астрахань передал Космосу крохотный бычок и кратко резюмировал: – Пидорасы.

– Пусть радуются, – подполз Дракон. – Оставь на затыг.

Космос вдохнул дым и молча поделился куревом. Скиф пробурчал, указывая пальцем на узел с добычей:

– Негусто.

³⁵ 82-мм мина.

³⁶ Граната подствольного гранатомета.

³⁷ Витаминный растворимый напиток из сухпайка МЧС.

³⁸ Крупнокалиберный пулемет Владимирова.

Внутренний двор венчал круглый стол с массивными точеными ножками, вокруг – скамейки из ящичков. Уличная печь досталась от хозяев. Дракон растопил ее заранее заготовленной щепой, накинул хвороста – затрещало. Собранные пайки он выскреб на сковороду. Получилось с горкой. Пока Дракон кухарил, все сидели под стеной и молча пялились на пожар. Вот наконец дымящаяся сковорода оказалась на столе.

– Хавайте, мужчины.

Бахнуло энтузиазмом, но пыл поугас, когда стало ясно, что получилось мало. Под ворчание догнались чаем и, разочарованные, разошлись кто куда. С опозданием явились снайпера. Медведь вскользь оценил ужин, весело предложил:

– Братик, давай мы тебя сожрем?

– Не, – Дейл погладил себя по животу, – я не согласный.

– Я не против, – поддержал Чип. – Ешьте.

– Когда его убьют, ляжка моя. – Медведь скреб ложкой подгоревшую сковороду. Златогор, второй номер, задумчиво жевал галеты, пялясь сквозь Дейла.

– Мои крылышки, – сказал он.

– Да, братик, плохо быть красивым, – подчеркнул Чип.

– Меня никогда не убьют, – надулся Дейл.

– Посмотрим, – сказал Чип. – Давно воюем.

– Резонно, – согласился Дейл.

– Насчет ноги подумай. Выпилим тебе деревянную. Я попугая подарю, – пообещал Чип. – Брат-близнец как-никак. Я же люблю тебя.

– Вот только без гомосятины.

– По-братски.

– Все равно не надо.

– Как скажешь, любимый.

– Тьфу. – Дейл сплюнул под ноги.

Медведь вмешался:

– Эй, братцы, лучше придумайте, как дальше воевать. Я голодным людей убивать не могу, – объявил Медведь. – мне их жалко.

Златогор облизнул ложку и, засмотревшись на столб дыма, покачал головой.

– Хорошо попали.

– Хули – героям слава! – сказал Чип, сосредоточенно щипая окладистую бороду.

* * *

После утреннего обстрела Чип подсчитал на огрызке бумаги количество прилетов и вывел в журнале «16», затем, отхлебнув жидкого чая без сахара, обратился к собранию:

– Славяне, есть мысли, как дальше жить?

Космос предложил:

– Пусть Фома за ЛЭП сбросит, пойдем подберем.

– Не вариант, – возразил Чип.

– Почему?

– Укроп «Патриота» срисовал, дальше Т-образки не пустит. У ополчуг вчера зажгли танк. Ерема в радио орал как резаный. Типа, до нас было спокойнее.

– Мы местным как кость в горле, – вклинился Скиф. – Жили себе, а тут приехал Ваня – хуячит да хуячит. Зимой, зуб даю, они на хату танчик навели.

– Полегче, – предостерег Чип.

– А хули полегче? – заступился Космос. – Война, нах. Соседи шлюх на передок зовут. И ничего.

– И приходят – на передок? – поинтересовался Чип.
– А то! Таксисты подгоняют. И похуй им Т-образный перекресток, Ерема и МГБ³⁹. Вчера Джамбо навещал снайперов. Рассказывал.
– Слононок? – сыронизировал Дракон.
– Хуенок, – огрызнулся Космос, но пояснил: – Ополченец, разведчик. Он у Немо за блаженного, ищет на жопу приключений. Типа, не буди лихо, пока оно тихо. Пацифисты, бля. Но как накидаются, туши свет. Война: адский ад, море огня и бабы голые пляшут.
– Гонишь, – не поверил Скиф.
– За что купил, – парировал Космос.
Они долго препирались о мутных «соседях» на правом фланге, грузили друг друга фактами и слухами. Чип задумчиво переводил взгляд на каждого говорившего, прежде чем пресечь балаган.
– Стоп!
Они удивленно уставились на него. Чип обратился к Космосу:
– Шлюхи, говоришь?
Он по-кошачьи прищурился. Все заулыбались, предвкушая нехорошее. Чип похлопал Космоса по плечу.
– Собирайся, братик, к Немо пойдем, к кентам твоим. Посмотрим, что там за Джанго освобожденный. Ну и... Узнаем за шлюх.
У стола вдруг стало волнительно-трогательно.

* * *

Скиф скинул предохранитель, отступив за угол.
– Стой, бля. Застрелю!
– Мы рузски, укропу хочим.
– Стреляю!
– Зачетно, братец. – Чип вышел из-за виноградного ковра; автомат на пузе, в руках раздутые продуктовые пакеты. Космос хитро прячется за его спиной; бликует лоб, каска, зубы. В охапке – необъятных размеров торба.
– Плитка, цементу, ебать подносить, отъебанных – разносить, – сказал он. Делегаты продефилировали сквозь караул, осторожно опустили пакеты на стол и, блаженно встряхнув руки, начали выкладывать содержимое: вилок капусты, свекла, картошка, виток краковской, две буханки, сала шмат... А глаза изучают публику. Чип не выдержал молчаливого внимания.
– Братва, дар речи потеряли? Дайте огня, варить будем, – сказал он. Дракон заметался между котелком и сковородой.
– Что варить?
Народ заволновался, посыпались предложения. Рука Чипа спряталась в пакете.
– Бери ведро, братан, – посоветовал он.
Дракон повел бровями.
– А?
Чип хмыкнул и показал, что скрывал до сих пор: сочный кусок говядины. Контингент сглотнул слюну.
– Не еби мозг, братишка – тащи ведро. – Чип окинул взглядом соратников и объявил: – Борщ варить будем. Дохуя борща!

* * *

³⁹ Министерство госбезопасности.

Чип и Дейл колдовали на «кухне». На огне стояло помятое эмалированное ведро, жирная копоть скрывала краску, лишь у верхнего края волнистая бордовая полоска. Деревянная ручка обмотана черной матерчатой изоляцией. Близнецы автоматически бранились.

– Надо было шлюх забирать.

– А деньги? – Чип покосился на брата.

– Жмот.

– Шлюхи казакам, нам жратва. Все честно.

– Сам пошел... Я кушать расхотел. Женщину хочу.

Космос возник из ниоткуда с охапкой хвороста и комментарием:

– Сутенер все волновался, как мы с тяжестями – в такую даль. Подвезти предлагал. Добрый.

– Укроп? – спросил Дейл.

– Братик, почему они по Немо не стреляют? – усмехнулся в бороду Чип. – Странная война...

– Здоровеньки булы! – Мимо прошли снайпера: голый по пояс Медведь с «Кордом» на плече. Златогор в обнимку с трубой. Ремень «одноточка» максимально распушен, автомат шлепает по жопе, «честриг» висит на сгибе локтя. Лица заспанные, сцена приготовления борща не трогает. Синхронный кивок – и пара лениво бредет к двухэтажному дому с «дачной» мансардой; серый шифер избит шрапнелью. Чип проводил их глазами, в ракурс попал еще дымящийся во второй линии дом, черный столб упирается в облака.

– Эх, нафига, братик, ты резину собирал? Отличный ориентир.

– Ну извините, – отмахнулся Дейл, затем сокрушенно добавил: – Казачки за наши деньги девчонок тыкают.

– Потому что – любо, – тихо засмеялся Чип.

* * *

Солнце наполнило Ленинские дачи розовым и оранжевым. Борщ доходил. Чип снял ведро с огня и пристроил на угол печи. Народ выполз из нор, подвалов. Ломаные стулья, табуреты и ящики начали собираться вокруг стола. Кто-то крутился рядом с варевом, шевеля ноздрями. Чип с Дейлом незлобно огрызались. Но публика, между прочим, гарцевала по радиусу. На столе разложили тонко струганное сало, колбаску, запотевшие помидоры. Буханка черного хлеба – ароматного, с горечью, осыпанного семенами тмина, – развалилась на толстые ломти.

– Шеф? – спросил Дракон, едва поведя бровью. Чип показал указательный палец. Дракон бережно водрузил на стол литр. Загалдели с восхищением. Солдатский котелок с квашеной капустой закончил натюрморт. Чип осмотрелся – все ли? Получалось, да. За исключением снайперов и «глаз». Он показал на стол – «присаживаемся» – и снял с пояса рацию:

– Медведь – Чипу.

Тишина.

– Златогор – Чипу.

– На связи.

– Идите жрать, душегубы.

– Принял, – включился Медведь, – поесть я люблю.

– Господа злодеи. – Чип поставил рацию на стол и скомандовал, потирая ладони: – По коням!

Водку разлили, досталось немного, только в медицинских целях. Из снайперов пришел один Златогор, объяснив, что на «Фасаде»⁴⁰ движение.

– Быстро поем и поменяю, – добавил он набитым ртом.

– Чип, помнишь, как мы колонку поставили? – вспомнил Астрахань и фальшиво запел: – «Лада седан», баклажан.

– Укроп блажил, что здесь рота чеченцев. Взбесились совсем, стреляли даже по летучим мышам...

– Сутенер говорит: вы девок-то забирать будете? А я ему: нахуй блядей – мясо давай...

– Дейл, Космоса поменяй. – Чип поискал брата.

– О-окей, – протянул близнец, выкатываясь из-за стола.

– Когда борщ есть будем?

– Пусть постоит, не убежит.

– Я сейчас сознание потеряю.

– Откачаем...

– Сало Медведю оставьте...

– Я Заравняю говорю, не минируйте вокруг себя... Помнишь, как он мчался под артой, срывая растяжки? Емать, цирк.

– Во-от такие пули! – передразнил Заравня Скиф, похоже выпучив глаза и разведя ладони до уровня плеч. Все засмеялись. Кто-то «сломал» позывной:

– Разрывай.

Опять смех. Вмешалось нудное заявление:

– Чип, давай борщ жрать.

– Хорош ныть. – Однако он проверил варево, помешивая его массивным половником. – Еще немного.

Подошел Космос.

– Это я удачно зашел, – сказал он, опускаясь на освободившийся колченогий стул. Ложка появилась из медицинского подсумка. Космос облизал ее и черпанул капусты, но прежде, чем отправить ее в рот, объявил: – Черный джип приехал. Хороший.

Народ пропустил заявление, концентрируясь на командире, поварешке и ведре.

– Тоже, наверное...

Выстрел. Глухо. Все повернулись к крайнему дому, откуда только что пришел Златогор. Выстрел. Тучная пауза. Выстрел.

– ...блядей привезли, – заканчивает Космос.

– Чип, скоро уже?

– Хер с вами, давайте миски. – Чип открыл крышку и замешал густое ароматное варево.

По цепи, не вставая из насиженных мест, ему подали тарелки.

Дружно загалдели.

– О, я сейчас умру.

– Веди нас, командир, – хохотнул Скиф, – до самого гаагского суда.

Вдруг звонко разлетелась черепица на крайнем доме, спустя секунды донесся стук КПВ. Укропы долбили одиночно, нудно – как метроном. Крыша пропала на глазах.

– Медведь, на, – охнули все. Практически одновременно. Скиф умудрился держать тарелку, продолжать есть и раздавать налево и направо предположения и указания:

– Я же говорил, что снайпер уходит в кусты, нехер работать с позиций...

– Заткнись, бля, – шикнули на него, подтолкнув под руку. Он опрокинул на десантный тельник свекольные разливы. Златогор рванулся к домику, но Чип осадил. Присев на корточки, он поднес рацию к бороде.

⁴⁰ Украинский блокпост.

– Медведь, живой?

Крупнокалиберная пуля ударила в кладку второго этажа, облако красной пыли, визг рикошета.

– Живой. Кажись, попал.

– Не сомневаюсь, не ссы, братик, сейчас вытащим.

– Я в джип попал.

– Бля. – Скиф закатил глаза. – Вангую: поели борщика.

Две пули – одна за другой – треснули в мансарду. Докатился топот пулемета. Народ самопроизвольно рассредоточился, растянулся вдоль стены, кто-то спрыгнул в недоделанную траншею, а кто-то забился под гаражный навес под прикрытие виноградной лозы. Тарелок не выпустил никто. Укропы продолжили разбирать мансарду.

– Бля-а. – Златогор схватился за голову.

– Не бзди, братик, – успокоил Чип.

– Да с Медведем все в порядке, он на втором этаже. На чердаке «Цейс»⁴¹.

– Медведь, ты как? – спросил Чип.

– Нормально, братик, сижу за мешком, чай пью.

Высокая кирпичная труба вдруг осыпалась с одного бока, демонстрируя закопченные внутренности.

– Срисовали? – На коленях подполз Дракон и сел прямо на землю, поправив предварительно поджопник. Златогор возразил:

– Не должны, работаем из глубины. Укропы даже звука не слышат. Поверь.

– Ну, я-то верю, а они не очень. – Дракон показал в сторону «Фасада». Но, словно подтверждая слова Златогора, КПВ перенес огонь на соседние домики: сначала ударил по горящему строению второй линии, а вскоре заплясал на позициях Немо.

– Медведь, как обстановка? – спросил Чип чуть погодя.

– Хорошо.

– Что на «Фасаде»?

– Джип, пока я прятался, укатили. Надо было доработать.

– Не жадничай, братик.

– Жалко.

Златогор стряхнул с кителя свеклу.

– Пойду...

Едва он поднялся, раздался хлопок жирного сто двадцатого калибра – знак особого уважения. Все девять человек заорали одновременно:

– Выход!..

* * *

Уже в подвале, рассматривая сигаретные искры, Чип туго соображал, что он упустил. Конус света от зафиксированного в центре подвала фонаря выжигал на потолке белый круг, в прорехе между плитами – кружева паутины. Лица режут глубокие тени. Мины падали с кратким интервалом. Среди мощных ударов сто двадцатых «Василек»⁴² казался хлопущей, но сыпал кучно. Противник с точностью не заморачивался, качал наводку. Но вот стены дрогнули от близкого попадания, Чип застонал:

– Борщ, забыли борщ, – под общий вздох нечеловеческого горя. С потолка посыпался мусор. Дракон подал голос из черного угла:

⁴¹ Буржуйская наблюдательная труба (здесь).

⁴² 82-мм автоматический гладкоствольный буксируемый миномет.

– Д-30⁴³ подтянули. Траектория настильная, в стену положат и...

– Момент морэ, – продолжил Скиф.

– Не каркай, – обрубил Чип. Скиф сместился к дыре в полу, которая вела под фундамент. Вдруг мощно ухнуло, мешок с землей у духового окна пополз вниз, запуская струю света и клубы пыли. Даже оптимисты надели каски.

– Пидорасы, блядь, – заголосил Скиф, – ноги им рвать и кишки по деревьям развешивать. Попади они мне в руки! Призывники хуевы, мамины дети, ебашить в юном возрасте, пока к онанизму не привыкли. Я говорил, что снайпер никогда из располагает не работает. У нас в Чечне постоянно такая хуйня была: приедут светлоликие из Москвы, уебут кого, а потом – лови ответочку...

– Медведю слабо сказать? – холодно поинтересовался Златогор.

– Да без проблем, – огрызнулся Скиф. Чип вмешался:

– Есть задача, Скиф. Они работают. Отсюда «Фасад» как на ладони плюс дорога до самого поворота. Сечешь?

– Все равно это уебанство.

– Тогда так. – Чип заметно напрягся. – Я парням место показал. Устраивает? Достало, что укропы как дома ходят, чуть ли не с флагом. Ты что, сюда жрать от пуза приехал? Спать уютно? Не нравится – возьми свой АГС и двигай на «мыс». Работай по правилам, которые сам придумал. – Скиф заметно скис. – Ну что, добро на работу выпрашивать? – Чип показал рацию. Вдруг шарахнуло так, что показалось – перекрытие не выдержит. Фонарь упал, свет воткнулся в стену. Из темноты кто-то прохрипел:

– Как бы не подошли...

– Дейл на «глазах», – успокоил Чип, но голос треснул.

– Слишком здорово хуярят. Не к добру.

– Медведь, походу, хорошо попал.

– Как затихнут, все по местам, – велел Чип.

– На «мыс» без досмотра нельзя, там укропы бродят, могут подминировать, – высказался Скиф невпопад. – И надо фланги прикрыть, чтобы ночью не вырезали...

Чип дотянулся до фонаря и осветил в его сторону. Скиф стоял в эвакуационном колодце: только каска над люком, часть круглого лица, жидкая окладистая борода, белые плечи в десантном тельнике.

– Хорошо, братец, – засмеялся Чип, – заведем туда взвод «тяжелых».

– Там блиндаж только для двоих.

– Да ну!

Серия из трех снарядов рухнула рядом. Скиф втянул голову в плечи.

– Медведь пропал, – сказал Чип вполголоса, Златогор мрачно кивнул. Скиф попробовал прокомментировать, но благоразумно проглотил слова на вдохе. Они молча слушали канонаду, ловили спинами вибрацию стены. Через целую вечность Дракон проворчал:

– Все это, конечно, хорошо, но проебать ведро борща... Как же я их всех ненавижу. Пидры чубатые.

Вороги ответили кучным залпом. Время остановилось, обволакивая участников сцены; шепот ни о чем, треск бетонной плиты и кирпичной кладки. Иногда оглохший Дейл кричал обстановку, раскладывая по матери генеалогическое дерево командиров «Фасада», союзную арту и Минские соглашения вместе с ОБСЕ. Вскользь поинтересовался судьбой борща и, получив обескураживающий ответ, обложил анализами достоинства брата-близнеца и его «свиту», что сейчас шкерится в мягкой плацкарте».

⁴³ 122-мм гаубица.

Неожиданно на лестнице, ведущей в подвал, раздался топот, и никто не успел толком напрячься, как в затхлое помещение вломился... Медведь. Чумазый, всклокоченные волосы, китель в разводах, но рука крепко сжимает ручку закопченного ведра.

– О-о, а что это вы здесь делаете? Смотрите, что у меня есть. – Он солнечно улыбался. А из простреленного ведра брызгал, тек, сочился борщ. Чип едва не расплакался.

– Братик, родной!

* * *

Ведро опустили в центр, заткнули дырки пальцами и ладонями. Застучали кружки, ложки, котелки – до чего дотянулись руки.

– Надо же, не остыл.

– Я сам чуть не остыл, – сказал Медведь. – Домик осыпался.

– Телескопу хана, – простонал Златогор.

– Завтра запчасти соберем, спишем, – отмахнулся Медведь. – Винтовку чуть не закопало – это да, еле вынес.

– Братик, ты красавчик, – сказал Скиф, хотел похлопать по плечу, но не смог. Одна рука зажимала осколочное отверстие на ведре – овальное, с указательный палец толщиной, – другая черпала борщ эмалированной кружкой.

– Красавчик, конкретно, – подтвердил Чип, загадочно посмотрев на Скифа, а потом – многозначительно – на остальных. В контрастном объеме подвала улыбки казались грубо вырезанными масками: адский театр – клыки, чавканье, утонувшие в глазницах зрачки. Вдруг рация зашипела, вмешался Дейл:

– Ало, мужчины! На «Фасаде» горе: Медведь большую шишку завалил. На чате соболезнования, пуканы горят. Валят на роту бурятских снайперов. Гы-гы.

– Да ладно! – охнул Чип.

– Полковник – герой Майдана. С ним двоих шестерок зацепило.

Известие вызвало ажиотаж, Медведя поздравили, прозвали бурятом. Скиф жевал молча, замкнувшись. Наконец капнул яду:

– А чему вы радуетесь?

– ?

– Полкашу нам не простят, – но кивнул на Медведя.

– Немо тоже равняют, братан.

– Дачи – в говно, на первой линии ни одного целого дома.

Кто-то протянул:

– Эх, были времена.

– Были. – Скиф с грустью обвел взглядом родные стены. Будто прощаясь. Но после вздоха согласился: – Круто, Медведик. В Войну за такое дали бы орден.

– Героя, – сказал Дракон.

– Героя – за борщ, – растаял Скиф. Люди засмеялись.

– Дейлу оставьте, – велел Чип. Ложки остановились, мгновение в светлом кругу повис упрек, но тут же сгинул.

Канонада затихала. Приходы сместились в сторону Обозного. Интервал увеличивался. Тяжелые стодвадцатки⁴⁴ редко ухали между пачками легкого восьмидесятого калибра. Парни тесно сгрудились, зажимая пальцами многочисленные отверстия на ведре, – ложки уже скребли дно, – и шумно ели. Фонарь светил в потолок словно костер, превращаясь в ритуальный круг, в котором ничто с тобой не может плохого приключиться...

⁴⁴ 120-мм мина.

Тихо. До звона в ушах. На фоне – треск лопающегося в огне шифера. Чип спросил в рацию:

– Дейл, все?

– Похоже.

Он встал первым и положил автомат на сгиб локтя.

– Ну что, буряты, пожрали? Погнали по местам.

Поцелуй на Счастье

Снег серый, с синим оттенком. За полем чернеет жидкая полоска деревьев: не лес – заградительная полоса. Ключья пересохшей полыни торчат тут и там резкими мазками. Разбросаны кляксы свежих воронок. Он поднял лицо, щеки и нос в колючих снежинках. Ноздри раздражает запах взрывчатки. Уши словно забиты ватой. Снег за воротом «горки», горят от мороза голые ладони. Сквозь ушные пробки отдаленно слышится хор слаженных хлопков.

– Выход! – Через секунды небо коротко перечеркивает змеиное шипение – сердце падает ниже уровня снега, – и три мины звонко лопаются за спиной, почти в начале поля, под насыпью шоссе. Банг, банг, банг... Не успело сердце всплыть, хлопки повторились, жарко, без коррекции.

– Выход! – И снова лицо падает в подтаявший снег. Зубы вот-вот треснут. Обоссался бы – было бы чем: ледяной пот сковал спину, пробившись сквозь толстый холст кителя. Банг, банг, банг... Запорошило промерзшей грязью вперемешку со снежно-ледяной взвесью. От волны смрада пироксилина пропало дыхание. Он сплюнул, схаркивая слизь. Тело требовало какого-то действия вразрез здравому смыслу. Он приподнялся, высматривая место для броска.

– Черт...

Док. Тело сложилось пополам, ноги подтянуты к животу. Правая рука неестественно вывернута. Лицо скрыто в снегу, торчит лишь сбившийся на затылок купол каски. Остов уазика начал чадить.

– В вилку берут! – Кто кричит, сквозь вату не понять. – Дрон над нами.

– Бля.

– К лесу, к лесу, братцы. Там блиндаж.

Новые хлопки выходов обрывают их и заставляют зарываться в снег. Банг. Банг. Банг. Он закусил губу, чувствуя, как язык наливается теплой кровью. Утонул в земле – теснее, глубже. Взвизгнули осколки. Он тут же взорвался как пружина, пополз сначала на коленях, загребая автоматом грязный снег. Наконец он сумел встать и, не дожидаясь никого, «помчался» как смог со скоростью улитки к лесу. Хриплый чужой голос выкрикнул:

– Ходу, братцы, ходу!

Без оглядки. Навстречу новым хлопкам.

– Выход!

– Двадцать один, двадцать два, двадцать три... – Лес качается совсем рядом, под стволами черные отвалы земли, перекрытия из снаряжных ящиков, наполненных мерзлым грунтом, белые мешки, иссеченные осколками. – Двадцать девять...

Он намеренно споткнулся, чтобы обняться с землей, замереть, глотая сердце и возгоревшись надеждой. Но все летел и летел, не достигая поверхности, а в голове кружится белый свет вместе с давно позабытой песней. Чичерина нежно провожает:

– Вниз по течению, вниз по течению – в небо...

Чакра в золотом

Картина грустная. Подвело русское авось: мина из «беззвучного» 60-миллиметрового миномета попала в крону над окопом, осыпая осколками расчет. Как результат, Верт сидит на краю ямы, зажимая ладонью глаз, рубиновая тропа массивно катится в капюшон «горки», оттуда – на левое плечо, застывая на ляжке разгрузочной системы. Автомат пылится в пяти шагах, рядом с опрокинутым АГС. Но Верт геройски лыбится, будто форсит перед самим собой; каска на затылке, лоб белый в контрасте с чумазой маской. На взрывы и каждого из гостей – Медведя, Златогора, Отлива и Триггера – он реагирует одинаково, втягивает голову в плечи. Верт между тем бубнит в глубину:

– Держись, братишка.

– С-сука, бля... – канючит Чага из окопа. – Сука, бля.

– Я сейчас... – Верт пробует прыгнуть, но кривится от боли и, завалившись на бок, роняет рацию. Будто с оказией он переключается на спасателей.

– Как же я, братишки, рад вас видеть...

Триггер и Медведь перенесли его к остову сгоревшего дома, уложили на землю между треснутых фундаментных блоков, с трудом разоблачили и начали осмотр.

– Глазу хана, – предупредил Верт.

– Покажи, – потребовал Триггер, извлекая из карманов ИПП.

– Идите в хер.

– Может, веко? – засомневался Медведь.

– Может, – скривился Верт, – но глаз – писец...

Жахнуло. Не сговариваясь, прильнули к земле.

– Хохлы петрушат Немо, – сказал Верт и вдруг встрепенулся: – Пацаны, там Чакра триста. Мокрый почти...

– Златогор! – зычно позвал Медведь.

– Здесь, – прозвучало глухо, как из могилы.

– Чакра как?

– Болеет, – откликнулся Златогор. – Бинты тащите, у меня кончаются.

Над ребрами стропил распух дымок последней смс⁴⁵. Вспышка, хлопок с раскатом – и стелется серое облако. В ответ часто загавкал АГС казаков. Потом прибавился скупой залп своих восьмидесяток.

– Вытаскивать его надо, прожарка начнется – не выскочим, – сказал Медведь, показывая на Верта.

– Я сам, – объявил тот.

– Не гони, циклоп. У тебя глаза нет.

– У меня запасной, – огрызнулся Верт. Воспользовавшись затишьем, он тяжело поднялся, закинул автомат за спину и заковылял по дороге. Извилистая выбеленная солнцем колея уходила резко в гору, огибая по касательной покореженную ЛЭП со спиральями рваных проводов, и ныряла за холм. Всего триста метров нехитрого, но открытого пространства.

Пока перевязывали Чакру, подошел Капитан, на самом деле отставной артиллерийский капитан, здоровенный детина возраста до сорока; по слухам, за его отставкой зияла мутная история. С ним – Серафим при пулемете и трофеях: фанерное туалетное сидение на шее и утюг в свободной руке – ржавый чугунный монстр. Серафим посочувствовал каличам и, отстранившись, присел на колченогий стул, чтобы рассматривать окрестные тылы. Нашпигованный

⁴⁵ Здесь – приход мины.

осколками Чакра кровоточил, как дуршлаг, стоило наложить бинты в одном месте, начинало струиться в другом. Теперь встал вопрос, как выносить.

– Носилки у кого? – Капитан осмотрел волонтеров. Не дождавшись ответа, съязвил: – Что, православные, плохая примета?

– Ну так... – Триггер повертел пятерней в воздухе

– Серафим? – переключился Капитан.

– А-а? – Пулеметчик оторвался от дачных развалин.

– Есть покрывало?

– Откуда? – Серафим пожал плечами, отчего унитазное сидение поднялось до ушей.

– Фима, сквозь него кто-то срал, – поморщился Медведь.

– Ну.

– Теперь там твоя голова, – объяснил Медведь, как будто всерьез ожидал ответа, и уставился на Серафима.

– Я его помыл.

– А-а.

– Есть у кого-то плед, одеяло? – Капитан раздражительно прервал перепалку, на дачах грохотало, затрещали пулеметные очереди. Рагули завели танк.

– Не. – Отлив развел руками. Того и гляди, сейчас вывернет карманы.

– Одеяло! – Капитан возмутился. – Фима, у тебя есть утюг. Есть говнолюк. Но ты же мог спиздить одеяло?

– Одеяло есть дома, а сидушки дома нет, – отрезал Серафим и отвернулся пилить глазами сектор; над разбитыми крышами поднялся серый гриб, мгновение – и хлопнул разрыв.

– Понесли уже, – поежился Медведь. Триггер вдруг вспомнил:

– Ба, космическое одеяло! – и достал из нагрудного кармана крохотный, со спичечный коробок сверток золотистого цвета. Чтобы упредить сарказм, он громко прочитал этикетку:

– «Можно использовать для переноски». – Он повертел ее в руках. – А кого и чего – хз.

Все оценили Чакру: вес чахлого героя едва стремился к мешку картошки. Капитан недоверчиво покачал головой, но делать нечего: кивнул – «давай». Треснули новые «приходы», стимул заострился, обрел критическую массу. Все засуетились, разобрали «улитки», оружие, упаковали тело АГС в рюкзак, забрали станину. Выдохнули разом:

– Раз!

Чакру кинули на блестящую пленку. Жеваная поверхность заиграла бликами – словно кадр из буржуйского фильма, где «альфы», «браво», модные бронжилеты и каски без «ушей». Медведь пошутил:

– Будто Чужого выносим. Он глядит прямо мне в душу...

– Погнали, славяне. – Капитан закусил травинку, мысленно выстраивая маршрут. К дороге примыкали дачные участки с заборами, сараями, клозетами. Ну а вокруг шумело; калибр арты разбухал. Частота росла. Градус повышался. Капитан вмешался в немые расчеты: – Если ломанемся по дороге, успеем.

– С-сука, – лаконично возразил Отлив, он тербил клапан подсумка, липучка трещала на разрыв, он ее закрывал, оглаживал, и опять – рвал. Каска натянута на глаза. – Может, обойдется? Отсидимся...

– Где, Шура, где? – Капитан обвел рукой слева направо, распростерши длань над укатанными руинами.

– Чакры у чакры потухнут, – вклинился Триггер.

– Шта? – обернулся Серафим.

– Зажмурится, говорю.

– Все, харе базарить. «Патрик»⁴⁶ с доком уже на месте... – Капитан постучал ногтем по дисплею рации.

– Братишки, помогите... – Чакра добавил остроты в дискуссии, проталкивая звуки сквозь посиневшие губы.

– Чакра, можно я твои очки заберу? – спросил Серафим

– Хорош звездить, вытаскиваем! – отрезал Капитан.

– ESS⁴⁷, с вентилятором...

– Медведь, Златогор, берем, – Капитан взялся за уголок одеяла и не удержался от комментария: – Нанотехнологии, бля...

– Чакра, ну нахуа тебе очки теперь? Ха. – Серафим подбадривал как мог.

– Выносите, братишки, – просипел раненый.

– Триггер, Отлив, – позвал Капитан.

– Готовы, – поддакнул Отлив, но настороженно добавил: – Вроде притихли.

– Свежо предание, – сказал Медведь.

– Раз, два... Пошли!

Пробежали с десяток метров, прежде чем ткань поползла, истончаясь до прозрачности, и в конце концов эпично треснула; Чакра кульком повалился на землю, Златогор с Медведем по инерции двигались с кусками золотого одеяла, в то время как Отлив и Капитан, чертыхаясь, пытались сохранить равновесие.

– Хватаем руки-ноги, – не растерялся Капитан. – Шура – ноги. – Он повертел головой. – Вертолет! Верт, бля!

– Со мной все хорошо, – откликнулся он из густых кустов, выше по дороге.

– Пошли!

Они вцепились в Чакру, боец повис на вытянутых руках и ногах, каждый шаг цеплял коствявой жопой за ухабы и рьяно блажил.

– Протекает... ситечко, – задохнулся Златогор.

– Жалко, – выдохнул Медведь, – Ну что же он так орет.

Чакра орал страшно, наспех перемотанное тело сочилось, бинты, наложенные поверх формы, густо пропитались кровью, всклокоченная черная борода и лицо серые, высохшие до состояния мореного ствола.

– Ходу, ходу!..

Вжжжждинь. Кто-то надорвал голос:

– Снайпер-р! – Крик улетел в фальцет.

Побежали кадры черно-белого кино: от бетонного столба разлетается белое облако, обнажая арматуру, а Златогор отпускает руку раненого, в последний момент придержав его голову, прежде чем уронить в рыхлую пыль. Они как тараканы брызнули в разные стороны. Две пули завизжали выше пригорка, третья срикошетила от камня и фиолетовой звездой ушла в зенит. С той стороны догнали молотки выстрелов. Златогор осмотрелся. Чакра лежал в колее, в пяти метрах – один. Триггер – в канаве через дорогу, но, в отличие от всех, продолжает держать товарища за штанину. Макушка его каски едва виднеется из-за земляной кучи. Чакра уже не орет, но стонет. С бороды тянется кровавая слюна.

– Братики, братики...

Опять серия из трех пуль с огромным разбросом бьет дорогу. Азарт артобстрела нарастает. Через бесконечные минуты Медведь не выдержал:

– Да какой нафиг снайпер!

⁴⁶ «УАЗ Патриот».

⁴⁷ Марка буржуйских противоосколочных очков.

Он ринулся к Чакре, присев у него в изголовье, огляделся, будто приглашая. Златогор нехотя привстал, Триггер показал лицо, глаза круглые, блестя в тени под каской. А Отлив в это время по-пластунски уходил за горизонт, руки и ноги слаженно двигаются. Он, обсыпанный пылью словно мукой, смешно тарашил глаза, сбита набок каска придавала ему вид мамкиного призывника. Забитый магазинами нагрудник не позволял прижаться к земле, поэтому Шура боролся с дилеммой, что подставлять осколкам – жопу или голову. Так, перебирая варианты, он покидал однополчан. Бам, бам, бам – прибавил остроты «Фасад». Следующая тройка ударила правее, сочно, с рикошетом. Бам, бам, бам...

– Наверное, снайпера обходит, – хихикнул Триггер.

Медведь схватил Чакру за воротник и потащил, Чакра захрипел; лицо, передавленное воротником, начало синеть. Подключились остальные, способ поменяли; ладилась и так, и эдак, блистая теоретическими навыками переноски раненого. Дело шло плохо, неуклюже. Залп «Василька» прервал дискуссию. Уже из канавы Златогор крикнул:

– Наугад кладут, пидарасы.

– Метко что-то – наугад, – мрачно возразил Триггер.

– Братики, выручайте, – напомнил Чакра. И так жалобно, что охолодило, и грустно стало, вдруг расхотелось быть смелым, гордым и отважным. Капитан выдохнул сквозь зубы:

– Пошли...

Они опять выиграли у дороги десять метров и... обняли землю.

– Верт! – закричал Медведь, сплевывая песок.

– Я живой, – откликнулся тот.

– Как глаз?

– Нету.

– Держись, братка, – посочувствовал Медведь.

– С днем рождения меня... – Верт показал на перевязанный глаз.

– Хм. – Триггер вытер ладонью потный лоб и предостерег: – Ты теперь ногу береги.

Чакра влился в перебранку:

– Братики...

Новые метры – и снова они лежат. Несколько рывков приблизили их совсем немного. А Чакра имел жалкий вид и ужасный звук. Капитан с тоской оглянулся на Счастье: крыши пятиэтажек, асфальтовый прочерк в зеленке, крыша ТЭЦ и дымовая труба, оседланная наблюдателями; спину жгут взгляды корректировщика – воображение вкупе с паранойей разыгралось не на шутку. Покажи им спину, и, брызгая свидомым ядом, полетят скупые команды и зашипят над головами стодвадцатки⁴⁸.

– Верт, дуй через дачи, – приказал Капитан.

– Не, я с вами, – шикнул Верт. – Только помогите, у меня, кажись, осколок. – Он показал правую ногу.

Молча, без комментариев, его перевязали.

– Не грусти, ногу точно отпилят, будешь детей на утренниках веселить, попугая я тебе подарю, – обрадовал Триггер.

– Идем? – Златогор осторожно вытянул шею, будто заглядывая за угол.

– Ждем... – начал Медведь. Их оглушил новый залп.

– Чакра крикнет, – напомнил Триггер. Голос бубнил, как сквозь вату.

– Ждем? – Следующий залп «Василька» разнес сарай. Взвизгнули осколки, на головы посыпались доски вперемешку с комьями земли.

– Привязались, йоп, – отозвался Верт. Капитан отстраненно осматривался, в диалоге не участвовал, но по-чапаевски расставлял в голове картошки, и, как ни крутись на поле боя,

⁴⁸ 120-мм мина.

по всему выходило, что кому-то наступает однозначная хана. Внимание прыгало по галдящей пехоте, пулеметчику с унитазной крышкой, на пятки Отлива, что маячили недалеко от края леса. Однажды по месту ударил кучный минометный залп. А сердце екнуло, но нет – Отлив полз, не снижая темпа. Взгляд вернулся на лицо Чакры. На бравурного Верта. На Златогора, продолжавшего зачем-то сжимать в левой руке метровый отрывок золотого одеяла. На Медведя, обнявшего СВД, пыль окрасила их в одинаковую седину. Время капало, ничего не происходило, кроме того, что Чакра затих. И тогда Капитан громко сказал:

– Э-эх, зае... – взрыв – ...ло.

– Что? – Медведь поднял на него глаза, но промахнулся.

Капитан вышел из канавы, мгновение – завис над Чакрой, а потом взял его на «мельницу». Чакра закричал, однако Капитан хладнокровно подкинул его на плечах, побрел вверх по дороге. Сюрреализм, сошедший с военного полотна.

– Да ну, – не поверил Триггер.

«Фасад» сошел с ума, тяжелые БЗТ взбивали остатки асфальта, оставляли глубокие воронки в кирпичных стенах домиков; ветка древней сливы вздрогнула и с треском ухнула на землю, цепляясь за материнское тело листьями, сучьями. Капитан даже не ускорился.

– Пули от него отскакивают, – восхитился Триггер.

– Кули, – поправил Верт.

– Что? – не расслышал Триггер.

– У хохлов кули... и кулиметы, – объяснил Верт.

– Да ты что, – притворился Триггер, – а как настоящие... Выход!..

Треснул разрыв. Второй, третий... Медведь начал подниматься, оглянулся на товарищей:

– Пошли, что ли?

Хохлы опомнились, КПВ озверел, залаял, осыпая окрестности малиновыми трассами. Капитан заметно устал, шаг уверенный, твердый, иногда сбивается на частый перебор, и тогда создается впечатление, что пропади она, эта уверенность, все пули, до этого как бы ослепшие, кучно лягут в цель. И разлетится Капитан на множество кусочков, занавешивая своими фрагментами заборы, фасады и старые, в узловатых ветвях сливы. Но Капитан громоздится глыбой среди фонтанов от близких попаданий; мерный шаг, казалось, вращает под себя глобус много-страдальной Украины, каждым движением сливая с унылого радиуса свидомую зраду.

Интервью

Черный крест: глянцевая эмаль, звезда в центре, скрещенные мечи, личный номер. На золотистом реверсе – цифры 801 и 2016. Траурная лента, украшавшая подвеску, зажата между пальцев. Он раздумывал, опустить медаль в стакан или просто намахнуть за собственное героическое здравие. Крест качается в такт движению поезда, крутится влево-вправо, резкие грани касаются стекла и высекают глухой неблагозвучный звон. Мужчина наконец решается. Медаль падает на дно, утробно булькнув. Он вздыхает, взгляд неодушевленно пырит зеркало напротив – бесконечный коридор переотражений, губы еле заметно двигаются – слова не слышны, но в голове мужчины громко отдаются имена: Бертолет, Алтай, Тень, Варяг, Замок, Чуп, Ванька Царь, Никулин... Выдох – и треть стакана восемнадцатилетнего Cardhu опрокинута единым махом. Медаль коснулась зубов, чтобы затем скатиться по стенке. Он налил еще. Дорога долгая. В приоткрытую дверь СВ заглянула проводница. Походя поинтересовалась, все ли у него хорошо. Куда уж лучше?

– Поможете? – Он кивнул на бутылку.

– Нет. Я на работе.

– Хм, – сказал мужчина и опять встретился взглядом с отражением в зеркальном психоделическом коридоре. Он некрасив, немолод. Высушенное лицо, четырехслойный загар, глубокая складка рубит щеку от подбородка до скулы, продолжая воображаемую линию сквозь глазную впадину, пересекает висок. Ровно обрастающие волосы напоминают, что месяц назад он был абсолютно лыс, глаза бледно-голубые, почти серые. Но самое ужасное – нет двух резцов между клыками. Щетина на подбородке. Одет в футболку, только из магазина – видны следы фабричной укладки, – цвета хаки с самоуверенной надписью NO FEAR, тактические брюки, кроссовки. Жилистые обезвоженные руки избиты специфическим тату: изобилие атрибутики смерти, оружия. Бросается в глаза монохромная композиция: бойцы, уходящие по предплечью к симпатичной Санта Муэрте на плече. На Деву красок не пожалели. Правая рука подняла стакан – в зеркале отразилась перевернутая надпись *Morituri nolumus mori*⁴⁹ вдоль внутренней стороны предплечья и омега – оттиск на остывающей лаве.

– Будь здоров, старикашка.

Час одиночного пьянства прошел незаметно, в голову периодически заползали корявые мысли пожалеть себя и всплакнуть, но ничего не трогало. Так и сидел, выдавливая грусть. Оставалось завидовать сопливым призывникам и седым майорам, тронутым синдромами различных психических расстройств. Пел бы несусветное говно про оторванные ноги и неверных баб под расстроенную гитару и голос дрожащий, надорванный. Бы.

– Тьфу, блядь! – не удержался мужчина, в стакане маслянисто заиграл вискарь. Монотонно стучат колеса, темнота за окном вкрадчиво вглядывается в салон через откинутый угол штор, нет-нет, а подмигнет далеким огоньком, а то и выстрелит пунктиром белых светляков – неизвестное человеческое поселение. Убегают вырезанные из черного бархата деревья, приложенные к фону ночи. Из коридора льется полоска света, с пьяных глаз – густая. Время от времени кто-то проходит, затеняя поток. Рядом вагон-ресторан. Возвращаются компании, веселые, возбужденные, шатаются в такт движению поезда от стенки к стенке. Мужчина отворачивается, однако, уставившись в окно, видит в отражении взгляды: безразличные и любопытные, пустые и искрометные – разные. Затем опять красная дорожка коридора, перестук колес, бульканье виски, цоканье медали о зубы. Он смачно ожидает, когда опьянение займет его, нагреет пустоту, заставит чувствовать. Но ничего, кроме тумана, былой кураж зарыт глубоко, куда, возможно, он не сможет добраться никогда. Домой, живой. Страшно представить,

⁴⁹ Идущие на смерть умирать не собираются.

в отпуск. Ха. Неделя за месяц, получалось – двадцать один день. Он знал по опыту, через две недели потянет назад, а за неделю до – накроет такая тоска, будто уезжаешь навсегда, скребущее чувство потери рвет на противоречия – сплошная шизофрения. Но ничего нет лучше дороги домой. Он взболтнул бутылку, оставалось больше половины. Налил. Медальная лента возвышалась над поверхностью словно могильный памятник. Он поднял стакан на уровень глаз, рассматривая, как свет из коридора пробивается через янтарную массу. Крест на дне, бликует золотистыми гранями. Серебряное шитье черной ленты ломается о границу воздуха и виски. Вдруг вспомнился увиденный перед самой отправкой домой репортаж военкоров:

– ...освобождена при содействии ВКС России силами армии Асада, «охотников за ИГИЛ⁵⁰», и сирийских добровольцев.

Он громко загоготал, запрокинув лицо, не стесняясь проходящих в это время пассажиров: девушки и двух парней. Они странно на него посмотрели, цепляясь глазами за содержимое стакана и этикетку на бутылке. Брови их слаженно приподнялись. Мужчина привычно отвернулся и наконец-то запел:

– Здравствуй, мама! Возвратился я не весь. Вот нога моя, на гвоздь ее повесь...

Он не заметил, что рыхлый мужчина – один из проходивших – что-то возбужденно шепчет девице. Просто дождался, когда их тень освободит свет, а затем, хлопнув стакан одним махом, аккуратно поставил его в центр стола.

– Вот так...

* * *

Он смотрел на бутылку. Поезд стоял на какой-то станции, уличные фонари ярко освещали его конуру. Хмель отступил, мужчина решился – рука потянулась за бутылкой и охватила горлышко. В дверь постучали.

– Чай буду, постель есть, чувствую себя хорошо, да – доволен... – заявил он. Опять постучали, аккуратно, будто боясь разбудить. Дверь без разрешения приоткрылась, и приятный женский голос вкрадчиво произнес:

– Не спите?

Он смотрел на тонкий подкрашенный рот, продолговатое лицо, которое, принимая во внимание количество выпитого, можно назвать прекрасным. Прищуренные подслеповатые глаза. Короткие, по плечи, волосы.

– Хм. – Мужчина дежурно приосанился и с нажимом сострил: – Распустились?

– Что? – Она будто натолкнулась на стену, но, поймав его веселый взгляд где-то на прическе, огладила волосы. – А, вы про это. Не думала, что вы нас увидели.

– Знаете, миссис Хадсон, на кончиках ушей имеются такие особые тепловые точки, – объяснил он. Однако барышня тест на возраст не прошла, а лишь рассеянно захлопала ресницами.

– Я не Хадсон... – Она представилась: – Ира.

– Ну и я – не Холмс. – Мужчина наконец налил. – Знаете, я увидел вас в кофейник.

– Кофейник? – Она охватила взглядом стол. Мужчина взял стакан, спросил, удерживая на уровне лица, почти перед самыми губами, отчего следующая фраза прозвучала словно в рупор:

– Забейте, Ира!

Он всосал виски, не сводя с нее глаз. Стакан опять оказался на столе, брякнула медаль. Он спросил:

⁵⁰ ИГИЛ – запрещённая в РФ террористическая организация. «Охотники на ИГИЛ» – сирийская добровольческая организация собранная из сирийцев-кровников, пострадавших от террористов.

– Поможешь? Если не боишься.

– Чем?

– Я не красавец. Ты либо шмара, либо – не прочь бухнуть. Тугое советское воспитание, кино про черепаху и Дениску Кораблева. Компренде? Бухаем?

– Без закуски?

– Отчего, – обиделся мужчина. – Я, как любой пьяный кавалер, надеялся на компанию, ты не шмара – пери и мисс неожиданность.

– Хорошо не детская. – Она присела на полку напротив, облокотившись на гигантский рейдовый рюкзак. – За «не шмару» спасибо.

– Значит, бухнуть? – Мужчина выпрямил спину и подтолкнул свой стакан. – С моего глотнете?

– Да. Двусмысленный вы кавалер. – Она пристально изучила медаль. Затем, не отрывая от него глаз, потянула виски. Черный крест показался на поверхности. Она спросила: – Можно?

Мужчина кивнул. Девушка двумя пальчиками подхватила медаль за траурную ленту, пока крест не оказался перед ее глазами, блестит эмаль. Поезд качнулся, ударила сцепка, и перрон с людьми, пирожками и кукурузой поплыл назад. Она неуловимым движением стряхнула с награды остатки виски, рассматривая реверс. Мужчина терпеливо ждет. Она огорошила:

– Окопный крест, «спасибо, что живой». Высота восемьсот один, год две тысячи шестнадцатый. Вы «музыкант»⁵¹.

Прозвучало с артистической мимикой сочувствия, участия под легким соусом превосходства. Мужчина мгновенно покрылся непроницаемой коркой. Выразительно замолчал. Девушка опустила медаль в стакан.

– Для кого-то она не больше чем значок. Правда?

Он криво улыбнулся.

– Но вы их никогда не наденете, потому что за каждую цифру на обороте вам придется врать. Впрочем, за номер под звездой тоже. Я права?

– Почему же? – Он пожал плечами. Поезд разогнался, люди по коридору шастать прекратили, проводница устало прошла по ковровой дорожке, мягко. Как кошка. Пустым дежурным взглядом оценила обстановку: бутылка, мужчина, женщина – ведут себя прилично, даже сидят напротив. И ушла, невзначай задев дверь, полоса света схлопнулась, отчего стало темно. Они никак не отреагировали. Глупо усердно молчали. Неловкая дистанция в нескладных отношениях, будто он сейчас обязан кинуться на нее, срывая футболку с еле оформившихся сисек. Она, насколько он мог видеть, ответно буравила его глазами, сцепив пальцы на сомкнутых коленях.

– Да-а, – хмыкнул он.

– В смысле?

– Дурацкий вопрос. Рассуждения о смыслах, когда никто не хочет услышать прямого ответа.

– ?

– Если бы при каждом вопросе «в смысле» звучал откровенный ответ, то, поверь мне, Ира, жизнь повернулась бы иначе. Не пришлось бы придумывать ответы в рамках собственного мировоззрения, а оно не всегда верно для собеседника. У каждого свой опыт. Равно как оценивать события, ориентируясь на тупые сериалы.

– Ого, – подчеркнуто удивилась она.

– Кто какие книжки читал.

– Мы те, каких богов мы выбираем?

⁵¹ Оператор группы Вагнера.

– Ого, – пришла его очередь удивляться. Он взглянул на нее по-новому. – Вергилий. Точно не шмара.

– Ха. – Она показала большой палец.

– Ну. Тогда к вопросу о смыслах – ответ. Я предполагал завалить тебя, пока пьяненькая.

– А поговорить? – Она щелкнула тумблером, загорелся ночник. Мужчина оценил потерю стоически. Без вдоха.

– Можно и поговорить. – Он извлек крест из стакана и, положив его рядом с окном, налил виски. – Пей. Поговорим.

* * *

Мужчина разбудил проводницу и под суровый, но молчаливый укор получил стакан, две шоколадки и апельсин. В конце коридора за дверью тамбура маячила харя рыхлого товарища Ирины. Мужчина хмыкнул, а толкнув плечом дверь купе, оповестил гостью:

– Там этот дежурит... Который тебя под меня подложил.

– Валера? – вспыхнула она. Он положил добычу на стол.

– Сексуальные способы ведения допроса. Понимаю. Спасибо, что не сам пришел. Я склонен зарядить ему в рыло. Вот он шалава. А ты, Ирка – мужик!

– Ну спасибо.

– Забраться в логово к озлобленной твари – огонь.

– Несложно и неопасно. Ты жалкий и одинокий. Тебе хочется раскрыться, кому-то чужому, кого никогда больше не увидишь. А чужая некрасивая баба – самое то.

– Нормальная, – возразил он. Она не поверила:

– Вискарь хороший.

– Вискарь хороший, – согласился он, очищая ножом апельсин. Они сели друг напротив друга. Мужчина разлил обоим, они взяли стаканы, чокнулись. – За наше прекрасное знакомство.

– За возвращение, – возразила она. Мужчина лишь посмотрел исподлобья и осушил до дна, не морщась. Час прошел в разговорах на нейтральные темы. Ирина искусно избегала острых углов, не давая мужчине, подобно премудрому пескарю, сорваться с крючка. Он пошлил, язвительно колол и не заметил, как они начали скатываться на неудобную тему.

– Вы выделяетесь. Специфическая одежда, татуировки. Вызывающее поведение асоциалов. Все направлено на то, чтобы подчеркнуть, что вы не армия.

– Мы? – притворился он и потребовал: – Обоснуй.

– Вы, – как ни в чем не бывало парировала она. – А на деле – лезете из кожи вон, чтобы сказать о своей необычности. Болезненная потребность признания, кого признать не имеет ни общество, ни уголовный кодекс. Наверное, это правильно. Вот ты мог набухаться в одиночестве, с закрытыми дверями. К чему этот пиетет со стаканом и медалью? Страдания на публику.

– А по роже?

– Я же не шмара.

– Тогда по лицу, – согласился он.

– Так кто ты?

– Русский солдат по убеждению. Доброволец – по профессии.

– Наемник, – уточнила она.

– Пускай, – кивнул он. – Если в определениях, офицер Российской армии тоже наемник. Работает за деньги, профессионал. Получает в песках побольше моего. Ему тоже похер, кого убивать – лишь бы заплатили? Ты рассуждаешь о вещах, в которых не рубишь ни болта.

– Например?

– Гы, мы перешли на прозу. Тошнит.

- Как тебя зовут? Сколько вам платят?
- А вот хер! – оскалился мужчина. – Сумма не имеет значения при выборе стороны, остальное – власовщина. Ты мне дашь?
- Нет.
- Заплатишь?
- Можно рассмотреть.
- А кто будет рассматривать, паук Валера? Ха. – Он загадочно улыбнулся. – А если я тебе полный расклад: пароли, явки, имена – дашь?
- Она закусил губу и невидимо отстранилась, будто спрыгнет и побежит.
- Нет.
- Он похлопал ее по колену.
- Вот тебе, мать, и ответ. Если не шмара, все по любви. Или по пьяни. А я Родину люблю.
- Лютый подход, – восхитилась она. – Но если случится непонятное, вас бросят. Откажутся. А то и посадят. Уголовку за наемничество никто не отменял.
- А ты говоришь «представься», – засмеялся он.
- Это другое, мне надо как-то тебя называть.
- Зови «любимый».
- Мы ведь бухаем вместе, – огорчилась она. – Это предполагает доверие.
- Бухающая женщина предполагает как минимум минет.
- Минимум? – Она посмотрела на него через стакан.
- Ну, про изысканные формы я молчу. – Он покачал головой и все же пожалел: – Хорошо, как собутыльнику – Андрей.
- Врешь?
- А как же.
- Андрей, ты не боишься?
- Тюрьмы?
- Нет, что вас однажды разменяют.
- Скорее кокнут.
- Ты так просто об этом говоришь, – наклонила голову она.
- Смерть штука незамысловатая.
- Поясни.
- Что тут пояснять? – удивился он. – С рождения жизнь – дорога к смерти. Стоит это осознать, все остальное уже не имеет значения. Этакое бытие в загоне аттракциона: ступеньки, горки, подвесные мостики, батуты, вредные обсосанные дети, избалованные снобы и тютя – клейма ставить некуда. Мотивация каждого различна, пристрастия тоже, но рамки границы общие. А за сеткой – родители. Кто-то смотрит на тебя глазами восхищенными, радуется каждой твоей затее, хоть перни – молодец. Другие тарашатся со стеснением, посматривая на реакции других родителей, но третьи – подчеркнута повернуты спиной. Эти – мои.
- Бог? – догадалась она. – Безразличие?
- Не-е, мое время в загоне, какое ни есть, проплачено, – протянул он, погрозив пальцем. – И Он мне доверяет.
- Чокнулись, выпили. Девушка, вопреки ожиданиям, не косела, но упорно держалась плана. Вопросы за жизнь незаметно мешались с провокационными: вербовка, полигон, потери, цели, вооружение. Кто ставит задачи. Мужчина посмеивался и знай себе подливал и отшучивался. Она цеплялась к неосторожным словам, раскручивая проволоку – цитата за цитатой. Он сопротивлялся как мог. Однако обаяние, голая коленка в разрыве джинсов и синька сделали свое дело. Он потек.
- ...пятьсот активных штыков за три месяца сделали больше, чем армия Асада за пять лет. Мы вошли в город, где потом этот оркестр пафосно играл. Впечатления? Руины, блядь.

И колонны мародеров до горизонта. Тащили все: матрасы, окна, провода из стен – до чего руки дотягиваются. Такое ощущение, что пришла армия завоевателей. И мате. Кругом чайники, рюмки и герои Тадмора... «Садык, садык!» – смешно передразнил он. – Тьфу, блядь. Я честно в ахуе. Страшно представить, какая старина, заборы видели легионеров. И тут эти: наследники Саль ад-Дина... Ты в курсе, что он из местных, наемник в трех поколениях? Глядя на эти чудеса, верится с трудом. – Он задумался, чтобы затем поправиться: – Не, есть мужики достойные. Встречались. ...А потом прибыли наши красавцы. В пафосно-зеленом, без следов пыли и загара.

– Наши – в смысле... – Она похлопала себя по воображаемому погону.

– Ага. – Он хмыкнул. – Но только пламенный привет «хуй войне» написали мы. У нас был свой Рейхстаг. А им остаются только красивые фоточки. – Он призадумался, грустно произнес: – Вчера читал, что героями ракетного крейсера, который лупил калибрами с тысячи миль, дают боевые награды и ветеранские корки. Справедливо? Поверь, голуба, за следующий поход, чтобы вписали в экипаж, штабные попросят мзду. Война из грязной работы превращается в приключение. Нечестное. Сдобренное медальками и скидками ЖКХ.

– А вы?

– Мы? – Он выдержал паузу, сверля ее глазами.

– Ты, – уточнила она.

– Я, мать, пехота. Прошел пешком от сих до сих. – Он прочертил пальцем линию через весь стол. – Пехота, которой нет. Забанные ослы: ножками, ножками – километр за километром, высота за высотой. Захотелось пустить пыль в глаза, стих в тему. – Он начал декламировать, четко выговаривая каждое слово, кулак отбивает такт, звенит стакан в подстаканнике, подпрыгивают ложки, пустая бутылка из-под колы упала и закатилась под ноги:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня...

Он прервался и заметил скороговоркой:

– Там дальше лирика для салонных дам и роялей, но концовка – от потных бруталов.

...И так сладко рядить Победу,
Словно девушку в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

– Старик Гумилев все тонко подметил, – после небольшой паузы подчеркнул он.

– Не знала.

– Здесь все прекрасно, можно больше ни о чем не говорить, мужское начало, что заставляет братья за оружие. В резонансе с пассионарностью.

– А деньги? – съязвила она.

– Да кому же они помешали? – Он ничуть не смутился. – Если в мире всеобщей толерантности есть место воинам, и это место оплачивается.

– Но есть же армия?

– Армия. – Он прищурился. – Не хотелось бы никого обидеть, но... Лучше расскажу пару историй для примера. Первая: поставили задачу взять нефтяное поле. Народу до этого повыбивало, что пиздец. Есть задача, есть сроки. Командир отряда ставит всех, включая свой штаб и «поварешек», под ружье и ведет эскадрон в последний бой.

– Последний? – охнула она. – Ужас какой. Зачем?!

– Не ссы, это я для красного словца, по аналогии с гражданской. Все кончилось успешно. Дело не в этом. В армии я такое не представляю. Отряды у нас больше похожи на варяжскую гопку, где для командира первично мужество и фарт. Отряд живет и умирает вместе. Понятно, что потом, с развитием инфраструктуры, это пройдет. Отряды наполняют неадекватным мясом, в штабах и ротах сядут армейские сбитые летчики, но... Но тогда меня там не будет. А пока – это сообщество единомышленников, взгляды на жизнь и смерть сходятся. Так понятно?

– Более-менее.

– Мир не стремится к совершенству, эволюция идет круглым путем – через деградацию. Положительные решения всегда исключение, алмаз в говне. Поэтому в армию не хочу. Там командира, как родителей – не выбирают. И туда идут за благами – не воевать. Сначала за них жены с плакатиками бродят: «Не губите мужей». А потом в очередь встают, чтобы в канцелярию занести. За медалями и ветеранскими. После того как мы кишками своими горы изукрашим. У меня есть знакомый майор, про которого подчиненные с придыханием говорят: он был в Чечне. Вот в этом-то и главный вопрос: был или участвовал. Он на блокпосту провел две командировки, не имеет ни одного боестолкновения, зато – орден и пафос во весь рот. В такую армию? Или где зажавшийся самодур, который солдатиков только и гонял, что с ломом плац подметать, а потом, обделавшись, затыкает ими каждую дыру, лишь бы чего не вышло. Ему насрать, и мамкам в глаза не смотреть. Спасибо – этого объевшись. Стратеги, блядь.

– Нельзя ведь под одну гребенку.

– Конечно нет. Парней приличных море. Их время только на войне, но за каждым – по шакалу, только и ждут, когда бы урвать славы кусок, где героя отодвинуть. Селекция здесь не работает. А у нас: есть задача, есть за нее цена – и Родина вас не забудет. И ни одна блядь мне после контракта не указ. Наливаю? – Он потряс бутылку. Она кивнула. Он, сверившись с ее текущим состоянием, начислил не больше сантиметра. – Будем!

– То есть ты хочешь сказать, что эта страна оплачивает ваши услуги? – подсекла она, нажевывая ломтик лимона.

– Тьфу, мать, – выругался он. – Страна не «эта», а наша – это раз. А два – страна мне ничего не платит. У меня нет расчетной книжки, и Путин доллары мне в руки не совал.

– А кто тогда? – Она хитро прищурилась.

– Конь в пальто. Какие-то незнакомые мужики. Одно знаю, что моя работа полезна моей стране.

– А не тебе?

– И мне, – покорно согласился он. – Но прежде всего я русский солдат.

– Пафосно.

– Я думаю, что смех над высокой речью – это способ довести миропонимание масс до жидкости чавкающего быдла. Так унижают воинов – в дальней перспективе. Лучше пафосно: слова – к поступкам.

– И ты уверен в пользе?

– Я отвечаю за себя – да. И пофиг, как все обстоит на самом деле, главное – какое мое намерение, это определяет, кто я по жизни.

– Удобно. Но мне кажется, это цинизм. Вы ненормальные асоциалы, нашедшие выход в удобное время, в удобном месте. Это мерзко: убивать. Вам даже неинтересно, что стоит за словами политиков, которые используют вас как инструмент. А вдруг вы ошибаетесь и за этим убеждением нет ничего, кроме властных меркантильных интересов? Убийство ради нефти, гонораров и, извини, яхт и блядей.

– Если у вас после этого не появляются яхты и бляди, – парировал он с усмешкой.

– Ой ли!

– Ну, ладно – только бляди. – Он вдруг посмотрел на нее пронзительно и серьезно. – А кто знает, что за чем стоит? Как принимаются решения? Кто мне это объяснит, ты? Или твой петух Валера? Ты сейчас меня слушаешь, покиваешь, поиграешь в дуру, а потом напишешь лютую дичь про кровавых наймитов режима. Вот только возражать не надо! Ты отвечаешь за благую мотивацию тех, кто вас танцует, какие цели у него? Вот только не надо про правду для пипла. В чем разница? Они ловят меня на деньги и имперский дух, а ты – на свой пельмень. Имперский дух дороже, а деньги все мои. А пизда в дуплете с деньгами – фу, Ира, мне это будет грустно вспоминать. Записывай, записывай!

Она резко переключилась:

– Ты убивал?

– Как неожиданно. – Он тихо рассмеялся. – Обычно в этом месте Дудь спрашивает: «Ты дрочишь?»

– И?

– Какой скупой набор: дрочишь, убивал – нет, целовался с мужчиной. Тьфу.

– Убивал?

– Убивал. Нет – не чувствовал, нет – не жалею, нет – во сне не приходят. А теперь откровенность за откровенность.

– Идет, – осторожно согласилась она.

– Ты симпатичная...

– И на том спасибо.

Он прервал ее движением, будто зиганул. И вдруг оглушил неожиданным вопросом:

– Аборт делала?

Она было спрятала глаза, но затем с вызовом процедила:

– Ну. Даже если так.

– Тоже убийство, есть разница?

– Я так не думаю.

– Тебе так удобно. Ты выскребла пилотку от детеныша, облегчая себе жизнь, избегая ответственности. Жалеешь себя и пинаешь каждого, кто скажет обратное. Потому что однажды ты поверишь, что они правы. И станешь противна сама себе – отличный повод увидеть кровавых мальчиков...

– Закрой рот! – Она швырнула в него стакан, граненое стекло ударило в лоб, в районе виска. Мужчина откинул голову, между пальцев потекла струйка крови, но как ни в чем не бывало он продолжил:

– Хотела интервью – ешь. Конечно, удобнее видеть ужратого дуболома, только у меня, голуба, мнение есть про все – давно живу. Убивал? Конечно. Только я для этого преодолевал по лысому горному склону два километра, загибая фланг. Под огнем, блядь. С азартом. Чтобы абортировать утырка с той стороны. – Дорожка крови дошла до подбородка, капля массивно набухла и наконец упала на футболку. Заструилось. – Деревень не жег, котят не обижал.

Женщина смотрела на расплывающуюся кляксу.

– Кровь, – сказала она.

– Ага. Ты думала, оттуда вода пойдет? – Он не спеша снял со стены вафельное полотенце, сложил вчетверо одной рукой и приложил к ране.

– Я не думала, – ответила она рассеяно, пальцы произвольно тискают смартфон. Мужчина заметил – диктофон работает. Она проследила за его взглядом и спрятала руки под стол.

– А ты говоришь – «дрочите», – усмехнулся он. Нашупав стакан на подушке, очистил его о наволочку. Налил. – Будешь?

Она отрицательно замотала головой.

– Нет. Может, перевязать?

– Нет. Пусть будет. Как Щорс.

– Кто?

– О боже! – Он закатил глаза. И вдруг возбужденно предложил: – Что меня на самом деле на войне поразило! Я когда увидел, чуть не заплакал. Обещай, что расскажешь про это. Это должны знать все.

– Ну... – Она подалась вперед.

– Ирок, ты не нукай. Это реально бомба, это всегда будет жить со мной. Это лучше кровавых мальчиков.

Она бесстрастно проглотила пошлость, телефон оказался между ними – среди одноразовых тарелок с закуской и почти убитым вискарем. Мужчина наклонился, в руке его оказалась пустая пластиковая бутылка. Он отнял полотенце от головы, чтобы взять бутылку двумя руками, из обнажившейся раны – глубокого рассечения – густо потекло. Но он не обратил внимания ни на кровь, ни на полуобморочное состояние собеседницы. Даже бледные глаза Валеры, что заглядывал в купе через щель, не вызвали реакции. Мужчина ослабил крышку бутылки, а затем начал ее беспощадно сжимать, выпуская воздух. Заляпанные кровью руки оставляют размазанные отпечатки. В стенах СВ звучит резкий и противный треск ломающейся пластмассы. Мгновение – и двухлитровая емкость превратилась в крохотный, блестящий гра-нями комок. Мужчина затыкнул пробку, чтобы не пустить воздух обратно.

– Смотри! Разве не чудо! Наперекор законам пространства-времени. Эйнштейн бы оценил. Это же волшебство, Ирок...

Она молчала, закусив губу. Он положил рукоделие рядом с медалью, свободная рука взяла стакан, в мрачной задумчивости мужчина поднес его к губам, они прошептали темному окну беззвучное послание. Ладонь накрыла медаль.

– Свободны все, – расслышала она. Мужчина потерял к ней интерес, но прежде осушил стакан, пожирая глазами ночь.

Glock и Кречет

Это был долговязый мужчина, спрятавшийся в пространстве черного драпового пальто, он топил руки в глубоких карманах. Черная вязаная шапочка натянута до бровей, лицо сухое, не по сезону смуглое, подбородок в окантовке запущенной щетины. Он протиснулся между бывалым грузовичком и гаражом. Через узкую щель в воротах гремела рэперская муть. Певцы тараторили про адскую жизнь в каменных джунглях. Кречет сплюнул:

– Есть хотел, хлеб украл.

Правая рука потянула ворота, расширяя дверной проем. Левая – за спиной. Осторожно заглянул. Оппонент, сидя на табурете, что-то полощет в ведре. Между стоек подъемника красуется свежий внедорожник Prado. Сердце подпрыгнуло, Кречет прислонился к стене, пытаюсь успокоиться. Глубокий вдох, затяжной выдох. Повторил – ярость не отпускала. Хватит. Он мгновенно оценил обстановку – никого. Пора. Затем чисто проник в гараж, сразу смещаясь влево, под стену. Человек выпрямился, но Кречет в два шага оказался рядом, правая рука фиксирует горло, а левая упирает в почку острие ножа. Оппонент не удивился:

– Кто? – Но сочтется страхом. – Кто ты, нах?

– Гутен морген, комараден, – сказал Кречет, указывая на машину. – На мои купил, гнида? Мужчина вдруг завился ужом, будто только понял, что с ним произошло.

– Я... отдам... все... забирай, – прохрипело через раздавленную гортань. – Кто? Кому? Сколько?

– Так я не один? – изумился Кречет. Мужчина завыл. Кречет сухо пояснил: – Ты у семьи последнее забрал.

– Кто?! Деньги? Я отдам! – взвыл мужчина. Кречет надавил, нож легко погрузился, руке стало сыро и липко. Нога выбила табурет, отчего мужчина повис на захвате, как в петле. Кречет опустился вместе с ним, не ослабляя хватки, – нож строчил через спецовку. Затем Кречет отжал его голову к правому плечу, оголяя шею и уколол над ключицей.

– Я за них в песках друзей терял. – Кречет отпустил его. Обтер нож. Встал. – Отдавать не надо. Прощаю.

Он снял с вешалки грязное полотенце и, завернув в него оружие, спрятал во внутренний карман. Уже перед воротами он обернулся.

– В аду встретимся. Все расскажешь.

* * *

Слева-справа: гаражные ворота, сугробы, потеки масла, воронки из мочи. Мороз вливается в расстегнутое пальто и вымывает из-под полы дух сырого мяса, на который, кажется, реагируют даже обморочные воробьи. Мерзлая колея заставляет семенить, чтобы не упасть. Посмеялся бы, но... Кречет оступился и воткнулся плечом с ледяной надолб. Чертыхнулся, прежде чем перевернуться. Зафиксировался, широко растопырив руки-ноги. Неожиданно за спиной спросили:

– Вам плохо?

Кречет встал и, спрятав лицо, начал отряхиваться.

– Прекрасно. – Он украдкой оценил прохожего: парень лет тридцати, в яркой лыжной куртке. Кречет нехотя отпустил нож. Притворился любезным. – Благодарю. Нормально, братец.

– Точно? Кровь у тебя.

Он показал на манжет рубашки. Кречет пробормотал:

– Монтировкой ободрал, – угадывая реакцию собеседника. «Лыжник» участливо предложил:

– Может, перевязать? Кажется, серьезно...

Кречет ответил нарочито грубо:

– А может – не надо?

Парень пожал плечами.

– Как знаешь. – И пошел своей дорогой. Кречет проводил его глазами, взгляд впился в яркий капюшон. Воочию жизнь, и без того покатаая, с каждым шагом «лыжника» срывалась в крутое пике.

– Да, в тюрьме еще я не сидел. – Рука коснулась свертка. Он сделал неуверенный шаг, но... испытал облегчение, когда открылись соседние ворота. Вышел мужичок и потянулся, купаясь в бьющих из гаража клубах дыма. Решение далось легко: Кречет сиганул в подвернувшийся между гаражами проход.

Оказавшись на улице, он перешел на шаг. Солнце слепило. Кречет сложил ладонь козырьком. Вдох, выдох – спокойнее, спокойнее. Ватные ноги погнажи прочь. Он перебежал шоссе, форсировал снежный вал. Между ним и бетонным парапетом, который окаймлял реку, пробита узкая тропа. Никого. Кречет оперся на парапет, незаметно сунул руку во внутренний карман. Тяжело катятся вниз буруны, проталкиваясь через ледяные тиски узкого русла. Лед кое-где промыт до толщины бумаги.

– Черт. – Сверток застрял в кармане. Кречет минуту сражается с ним. Без толку. Захотелось психануть и скинуть железяку словно занозу – рывком... Окрик остудил:

– Пройти дай! – Резкий, с нотками претензионной истерики.

– А? – Он растерялся, только что никого не было. Сверток свободно падает в карман. Кречет косится через плечо: тетка неопределенного возраста в зеленом пуховике. Из-под полы смотрят мысочки разношенных дутышей. На голове – малиновый берет грубой вязки. Еще на голове было лицо с круглыми навывкате глазами и шевелящимся ртом. Слова и мимика не совпадают. У ног – красная сумка с колесиками.

– Ты что, один? – спросила она.

– Ну да. – Он оторопело пожал плечами.

Женщина взвизгнула:

– Ты тут, эта, мужчина – дай пройти.

– Какой мужчина? – улыбнулся он. – Мальчик совсем.

Но дорогу уступил. Женщина прошла, что-то бормоча под нос, тележка запрыгала вслед. Кречет зачерпнул горсть снега, затем омыл руки и сбросил розовую кашлицу в реку. Улица ожидала, потянулись школьники, прошел смурной мужик, чиркнув пустым взглядом. Представилось: Кречет у следователя, и тычут в него пальцы – будто лопнула пачка спагетти. Совсем плохо – на перекрестке возник серый УАЗ с синей полосой. Кречет сжался. Машина нырнула во двор, может, к гаражному кооперативу «Тополь» или разнимать алкашей. Но Кречет в лучшее не верил. Вот он, упырь – в кровище, с пикой. Он оторвался от парапета, сунул руки в карманы и, опустив лицо, зацепился за стайку детворы.

* * *

Автобусная остановка наградила лишним вниманием, Кречет сгорбился, огибая сонных людей. Дурак, ой дурак. Его авто все дальше, а нож при нем, уравнение полнилось иксами – реши попробуй. Вот и заборы частного сектора. Собаки подняли гвалт, сопровождая его волной брани. Навстречу проползла скорая, водитель занят дорогой, но врач сфотографировал Кречета поворотом головы. Свидетелей в кабинете следователя прибавилось.

Дорога соединялась с трассой, и вскоре за перекрестком выросла заправка. Машин негусто: на крайней колонке бирюзовый Vits, под зданием – серый крузак. На самом выезде красуется ассенизаторский говновоз с оранжевой цистерной. Правее, за газоном и контейнером технички красуется монолитный сортир с толерантной кабиной гендерного равенства. Радость – то, что надо. Кречет не спеша направился к нему. Из Vits вышла миниатюрная девушка в белом пуховике, похожем на колокольчик, тонкие ноги-спички обтянуты фиолетовыми колготками, вязаная белоснежная шапка с помпоном. Вздернутый нос, пушистые ресницы. Она взяла пистолет двумя руками и понесла, отстранившись, к горловине бензобака. Через стекло на нее зыркает карапуз. Он привязан к детскому креслу, но пробует дотянуться через стекло до матери. Смешной. Синяя шапка с белыми кошачьими ушами, на лбу слева направо пасется белый медведь. Стекло играет на солнце виньеткой морозных узоров. Дверь крузака открылась, пассажир поставил ногу на подножку и закурил. На Кречета ноль внимания, но с сарказмом наблюдает за молодой мамашей. Девушка наконец справляется со шлангом и направляется в кассу, не заглушив автомобиль. На цистерне копошится рабочий. Ниже – женщина в оранжевой спецовке делает пометки в бланке, зажатом на картонном планшете. До прохожего им нет дела. Кречет взялся за ручку туалетной двери двумя пальцами. Пахнуло хлоркой. Внутри неожиданно чисто: кафель на полу, выбеленные стены, но паутина по углам с трупиками пауков. Сразу за очком – совковая лопата и веник. Порядок. Кречет закрылся, лишь оказавшись в бетонном стакане, он вдруг ощутил облегчение, если здесь можно применить этот термин не в прикладном, отвальном смысле. Один. Все не так уж плохо. Ничего – остыть, собраться с мыслями. Не в первый раз. Так, частный случай. Проскочим. Да... Ведь просто поговорить хотел. Но как увидел, все – понесло. Странно, а жалости к покойнику не чувствовал, только естественность – как толчок приклада.

Кречет неторопливо отлил, застегнулся, выдохнул. Теперь о главном – нож. Он коснулся свертка. К горлу подступил комок, будто в последний раз погладил старого пса.

– Давно мы вместе, Глок. – Сверток опять застрял. – Что за черт, мистика какая-то.

Кречет придержал пальто, достал сверток и взвесил на руке.

– Твое место уж точно не в говне.

Он развернул его, вытер полотенцем узкое вороненое лезвие, рифленую рукоять. Фрагменты пыли у перекрестия напомнили, как он рыл им окоп. Кречет криво усмехнулся.

– Хитрец.

Упаковка порхнула в очко. Кречет оттянул рукав, прихватывая рукоять. Нож закачался словно маятник. Секунды капали, но он продолжал счет, уже дурея от хлорки.

– Дебил, – выругался. – Взял бы кухонник с рынка.

Кинжал продолжал раскачиваться.

– Так кто же знал? – спросил Кречет у засохших пауков. Потом вздохнул: – Эка ты через колено...

Вдруг нож замер.

– Приехали, – выругался Кречет, он приник ухом к двери. Снаружи что-то происходило: перебранка с равноудаленных точек, будто люди одинаково сторонятся какого-то центра. Хлорку перебил запах горелого. Кречет сплюнул. – Фу, на.

И вдруг – высокий визг:

– Миша-а! – В бреду решишь, что женский. Кречет толкнул дверь. Шпингалет повис на шурупе. Он увидел пламя, молодую мать. Из-под капота Vits валит дым, правое колесо занялось огненным кольцом. – Мужчины, помогите! Да помогите же кто-нибудь!

Публики много. Роятся, дают советы, тычут смартфонами. Просто репортаж. Лайки падают с почти осязаемым шорохом. Пассажир крузака отрывает девку от двери авто, она дрыгает ногами. Служка заправки, как был с щупом, кружится поодаль. А крузак, кстати, пропал.

– Рванет, рванет.

– Пожарку, где пожарка?

– Огнетушитель где?

– Миша! – Женщину сломало пополам. Кречет вспомнил на бегу: «Малой в машине».

Сознание прояснилось: все вдруг стало ясным, прозрачным. Кажется, видно, как текут мысли, колотятся стеклянными шарами страхи и в основном – возбуждение: общее, светящееся малиновым, под пологом обеспокоенности. Кречет болидом порвал круг зевак, выбил смартфон из чьей-то руки. Вдогон:

– Да ты оху...

Пустое. Рывок двери. Блокировано. Нож! Кречет ударил торцом рукояти. Стекло осыпалось. Он распахнул дверь.

– Сгоришь, – посочувствовали издалека. Кречет нырнул в салон, нащупал пацана, рассек ножом ремни и вытащил мальчика наружу.

– Держите.

Кречет оказался опять у машины, вывернув руль, уперся что есть сил. Ошпарило лицо и руки. Занялось пальто. Горящая резина прилипла к асфальту, но он давил и давил, выигрывая метры. Шланг выскочил из горловины.

– Мужик, ты горишь!

Кречет захлебнулся дымом, легкие разорвал кашель. Но ботинки мерили асфальт метр за метром, будто перебираешь четки. Кто-то забежал сбоку. Помогут. Будет легче. Но в лицо ткнули вспышкой и сгнули. Бесы. Шаг. Еще шаг. Вдруг он провалился вперед и чуть не упал, повиснув на двери. Его оторвали от машины, повалили на землю. Вопросы «за что» не возникло – за дело. Он сжался, стараясь подставить спину. Но его обдали струей из огнетушителя. Тогда он вспомнил о ноже. Потерял. Но стало легче.

Встреча с прекрасными

Бой был встречным. Головные дозоры ударили одновременно. Хлопнули ВОГи, автоматы захлебнулись длинными очередями. Ядро группы и тыловой дозор устремились вверх по склону, заворачивая фланг. Бой их не коснулся, так как головняк атаковали за поворотом ущелья. Судя по тому, что он продолжал огрызаться, встреча для противника была таким же сюрпризом. На общем канале царила чехарда из противоречивых команд, докладов, никто пока ничего не понимал. Было ясно: противник есть, группа влипла, но насколько – неизвестно.

Златогор карабкался на четвереньках, забросив винтовку за спину, рядом пыхтел Гефест, Физик забросил пулемет на плечо и, придерживая его за ствол, резво взбирался к вершине, изредка опираясь на левую руку, когда его сильно заносило. Наверху они, задыхаясь, упали и одновременно без команды обрушили огонь на три черные точки, которые перемещались между камнями.

– Варяг, отход, – приказал Гефест, потом с небольшой паузой спросил: – Все целы?

– Отходим, порядок.

Златогор отстранился от прицела, мельком глянул на часы: 16/03/2016 15:07.

– Ушли, – сказал он скорее себе, чем командиру, но Гефест подтвердил:

– Ушли.

– Что делаем?

– Лежим, наблюдаем, – сказал Гефест, после покосился на правый фланг, откуда продолжалась жидкая пальба. Затем, поколебавшись, он приказал в рацию: – Стоп стрельба.

Златогор глянул на левый фланг: пусто, в десяти метрах начинался резкий обрыв. Справа – рассредоточенная цепью разведгруппа. Физик, вытянув шею, ищет поверх пулемета, кого бы убить, Гефест лежит на спине и по радио обменивается с комбатом.

– Командир, – сказал Златогор. – Плохо лежим.

Через широкое, но неглубокое ущелье над ними довлела высота, на вершине которой располагалось каменное плато, похожее на разрушенную крепость. Правее, минуя незначительный провал, красовался каменный зубец, причудливый, будто старинная башня.

– До крепости метров пятьсот, не больше, – прикинул Златогор.

– Надо туда перебраться, – согласился Физик.

– Ждем команды, – возразил Гефест.

– Дождемся, – пробурчал Физик, – разматают нас здесь.

– Вниз скатимся, а потом по ущелью домой. До НП полкило по прямой.

– Так то по прямой, – пробурчал Златогор.

– Догулялись, бля, – поддакнул Физик.

– Мархаба, славяне. – К ним подполз Прибор, глаза еще светились возбуждением недавнего боя. Следом забрался Варяг. Он кивнул Гефесту и, усевшись чуть ниже вершины, закурил.

– Слава, – начал Прибор, – духов человек десять...

– Мы только троих видели, – прервал Гефест.

– Ты до конца дослушай, – возбудился Прибор. Он отобрал у Варяга сигарету, затянулся сам и пустил ее по кругу. Но оказалось, кроме Варяга никто не курит. Он еще раз затянулся и вернул сигарету хозяину. – Десять черных, они сами обосрались, выскочили на нас лоб в лоб. Шли как дома, кагалом. Только что не галдели. Варяг с перепугу весь магазин в небо опрокинул...

– Чего это с перепугу? – возмутился Варяг.

– Ладно, ты, – отмахнулся Прибор. – Я заметил, одни пиздюки. С ними пара-тройка бородатых, в черном. Явно не в курсе, что мы здесь три дня. Наверное, приспичило кентов проведать.

– Да без разницы, – сказал Златогор. – Сваливать надо.

Он показал на высоту.

– Они вниз сдригнули, – засомневался Прибой. – Вызовем «птицу», пусть Крым посмотрит, где этот петушатник, артой размотаем. Не сунутся.

– Гефест – Соколу, – раздалось на общем канале. Гефест склонился к рации.

– На связи Гефест.

– На крепости движение.

Над головой засвистело, в ответ раздалась беспорядочная стрельба. Это продолжалось минуты три, пока Прибор не предложил:

– Обойти надо.

Он показал Гефесту на гряде, что справа, изогнувшись, переходила в спуск, который, в свою очередь, вливался в резкий подъем на фланг противника.

– Бесплезно долбить, или уйдут, или, чего доброго, вылезут с какого-нибудь краю.

Гефест некоторое время рассматривал «крепость», что-то прикидывая в голове, пока не родил решение:

– Согласен. Но открытки метров сто, на склоне тоже не спрятаться, пока до того камня не дойдут.

– Я добегу, – заявил Прибор.

– Саша, ты командир, – возмутился Гефест.

– А ты кого-то силком пошлешь? – спросил ехидно Прибор. – А я добегу.

Гефест почему-то посмотрел на Физика и Златогора, единственных уцелевших из первой группы. Нахмурился, покачал головой.

– Тебе решать, – признался он. – Кто с тобой?

Он изучил каждого, будто перебирая, кого не жалко. Златогор его окликнул:

– Я с Прибором.

– Егор, ты снайпер, – напомнил Гефест.

– Вот обойду и постреляю, – огрызнулся он. – Мы с Шурой вроде корешимся.

– Спасибо, брат, – сказал Прибор. – Гефест, как пойдём, навалите козлам. Окей?

– Конечно, командир.

– Слава, не паясничай, – усмехнулся Прибор в седую бороду.

Они мчались по склону сломя голову, стрельба слилась в дробный рев, Златогор прыгал через камни с одной только мыслью: не споткнуться. Спина Прибора мелькала в пяти метрах и продолжала удаляться: Шура выжимал лучшую в своей жизни стометровку. Ускорение было так велико, что с разгона они залетели на четверть подъема. Трескотня за спиной стихла, только пулемет Физика сохранял прежний темп. Быстрее, быстрее. Златогор безнадежно отставал от Прибора, хотя лихо, по-собачьи поглощал пространство горы. Рысью и четырьмя конечностями. Перед глазами проносятся камни, бурые, серые с кляксами лишайника. Винтовка сползает со спины и бьется прикладом о землю, а он, чертыхаясь, вынужден ее поправлять, с ужасом осознавая, что теряет темп. Прикрытие ударило с новой силой, это означает одно – их маневр засекли и пытаются срезать. Как подтверждение высоко над головой засвистело – чернокнижники бьют вслепую. Сердце молотит, кажется, сейчас оно перекроет кислород, будто шарик от пинг-понга, в груди режет, вкус крови на губах. Златогор рванул с шеи арафатку – понты сейчас не помогут. Быстрее! Прибор уже достиг скалы и карабкался по отвесной стене. Твою же мать, издали подъем казался проще. Быстрее! Он уткнулся лбом в камень, сейчас бы упасть, успокоить сердце, выровнять дыхание и начать подъем. Скала его убьет.

– Двигайся, осел, – взбодрил он себя. – Сейчас мы сдохнем.

Он заставил себя встать, поправил СВД, как смог, хотя было понятно – «весло» обязательно сползет и попытается его убить.

– Зачем я сюда поехал? Сидел бы дома, – простонал он, глаза нашли уступ, он с трудом поднял ногу, руками вцепился в острый камень и подтянулся.

– Понеслась...

На вершине он испытал такое наслаждение, что даже если бы его здесь встретили барма-леи, то он бы им блаженно улыбнулся. Полежать бы на спине, глядя в глубокое небо. Но Прибор оторвался на тридцать метров, похоже, что Шура воевал сам. Проклиная человеческий эгоизм и боевое братство, Златогор поднялся на каменных ногах, снял винтовку из-за спины и, шатаясь, засеменил за товарищем. Его движение только походило на бег. Пока что жизнь его была ему безразлична. Добежит до укрытия, освоится, отдохнет, тогда и пободается с Безносой. Вот и провал, Саня уже на той стороне, мостится за камнем. Наконец-то оглянулся, марафонец. Машет рукой. Златогор мотнул головой: да, да, конечно, уже бегу. И ускорился, как смог. Из провала он выбирался на морально-волевых качествах, о физике уже вопроса не вставало. Он упал рядом с Прибором, глотая ртом воздух.

– Братан, не стреляй, – попросил Златогор, задыхаясь. – Залягут... Подожди... Я сейчас...

Он устроил цевье на кулак левой руки, приложился к винтовке, осмотрелся поперек прицела. Площадка, где залегли аду, напоминала каменоломню. К стене «крепости» примыкали значительные валуны. Среди каменных кубов и пирамид сновали крохотные фигурки. Они поливали свинцом позиции разведчиков, не прицельно, закинув автоматы над головой. Выныривали из каменного лабиринта, как чертики из табакерки, высыпали огня, насколько хватало смелости, и пропадали.

– Вижу троих. – Златогор повернулся к Прибору. – Где десять, Сань?

– А я ебу? – огрызнулся тот. Потом предположил: – Оставили лошков, а сами или ушли, или обходят. Тьфу-тьфу-тьфу.

Он сплюнул через левое плечо, почти что на Егора.

– Понеслась?

Златогор выбрал цель.

– Погнали... С-сука, мелькает, педераст...

Толчок в плечо, бармалей завалился. Хлопнул подствольник. Духи на секунду замерли: превозмогая здравый смысл, над камнями торчат неподвижно вытянутые шейки. Вместо бород – нелепая козлиная растительность. Второй толчок в плечо. Панорама прицела вышла из сектора. Мимо. Назад. Но в прицеле уже никого. Лопнул ВОГ. Прибор жалил короткими очередями.

– Пустой. – Он припал на колено, меняя магазин.

– Держу, – крикнул Златогор, он начал накидывать выстрел за выстрелом.

– Готов, – сказал Прибор. – Погоди-ка...

Он отправил три ВОГа подряд, затем клацнул затвором и без предупреждения перемахнул через камень.

– Поддержи!

– Прибор, блядь! – выругался Златогор, наблюдая краем глаза, как Прибой по диагонали мчится до «каменоломни», туда, где монолиты почти касались стены «крепости». Златогор глазами вцепился в пространство. Движение. Выстрел, выстрел, выстрел. Неприцельно, узким веером, прижимая аду под камни. Левая рука выдергивает магазин из подсумка. Движение. Выстрел. Выстрел. Винтовка только ударила в плечо, а он уже меняет магазин. Рывок затворной рамы, патрон в патроннике. Выстрел, выстрел. Над камнем появляются руки с автоматом, оружие прыгает в них, рассылая беспорядочные очереди. Над головой засвистело. Высоко...

Прибор подкатом падает за укрытие – Златогор мгновение видит в его глазах восторг – в руке Прибора граната. Он забрасывает ее по высокой дуге, она еще не успевает взорваться, как вслед – другая. С левого края выскакивает черная фигура. Толчок приклада СВД

в плечо: человек ломается и катится вниз, где его принял огонь разведгруппы. Без вариантов. Взрыв первой гранаты – Прибор всыпал из автомата по-сомалийски⁵². Грохнула вторая, и он, уже не таясь, с отчаянием берсеркера перевалился на ту сторону, широким веером раздавая остатки магазина.

– Шура, твою же мать! – Златогор выскочил из-за укрытия, чертыхаясь, побежал за Сашкой, задирая высоко колени, рука искала свежий магазин. Пояс съехал, подсумки хлопнули по бедрам, высокотехнологичные кальсоны сползли до середины бедер, от этого он мчался, широко разбрасывая ноги. Ствол СВД неаутентично смотрел в небо. И было смешно и страшно. Взрыв гранаты заставил его упасть, он наконец сменил магазин. Осторожно выглянул из-за камня. Прибор бродил по площадке, пиная пустую пластиковую бутылку. К его ноге прилип окровавленный бинт. Тут и там валялись обрывки упаковок ИПП, красные от крови ватные комки, гильзы, какое-то тряпье. Прибор заметил Златогора.

– А тут и нету никого, – сказал он с разочарованием. Златогор устало встал, вдруг в голову пришло, что наши могут расстрелять, поэтому поторопился доложить:

– Гефест – Златогору, все чисто. Подходите.

– Принял тебя. Красавцы.

Златогор посмотрел на часы: 15:37.

⁵² Стрельба «по сомалийски» – неприцельно по направлению, держа автомат над головой.

Ветер

Ветер напирал. Рвал шерстяные одеяла с плеч, укутанные, словно былинные герои, с головы до ног бойцы хмуρο вглядывались в темноту. Редкий разговор умирал в свисте. Стонали камни, стонали кости. Опорник застыл в тревожном ожидании. Никто не спал после восьмичасового боя. Лежат, ворочаются, скрипят скелетом. Златогор выпустил руку из-под накидки, ладонь сквозь тактическую перчатку нащупывала ребристые бока «эфок». Гранаты разложены между валунов. Слева направо. Вот пусковая машинка. Короб с лентой ПКМ. Вскрытый цинк ЛПС, Златогор перебирает патроны, как костяшки четок – во имя отца, сына, а эта – святого духа. Оглянулся. Под НП будто разлили чернила, вершина хребта чуть подсвечена луной, до сырной желтизны, но буквально метровый перепад топит все в непроницаемой темноте. На левом фланге в таком же каменном блиндажике крохотная муравьиная голова. Антураж все тот же: каска, одеяло, продутое насквозь мясо. Златогор опять ухватился взглядом за стол, плоскую вершину, издали похожую на осыпавшийся фундамент древней крепости. Дистанция семьсот пятьдесят метров. Ты здесь, а разумом все еще там, где тихий беззвучный бег к вершине, чтобы вызволить трупы расхераченной группы минирования. Восемь часов, разбитые на мгновенные вспышки, хлопки гранат, сухие команды и как результат – вереница из носилок, облепленных семенящими матерящимися сквозь зубы людьми.

Правая опять коснулась крайней гранаты, следующей, следующей – и так до цинка с патронами. Левая придерживает цевье СВД, ствол в небо, тепловизионный прицел бросает в ноги призрачный белый кружок. Златогор закрыл наглазник, пристроил винтовку на бруствере и, только прикинув глазом к окуляру, убрал ладонь. Камни еще не успели остыть. Белые контрастные силуэты пробиты черными прожилками теней. Ни фигур, ни движения. Он опять опустил винтовку, привычно проконтролировал соседа слева. Порядок. И замотался поплотнее в одеяло, так что наружу торчал только нос. Апатия, он выгорел дотла.

Через полчаса за спиной посыпались камни, Златогор остановился на третьей гранате по счету, сжал ее и, не выдавая себя ни одним движением, взялся за кольцо. То, что кряхтело и чертыхалось по-русски. Прибор. Надо же.

– Пригнись, – сказал он не оборачиваясь.

– Порядок у тебя? – Прибор добрался до места на коленях и скорее втянулся под защиту каменной стенки, чем прополз.

– Живой.

Молчали минут пятнадцать. Прибор чертил по горизонту козырным ночником, Златогор посчитал возможным прикрыть глаза, поднимая веки по зову сердца. Страшно, что даже страха уже не оставалось. Прибор наконец произнес:

– Марат тяжелый, походу, селезенке хана. Куда полез, командир хренов? Решил в бойца поиграть.

– Ну, – откликнулся Златогор.

– Да и я тоже хорош, как все бестолково. Гефест заколебал со своим «надо обозначать присутствие, ходить, тревожить». Вот и доходились. Пацанов потеряли, как глупо потеряли. Бег, пидор, духов проебал. Они ведь чисто к засаде готовились. А с хуя они должны терпеть? Когда-то обязаны были ответить. Вот и ответили. Как котят расхерачили... Вас из группы Маркера трое осталось... «Огурцов» у минометчиков штук пять...

Златогор прикрыл веки. Прибор причитал о своих и чужих командирских ошибках, видно было, что искренне переживает. Пока наконец не обрадовал:

– Завтра опять попробуем... У ССОшников три кэмэ южнее группа попала. День какой-то блядский. Никто толком не понимает, что здесь сегодня было. Командование планирует трупы отбивать...

На этот раз Златогор посмотрел на Прибора – черный силуэт с вкраплениями седины на подбородке. Ветер заставлял пригнуться за валуны. Златогор сгорбился.

– Пыльную бурю натягивает, – сказал Прибор. Глаза действительно начало резать песчинками. Златогор опустил маску на лицо. Говорить было уже бесполезно. Слова уносились раньше, чем успевали образоваться на губах. Прошел час. Одна граната, вторая граната, третья граната, пусковая машинка, короб, цинк ЛПС – первая граната... Прибор закурил, низко, у самой земли, вдыхая вместе с дымом струю абразива. Первая граната...

Златогор задержался на ребристом корпусе.

– Жив останусь, – сказал он крохотному огоньку, – никогда на дочь орать не буду.

Сага о костре

Мчались на Тифор. Еще было темно, они досыпали в кузове ГАЗ-3307. Деревянные борта грохотали, машина извивалась на ухабах, пока наконец не выскочила на трассу. Цвет хаки как бы намекал на военную принадлежность грузовика. За рулем был Мабута, штатный водитель разведки, Мабута компенсировал люфт и матерился. Слышно было даже в кузове, несмотря на закрытые окна кабины. Прибор спал рядом с водителем, прислонившись к окну. От прыжков машины его голова периодически выбивала барабанную дробь по внутренней обшивке, но Прибор лишь открывал глаза, осматривался, надвигал поглубже флисовую шапку и снова засыпал. Перед ГАЗом вертел хвостом гантрак, в кузове за ДШК балансировал Махно: в очках-маске поверх пестрой арафатки и длинной камуфляжной куртке – практически пальто. Встречный поток рвал, теребил глубокий капюшон, трепал полы одежды.

Группа дрыхла в кузове, вповалку на мешках, укрывшись брезентовым тентом. Под брезент просачивался холод. Он струился тонкими ручейками между тел, пробивался под ворот, находил дорогу под манжеты кителя. Натянутая на глаза балаклава давала защиту, пока дыхание не делало ее мокрой насквозь. Тогда Егор оттягивал нижнюю часть на подбородок и делал несколько жадных вдохов, балансируя на грани комфорта. Снаружи серело. Границу ночи рассекла тонким клинком полоса рассвета. Багровые краски раздвинули пустыню на верх и низ, и скоро, да что там – почти скачкообразно загорелось утро.

Вместе с суточным циклом перевернулась страница атласа: резко, без предупреждения, волнистые прерии с кустами и серой стеной округлых гор на горизонте сменились марсианским грунтом, песчаными заносами и глиняными мазанками вдоль дорог. Иногда ГАЗ проносился мимо грунтовых редутов: отвалы в рост человека, исполненные в виде замкнутого квадрата. Внутри были обвисшие, выгоревшие палатки, флагштоки. Стволы гантраков глазели на пустыню. Обвисшие палатки, обвисшие стволы, обвисшие знамена – все давило духом древности и тупика.

– Я меч во тьме, я дозорный на стене, – пробормотал Егор, но его услышал Ежик.

– Что? – спросил он в самое ухо.

– Я, бля, щит, охраняющий царство людей, – крикнул Егор в ответ.

– Бля, можно не орать? – зашевелился Сага.

– Нафига – щит? – спросил Ежик.

– Просто захотелось. Само. – Он посмотрел на Ежика. Простое русское лицо со светлыми, почти прозрачными глазами, которые блестят из-под натянутой на уши панамы. Нос маленький, оканчивающийся маленькой картофелиной. Конопущки стаей перебежали от уха до уха. На Ежика хотелось орать, настолько он потешно выглядел. Егор сделал над собой усилие.

– Смотри, братан, как здесь уныло.

Грузовик замедлился, принялся мягко обходить песчаный перемет. Справа проплывал редут: все те же отвалы, гантрак и палатки – но здесь торчал на бруствере садык. Загоревший до черноты, тощий возрастной солдат в огромном обвисшем свитере, камуфляжных штанах и шлепках. Завидев грузовик, он прекратил умывание из пластиковой бутылки, чтобы вяло поприветствовать их поднятием руки. Неожиданно удивил Сага. Он ужом выполз из-под тента, резво вскочил и, раскинув руки, рывкнул в небо:

– Ра-аз-же-ечь костры-ы-ы!

Громогласный крик покрыл бурчание двигателя, садык на бруствере, кажется, нырнул в свой необъятный свитер. Бутылка покатила вниз, разбрызгивая воду.

О смыслах и повторениях

Они засиделись во дворе, стемнело, мангал едва тлел, превращая лица в рельефные маски. Довольно быстро справились с литром самогона, и потянуло к правде. Прибор разглядывал огонь, пока Егор равномерно рассуждал:

– Они здесь, Саша, сами придумывают беду, а потом натягиваются на нее, как сова на глобус. И назовут это борьбой, а все сводится к банальному Фрейду – у кого толще хер.

– Человек – мера всего, – поддакнул Прибор.

– Возня мокриц за плитингом. Ловлю себя на мысли, что не хочу сдохнуть среди мокриц.

– Это гордыня, братан.

– Иди ты! Я мечтаю себя уважать.

– Они хотели, чтобы их любили. – Прибор хихикнул цитатой из «Девятой роты».

– Как представлю свои похороны, – продолжил Златогор, – однокашники, пухлые полковники с постными лицами. Фу. Кто-то ляпнет: жил грешно и помер смешно. Поверь мне, так и будет.

– От встреч выпускников одна досада. Ярмарка тщеславия, – согласился Прибор. – Все внешне весело и ровно, пока после какого-то стакана не сообразишь – все театр. Герои и пьяные статисты.

– Запутался я, Саня.

Прибор странно взглянул из-под бровей, но ничего не сказал.

– Я бухой, – оповестил Златогор.

– Да не гони.

– Тогда о смысле жизни. Пора?

– Валяй. – Прибор откинулся в кресле, отчего лицо спряталось в тени, блики гуляли по покоившемуся на животе предплечью, где чернела шестеренка войны и только оформляющаяся омега.

– Я так подумал, озарило вдруг, что смысл есть лишь тогда, когда являешься частью чего-то.

– Ну-у...

– Не перебивай, – предостерег Златогор. – Тогда поступки приобретают смысл. Купил машину, империю расширил, баню построил без единого гвоздя – польза. И ты в этой пользе значимое звено, без тебя никуда. Но стоит утопиться в глубоком внутреннем мире, и все – психозфрения, суицид, развод.

Он постучал себя кулаком в грудь.

– Шура, я выбыл из большого дела. Мир сузился.

– Гордыня, братан...

– Да погоди ты. – Златогор потянулся к нему, отчего лицо оказалось над углями, в белках заблестели дьявольские огоньки. – Когда знаешь, что такое дружба настоящая, враги настоящие, страх настоящий. Что, нет? Попадаешь в мирняк, будто в кошмар – круг абсурда. Сова на глобусе, Шура. И не проснуться.

– Жена услышит, даст сковородником.

Златогор машинально обернулся: окна висят в темноте, на террасе никого. Прибор захихикал.

– Страх настоящий, – передразнил он

– Тьфу ты, – отмахнулся Златогор. – Наливай.

Выпили.

– А там мечтаешь вернуться, к детям и жене – к иконам, брат...

Прибор стал безжалостным.

– Ты сам ответил. Там тешишься иллюзией, а здесь все не так. Вот и колется в жопе, как у вора на заборе. Только ворует у самого себя: время, жизнь – люди приучаются обходиться без тебя. Заметил, что неделями никто не звонит? Ибо ничего нового им от тебя не узнать. Поводили, как слона за хобот, да подустали. Молчишь на посиделках в тряпку. Я прав?

– Прав.

– Бисер перед свиньями не мечут. Они это чувствуют, сначала им любопытно, потом – хлопотно. Но самое грустное, когда они тебя прочитают – будет неприязнь, тщательно скрываемая, через улыбки и похлопывание по плечам.

– Хм.

– А там, – Прибор махнул на Кассиопею, – тебя помнят и помнить будут, пока живут...

Златогор разлил остатки самогона. Угли остывали, свет таял, закрывался красный тусклый круг. Златогор пошарил, куда дотягивались руки, дров не было. Допивали они уже в полной темноте. Натянутое молчание намекало, что еще не все, Златогор ждал. Прибор совсем скрылся в тени, силуэт слился с узловатой ивой. Наконец Прибор вкрадчиво попросил:

– Братан, уговор – я тебе ничего не говорил, но рассказать считаю нужным, как причастному.

Он, видимо, ждал какой-то реакции, потому что замолчал. Потом как-то пережевывал слова, прежде чем продолжить:

– Нашли пацанов. Ребята на восьмьсот первой были, прошли по нашим местам. Всех собрали. Бертолета нашли в подножии, сорвался, когда уходил из-под обстрела. Звери кости растащили. Но пацаны собрали. Даже жетоны. Я всегда говорил, Бертолет не предатель. Он в инженерке виртуоз, а у душья почерк не тот... Но какая-то блядь распускала слухи, что он в плену.

– Год уже, – сказал Златогор.

– Да, год.

– Алтай, Ванька?

– Все там. Семьям останки передали, без помпы.

– Жена Ванькина считала, что он живой. Странно, да? Лишили женщину надежды. Есть помянуть? – Златогор поворошил угли, потом проверил бутылку. – Голяк.

– Ну, так поедешь? – спросил Прибор. Егор затянул с ответом.

– Не знаю еще, брат. Подумаю, – уклончиво ответил он.

* * *

Прибор уехал засветло, как обычно – не попрощавшись. Егор прислушался к себе: голова в порядке – самогон не подвел. Он сполз с кровати и, собирая по ходу спортивные вещи, поплелся на пробежку. Потом повисел на турнике, в заключение опрокинул на себя ведро воды.

Завтрак прошел в молчании, они с женой тихо прочитали что-то у себя в телефонах, прожевали бутерброды и расстались: каждый по своим делам. Она к дочери и стирке, он – собрал посуду и завис над раковиной. Он с детства обожал возиться с горячей водой, это отстраняло. Время пошло. Чистое, чистюля, чистоплюй, чистилище, зачистить – цепочка слов без сознательного участия бежала вслед за струйкой воды. Она накалилась до кипятка, Егор отдернул руку и хлопнул по флажковому крану.

– Черт, – выругался он. В кухню прорвался голос жены:

– Наташку заберешь?

– Что? – переспросил Егор.

– Ты меня вообще слушаешь? – напряглась жена.

– Заберу. – Он вздохнул и поставил на горку последнюю тарелку. Шкаф с грохотом закрылся. Он опять надел наушники и поймал куплет от «Саграды» про Севастополь. Прон-

зило до мурашек: моряки падали с катеров в свинцовую черноморскую воду – автоматы высоко над головой, по рукам идут ящики. Под силпый мат груз и люди тянутся до самой береговой гальки.

Егор оперся ладонями в стол. Пустой взгляд воспринимал реальность как фон. Ленка ругала дочь. Мелкая стояла, опустив голову, глаза на мокром месте, а в руке дневник. Тон нарастал, усугубляя разнос. Егор вздохнул и, пройдя в гостиную, дотронулся до жены.

– Лен? – Он снял наушники.

– Что? – Она раздраженно обернулась.

– Да ну ее, эту тройку.

– В смысле «ну ее»?

– Это всего лишь оценка. Подумаешь.

– Что ты несешь? – возмутилась жена. – Ладно не выучила, ведь она все время врет.

– Фигня, переделаем. Правда, мелкота?

– Угу. – Дочь шмыгнула носом.

– Ты всегда так. – Мать переключилась на него, через Егора, как через громоотвод, полыхнула искра. – Ну конечно, папа хороший, папа добрый, а мать – мегера...

– Ты сказала.

– ...Матери всегда больше надо. Куда она пойдет с такой учебкой?

Он хмыкнул.

– Лен, ей десять лет.

– Уже десять! У Таньки Олег на учебе, на английском, на тренировках...

– Бедный Олег.

– Вот именно – НЕ бедный!

Егор проглотил намек, а затем холодно спросил:

– Лен, представь, что она завтра умрет. Нет ее – все.

Жена задохнулась. Глухая пауза накрыла всю планету. Жена не выдержала и взорвалась:

– Что ты несешь! Совсем с ума сошел со своими... своей войной.

Она долго что-то кричала. Однако Егора позабавило другое: он ничего не чувствовал – он смотрел на нее, как на восковую марионетку с открывающимся ртом, реквизит из разных спектаклей, непонятно как соединившийся в воронке их пространства. И слова, не единожды сказанные, метались звонким бисером. Воздух вибрировал, сценарий упал в полнейший негатив, вспоминалось все – поборы, займы, кредиты, позор.

– Я даже не могла сказать, куда ты пропал. Ты врал мне! Я друзьям говорю твою версию, а они смеются за спиной. А я не знаю ничего. Так где правда, Егор?

Жена замолчала. Он смотрел на нее и удивлялся горячим волнам нежности. Вдруг лед между ними растаял. Егор честно повинулся:

– Прости.

* * *

Он ехал на работу с тяжелым сердцем. Егор не спешил, гонял в голове неприятное утро, вчерашние посиделки с Прибором, новости из жизни прошлой перепутывались с нынешней повесткой, превращая действительность в нечто неперевариваемое. Работа, работа, работа. Обязанности воспринимались как театральная роль, часть имиджа, рабом которого он стал: загадочный сукин сын с объемной контузией, садистскими наклонностями и мутными связями. Пугала необходимость поддерживать оный, чтобы держаться на плаву. Переступив порог кабинета, он превращался в шизофреника, за порогом один человек, а внутри – конченная мразь. А грань этого порога неприятно истончается. Имидж, имидж, имидж.

Когда Егор вернулся из первой командировки, он катался часами в московском метро. Из укромного угла, откуда был виден весь вагон, он наблюдал за пассажирами. За их играми, ужимками или наоборот, окукливанием – не люди, а шорох газетной бумаги, распушенные хвосты, да брызги секрети. Но через время видение оставило его. Граница размылась. Он стал таким же овощем.

Движение по мосту ускорилось, ванты кадировали просыпающийся Золотой Рог. Вот и второй съезд, Егор уверенно положил руль и скатился с моста, резво уходя на улицу Калинина. Вдруг слева заревел клаксон. Егор рефлекторно ударил по тормозам, мимо пронеслась массивная тень. «Ленд круизер» жестко затормозил, слепя рубиновыми стопарями. Егор успел рассмотреть на его заднем стекле, над запаской, орден Отечественной войны и надпись «Можем повторить». И, конечно же, засаленную гвардейскую ленту. Егор втуне сплюнул: девальвация знаков удручала. Такая же ленточка висит на сгоревшем танке под Хрящеватым, куда жители несут цветы. Иной символ иного русского мира. Там повторили и будут повторять. Здесь заявляют об этом с уверенностью, что на их век повторений не состоится.

«Круизер» резко вильнул, заставляя прижаться к обочине. Егор вылетел из ряда, едва не протаранив припаркованную машину, и остановился.

– Ну что за день? – пробормотал Егор, вытирая о куртку вспотевшие ладони. К нему уже мчался хозяин «круизера», рослый парень в обтягивающем пиджаке, руки еле помещаются в рукава. Идеальная борода под викинга. Гладкое лицо с нахмуренными бровями, глаза горят пунцовым гневом.

– Тварь. – Егор вышел, держа руку за спиной. Парень подскочил и начал орать, что он говорил, Егор не слышал, но рассматривал сосредоточенно середину лба. Когда воздух в оппоненте кончился, Егор вклинился между тирадами.

– Все? – спросил он.

Парень опешил:

– Че, блядь!

– Ты зачем орешь? Хочешь спросить с меня – спрашивай...

– Чего, блядь?

– ...а если нет, кошку махай в ссыкло. – Егор пронзил пиджака взглядом. Парень подскочил, выкатив грудь.

– Ты страх потерял?

– Да, – признался Егор и легко уклонился от затянутого хука, а потом ударил мужчину плечом. – Уймись!

Машины в ряду притормаживали, кто-то уже стримил. Мужик зверел, ситуация была глупая и затягивалась, кто-то должен был поставить точку. Он вернулся к машине и извлек из салона пистолет. Картинно, по-голливудски вытянул перед собой.

– О как, – хмыкнул Егор, – гангста стайл.

– Завалю тебя, муфлон, – пообещал мужчина. Егор поддержал:

– Стреляй.

– Пристрелю.

– Наклейка у тебя: «Можем повторить». И ты меня, русского человека, на русской земле собрался валить. Из-за чего? Потому что я тебе дорогу не уступил? Что ты можешь повторить? Мужчина продолжал целиться, однако не нашел ответа.

– Увидимся еще, – резко бросил он в сторону Егора и ретировался. Егор опустил руку с молотком.

– Ну, это вряд ли, – сказал он вслед удаляющимся стопарям. – Уезжаю.